ОЧЕРКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗ ТОЙ ЖЕ СЕРИИ:

Академик В. В. БАРТОЛЬД. КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСТВА.

Проф. М. И. РОСТОВЦЕВ. РОЖДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Проф. М. И. РОСТОВЦЕВ. ЭЛЛИНСТВО И ИРАНСТВО НА ЮГЕ РОССИИ.

Проф. А. Е. ПРЕСНЯКОВ. РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

Проф. А. Е. ПРЕСНЯКОВ. МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО.

Проф. И. М. ГРЕВС. КОНЕЦ РИМСКОИ ИМПЕРИИ.

Проф. Л. П. КАРСАВИН. КУЛЬТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ.

Проф. О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.

Проф. Б. А. ТУРАЕВ. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ.

Акад. Н. Я. МАРР. ХРИСТИАНСКИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАКАВКАЗЬЯ.

Прив.-доц. М. А. ПОЛИЕВКТОВ. ЕВРОПЕИЗАЦИЯ РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

ИСТОРИЯ

П. В. БЕЗОБРАЗОВ

ОЧЕРКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗД-ВО
„ОГНИ"

ПЕТРОГРАД
1919

2к

Рисунок обложки и заглавной страницы исполнен художником
Д. И. МИТРОХИНЫМ.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

1124
23.

15-ая Государственная типография. Петроград Звенигородская, 11.

„Очерки Византийской Культуры“ — лебединая песня Павла Владимировича Безобразова.

Более тридцати лет своей трудовой, мятежной, полной превратностей жизни посвятил покойный (скончался в октябре 1918 г.) изучению истории Византии. Много памятников византийской письменности он изучил, еще большее количество их он прочитал. В результате у него получился неиссякаемый запас сведений, и этот запас он использовал как в своих ученых исследованиях, так и в области исторической беллетристики. Особенно интересовали П. В. Безобразова отдельные стороны византийского быта, государственного, общественного и частного. И в предлагаемых вниманию читателя „Очерках“ обрисованы эти стороны, но обрисованы — нужно сказать правду — скорее в их отрицательных, чем в положительных проявлениях. Таково уже было свойство исследовательского таланта П. В. Безобразова: он подмечал скорее минусы, чем плюсы византийской культуры, и склонен был эти минусы иной раз даже подчеркивать. Но было бы заблуждением думать, что византийская культура состояла из одних минусов. В ней было много и плюсов, и их хорошо знал покойный византинист, но обошел их молчанием в своих интересных и занимательных „Очерках“, живо переносящих нас в далекое прошлое „Второго Рима“. Выяснению положительных сторон византийской культуры издательство посвятит в ближайшем будущем особый очерк.

С. Жебелев.

11 августа 1919.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Цари	1
II. Царицы	23
III. Церковь	54
IV. Сановники	67
V. Помещики	87
VI. Ремесленники	96
VII. Литература	105
VIII. Зрелища и увеселения	144
IX. Судебные дела	163

I. Цари.

В средневековой Европе Византия была самой неограниченной монархией и по странному противоречию самой демократической. Монарх, носивший титул царя и самодержца (по гречески: василевс и автократор), обладал всей полнотой власти законодательной и исполнительной. В идеале византийский царь представлялся человеколюбивейшим и справедливейшим правителем своих подданных, называвшихся в действительности его рабами. В одном сборнике законов выставлены такие общие положения: царь—законная главенствующая сила, общее благо для всех подданных, не из ненависти наказующая и не по дружбе награждающая, воздающая каждому по заслугам его; цель царя творить добро, почему он и называется благодетелем. В действительной жизни происходило другое. Властвовали произвол и верховное усмотрение, далеко не всегда полезное для государства. Хотя монарх обязан был руководствоваться существующими законами, он имел право отменять их одним почерком пера. По выражению одного византийского философа, воля царя выше закона. В основном праве самодержца и заключалось безправие всех подданных, превратившихся из граждан в „рабов его царственности".

Различно пользовались своим полновластием божественные венценосцы, как их называли в Византии.

В течение 900 лет на престоле сидели люди очень различные по своему происхождению, по воспитанию, характеру и нравственным качествам. Среди этих разнообразных фигур (от Юстиниана до взятия Константинополя турками было 59 царей) можно отметить несколько типов. Цари в меру жестокие и жестокие исключительно, цари ко всему равнодушные, кроме разгула, пьянства и женской ласки, безпечные самодержцы, предоставляющие управлять государством своим любимым сановникам, цари-полководцы и в виде исключения цари, занимающиеся наукой.

Право монарха карать и жаловать византийцами никогда не оспаривалось. Но своей зверской расправой некоторые цари даже с византийской точки зрения превосходили все пределы и население, привыкшее к покорности, доводили до отчаяния и до бешеного самосуда. В самом начале VII века престолом насильственно завладел Фока (602 — 610 г.), грубый солдат, дослужившийся до сотника. Лицо и фигура его могли нравиться только толпе его соратников. Признаки физической силы имелись в изобилии; он отличался невысоким ростом, коренастостью, широкой грудью. Его некрасивое лицо обезображено было отвратительным шрамом от полученной раны, принимавшим черный оттенок, когда он сердился. Не придавали ему привлекательности рыжие волосы и свирепый характер, проявлявшийся в крайне грубом и резком обращении. Жестокость свою Фока проявил в первый же день своего воцарения. Он убил не только свергнутого им императора Маврикия, но и пятерых его сыновей. Возведенный на престол войском, Фока не пользовался популярностью ни среди столичного населения, ни среди сановников. Он чувствовал шаткость своего положения и думал упрочить его устрашением. Возмущения кон-

стантинопольских жителей и заговоры продолжались во все его царствование. За всякой попыткой освободиться от деспота следовала кровавая расправа. Временно спасали Фоку приверженность к нему охранной стражи и раздоры столичного населения. За него стояла городская партия зеленых, против него голубые.

Правительству удалось раскрыть обширный заговор, центром которого была царица Константина, вдова погибшего Маврикия. Ее насильственно водворили в монастырь и держали там в заключении. Сановники, решившие покончить с Фокой, вели с ней переговоры при посредстве одной женщины Петронии. Но та выдала своих сообщников и константинопольский градоначальник распорядился соответствующим образом, согласно приказанию императора. Константине и трем ее дочерям отрубили мечом голову, Германа, которого прочили в цари, и дочь его зарезали. Также поступили с целым рядом заговорщиков, а сановника Елпидия казнили особенно назидательным образом: ему выкололи глаза, вырезали язык, отрубили ноги и руки и затем полумертвого бросили в лодку и подожгли ее.

Восемь лет терпели венценосного деспота, но наконец и защищавшая его партия превратилась в его врагов. Во время конских бегов Фоку встретили ругательствами. Ему кричали: опять засунул нос в кувшин вина и потерял разум. Император приказал градоначальнику смыть нанесенное ему оскорбление. Расправа коснулась значительного количества горожан. Одних вешали, других зашивали в мешки и бросали в море, третьих резали на куски, четвертым отсекали голову. Столичное население ответило на это поджогами, сожгли управление градоначальника и дом, где помещалась полиция. Вскоре разыгралась последняя сцена, положившая конец гнусному царствованию Фоки. Полководец Ираклий

поднял в Африке восстание, занял столицу. Фока бежал из дворца и спрятался в церкви арх. Михаила. Его нашли, выволокли из храма. Толпа набросилась на него, растерзала и даже лишила христианских похорон. Труп ненавистного царя сожгли на площади Тавра.

Через 75 лет после глумления, совершеннаго над Фокой, византийский народ испытал власть не менее жестокого императора Юстиниана II. Он не пощадил родной матери и даже ее подверг нещадному телесному наказанию. Кончил он так, как обыкновенно кончали тираны, был свергнут с престола и убит.

К концу XII века пышно развилась деспотическая власть. В то время запад готовил уже сокрушительный удар Византии и действительно нанес его в 1204 г., когда отряды крестоносцев торжественно вступили в Константинополь. После этого события обширная византийская империя распалась на несколько частей и никогда уже оправиться не могла. Распаду ее способствовали последние перед крестовым походом цари, Андроник Комнин и братья Ангелы.

По словам современного историка, Андроник считал потерянным тот день, когда он не захватил и не ослепил какого-нибудь знатного человека. Подобно жестокому учителю, постоянно грозящему детям бичом, он вечно ругался и часто без всякой причины. Раздражителен и свиреп был Андроник; неумолимый в наказаніях, он забавлялся несчастиями и страданиями ближних, думал гибелью других упрочить свою власть и в жестоких упражнениях находил особенное удовольствие. Не щадил он даже женщин, которые занимались политикой только в виде исключения, и их ослеплял он, засаживал в тюрьмы, морил там голодом и подвергал телесному наказанию. Столица жила в постоянной тревоге. Многие не могли спокойно спать. Только что за-

снув, они в ужасе просыпались; им снился то Андроник, то жертвы, замученные кровожадным царем, кто мог бежал за границу от царского гнева.

Иногда Андроник приносил пользу своей жестокостью, но всегда действовал он произвольно, не признавая суда и закона. Доступность составляла хорошую его сторону. Всякий незаподозренный в измене, мог проникнуть во дворец. Он выслушивал простых людей и с наслаждением обрушивался на сановников, которых считал взяточниками и предателями. Раз пришли к царю Андронику крестьяне и пожаловались на Θедора Дадиврина, того самого, который удавил Алексея II Комнина, 14-летнего юношу (двоюродного племянника Андроника), чтобы очистить престол Андронику. Дадиврин проездом ограбил крестьян, он захватил у них все припасы для себя и своей многочисленной свиты, сена для лошадей и ничего не заплатил. Царь велел дать Дадиврину двенадцать палочных ударов, а поселян щедро вознаградил.

В Андронике зверство соединялось с крайним сладострастием, как это вообще наблюдается в истории много раз. По выражению современника, „он водил за собой любовниц, как петух водит кур. Он уходил за город и проводил там время с толпой блудниц и наложниц. Придворных он принимал только в определенные дни, а певицам и продажным женщинам двери были открыты всегда. Он был епикурейцем, человеком крайне развратным, до неистовства предавшимся сладострастію. Он подражал Геркулесу, растлившему 50 дочерей одного только Θиеста. Он не имел однако столько сил и для укрепления своего тела прибегал к разным мазям".

По замечанию византийского историка, Андроник своей безчеловечностью превзошел всех когда-либо существовавших тиранов. И действительно, он собирался

установить такой террор, какого не видала даже, повидимому, все испытавшая Византия. Недовольство росло. В свое короткое, продолжавшееся всего два года, правление Андроник сумел привести в расстройство государственные дела. Отложился Кипр, норманны разгромили византийскую армию, заняли Филоппополь и Солунь. Свои военные неудачи Андроник приписывал измене и намеренному предательству со стороны тех лиц, которые не одобряли его кровавого режима. Они жаждут моей гибели, говорил он, и готовы на все, лишь бы лишить меня власти. Поэтому царь придумал новую решительную меру. Уничтожить всех содержавшихся в тюрьмах, одним отрубить голову, других потопить в море, третьим распороть живот кинжалом. Мало того, расправиться и со всеми родственниками арестованных неблагонадежных лиц, чтобы вместо одной отрубленной головы не выросло много новых ей родственных. Царь хотел найти поддержку своему террору и созвал совещание из преданных ему сановников. Он встретил тут полное сочувствие. Надо стереть с лица земли, кричали члены совещания, всех людей, которые содержатся в тюрьмах, отправлены в ссылку и всех их приверженцев и родственников. На скорую руку изготовили указ, начинавшийся такими словами: „по внушению Божию, а не по повелению державного и святого царя и самодержца нашего, объявляем, что для блага государства необходимо совершенно уничтожить тех дерзких крамольников, которые сидят в тюрьмах или сосланы, равно как захватить и казнить всех их приверженцев и родственников. Тогда и Андроник, царствующий милостию Божией, отдохнет от государственных забот и от козней злоумышленников, и норманны откажутся от своего похода, так как уже не будет предателей, научающих их, как надо действовать против византийцев.

Хотя все эти люди заключены в оковы или даже ослеплены, они не оставляют своих злых умыслов, а потому нет другого средства образумить их. Остается одно, лишить их жизни и необходимо обратиться к этому средству, как последнему спасению".

Привести в исполнение этот террористический акт сверху не удалось. Раньше разразился народный гнев. Столица поднялась против царя. Андроник бежал, но его схватили, посадили в тюрьму, заковали ноги в кандалы, на шею надели две тяжелые цепи, на которых держали львов. Его привели к Исааку, только что провозглашенному царем, а тот отдал Андроника на растерзание толпы. Над низверженным тираном издеваются, бьют его кулаками по лицу, отрубают правую руку и опять отводят в тюрьму. Там оставляют его несколько дней без еды. Затем выкалывают левый глаз, сажают на паршивого верблюда и с торжеством ведут по площади. На него нападают ремесленники и городская чернь, бьют палками по голове, мажут лицо навозом. В него бросают камни, а одна развратная женщина облила его кипятком. Наконец его повесили за ноги головой книзу. Но озверевшей толпе казалось, что всего этого мало. Его всячески терзали и изрубили мечами.

Вскоре однако и сановники и народ убедились, что они совершили величайшую ошибку, возведши на престол Исаака Ангела. Он слишком напоминал своего предшественника. Он также укреплял свою власть казнями, так же преследовал лиц, на которых доносили, хотя они были вполне невинны. В бессмысленном гневе Исаак разражался против сановников, дававших ему хорошие советы. Командующий войсками Константин Аспиет указал на то, что продовольствие поставлено очень плохо, так как задержаны суммы, назначенные на провиант, что солдаты не в силах успешно бороться

с двумя неприятелями сразу, болгарами и голодом. За такое вполне основательное донесение царь велел арестовать Аспиета, отрешил его от должности и ослепил его, усмотрев в нем бунтовщика.

Исаак был тоже епикурейцем и сладострастником. Он расточал казну на пиры, бросал деньги на платье, которое менял ежедневно. Он окружал себя шутами, карликами и скоморохами. Вокруг него пьянствовали, и сам царь принимал в этом деятельное участие. Сверх того Исаак разделял народные суеверия и признавал всякия гаданья. В его время пользовался славой некий Васильюшка. Простой народ, пастухи, крестьяне, матросы считали его пророком. С женщинами он позволял себе грязные шутки и без всякого стеснения поднимал им платье. „Этот человек,—рассказывает образованный византийский писатель,— у простого народа, в особенности у некоторых женщин, которым нравились срамные речи и бесстыдное заворачиванье платьев, считался пророком и предсказателем, для людей же смыслящих он, разумеется, был только любопытным, смешным и глупым старикашкой". К этому Васильюшке зашел как-то Исаак и был принят им не только не подобострастно, но даже нелюбезно. Старик ничего не ответил на царское приветствие и даже не поклонился. Тем не менее, властный самодержец не решился тронуть непочтительного старика, очевидно внушавшего ему суеверный страх.

Исаак претерпел участь многих византийских императоров. Его свергли с престола и выкололи оба глаза. Таким путем избавлялись в одно и то же время от ненавистного монарха и от необходимости держать его под строгим надзором. Слепой лишался способности произвести контр-революцию. Судьба Исаака была не совсем обычна лишь в том отношении, что низложил

его родной брат его Алексей. Современник, рассказавший нам об этом происшествии, философствует по этому поводу следующим образом: „не пришлось ли ему испытать по Божьему возмездию наказание за свой жестокий приговор Андронику? В самом деле, премудро управляющий всем промысл хочет внушить таким образом всем карающим, чтобы они не забывали о человеколюбии при наказании даже самых враждебных людей, имея в виду, что собственная их власть не вечна, что и они могут потерять силу вследствие такого же переворота, какой сокрушил их противников, и подвергнуться той же участи".

В этом и заключается ужас византийского самодержавия: за бессмысленными казнями следовал свирепый самосуд толпы. Общество не находило средств поставить императорскую власть в определенные рамки, и народ без удержу отдавался своим гневным чувствам, когда монарх, низложенный военным отрядом, валялся у его ног.

В виде большого исключения встречаем мы на византийском престоле венценосца, отличавшагося совершенно необыкновенным мягкосердечием. То был Иоанн Комнин (1118—1143 г.), прозванный Добрым. Это был человек, — говорит византийский историк,—который и царством управлял прекрасно и жил богоугодно, не был ни распутен, ни невоздержен. Как убийственную заразу, он изгнал из дворца пустословие, сквернословие и чрезмерную роскошь в одежде и пище. Так как он во все свое царствование ни у кого ни жизни не отнял, ни тела не изуродовал, его все прославляют и считают венцом всех царей, восседавших на византийском престоле. Действительно, Иоанн проявил большую доброту по отношению к сестре своей Анне, составившей против него заговор и желавшей посадить на пре-

стол своего мужа Никифора Вриения. Злой умысел раскрыли, но ни одного из заговорщиков (как подчеркивает византийский историк) не изувечили и не подвергли телесному наказанию. Ограничились тем, что у них конфисковали имущество. Но вскоре и это наказание было отменено. Царь возвратил сестре все ее достояние, вполне примирился с ней и предоставил ей жить вполне свободно и по царски.

Добрые порывы некоторых монархов не могли уничтожить общего безправия, от которого страдало византийское общество. Перед волею самодержца личность ничем не была ограждена, а для ограждения своей безопасности цари считали дозволенным прибегать к самым бесчеловечным мерам. Так поступали не только императоры, считавшиеся жестокими тиранами, но и те, кого византийцы причисляли к властителям умеренным и благожелательным. Михаил Палеолог (1261—1282 г.), восстановитель византийской империи, взявший под опеку малолетнего никейского царя Иоанна Ласкаря и таким путем захвативший власть, счел благоразумным на всякий случай ослепить юношу. Опасаться его однако было не зачем. На стороне Михаила стояло войско и популярность его окрепла, когда он изгнал крестоносцев и овладел Константинополем.

Беспощадно пресекалась не только всякая попытка произвести ниспровержение существующего порядка в лице монарха, но и всякая оппозиционная мысль. Византия не знала политического либерализма в современном смысле слова, но ей не были чужды богословские либеральные течения. Господствующая церковь называла их ересью. Патріархи не допускали свободного истолкования догматов, они не терпели даже отступления от обрядов. Опасным представлялись им занятия древней языческой философией. Церковь не счи-

тала возможным ограничиваться своими средствами, довольствоваться анаθемовствованием. Она прибегала за содействием к светскому мечу. Императоры, считавшие себя покровителями Православия, предпринимали иногда массовое истребление еретиков и приговаривали к смертной казни отдельных свободомыслящих. Так например, Алексей Комнин, который считается выдающимся царем, сжег на костре монаха Василия за то, что тот стоял во главе богомильской ереси. Внук Алексея, Мануил жестоко расправился с Сиθом Склиром и Михаилом Сикидитом, которых обвинили в чародействе, в занятиях магией и диавольских обманах.

Склир, как рассказывали, умел приворожить женщину. Он влюбился в одну девушку и хотел соблазнить ее. Но это не удавалось ему. Девушка на его ласку не ответила. Тогда он через одну сводню послал ей фрукт. Девушка положила заколдованный фрукт себе под платье и начала сходить с ума от любви и разгораться неистовым страстным желанием. Склир воспользовался своим искусством и лишил девушку невинности. Родственники ее подняли страшный шум. Они стали кричать, что Склир посылает на девиц демонов и подобно змею, первому виновнику зла, обольщает их плодом дерева и, как из рая, изгоняет из жизни целомудренной.

Про Сикидита разсказывали еще более удивитθльные вещи. Он обладал способностью какими-то таинственными средствами омрачать зрение людей, так что зрячие переставали видеть те предметы, которые действительно перед ними находились, а видели совсем другое. Однажды Сикидит вместе с другими смотрел с высокого места на море, где проезжала лодка, нагруженная глиняными блюдами и чашками. Сикидит спросил людей, стоявших там вместе с ним, какую награду

дадут они ему, если он сделает следующее: лодочник по его внушению сойдет с ума, перестанет грести, встанет со скамьи и вдребезги разобьет свою посуду? Люди, случайно собравшиеся около Сикидита, обещали сделать все, чего бы он ни попросил. И вдруг они увидели, что лодочник встал и начинает веслом колотить посуду. Зрители хохотали до упаду и удивлялись такому чуду. А лодочник, уничтожив свое добро, схватился за бороду и зарыдал. Об'яснил он свой странный поступок следующим образом. Он вдруг увидел страшного змея кровавого цвета с огненным гребнем; растянувшись над посудой, он пристально смотрел на лодочника и собирался проглотить его. Змей исчез только тогда, когда он перебил всю посуду. В другой раз Сикидит устроил такое волшебство. Он явился в баню, поссорился с другими людьми, тоже мывшимися там, и вышел в предбанник. Скоро в сильном испуге и сбивая друг друга, выбежали все мывшиеся люди и рассказали, что из крана, откуда течет горячая вода, появились черные люди и пинками вытолкали их из бани.

За такие проделки царь Мануил Комнин приказал ослепить Склира и Сикидита.

Византийская империя была демократической в двух отношениях. В ней отсутствовала родовая знать, хотя некоторые лица хвастались своим древним происхождением. Но сословной аристократии с присвоенными ей привилегиями не существовало. Всякий византийский подданный (свободный, конечно) имел право приобрести имение, владеть рабами и крепостными, служить и дослужиться до высших чинов, сделаться архиерем и патриархом. Демократический строй находился в тесной зависимости от полновластия монарха. Пред лицом царя все одинаково считались холопами, и первый министр

и оборванный крестьянин. Все без различия звания и происхождения падали ниц перед самодержцем, кланялись ему в землю. Царь жаловал и возвышал кого хотел, по своему желанию, по своему произволу, по своей прихоти. От его личного вкуса зависело, выберет ли он людей образованных или круглых невежд, ханжей, взяточников, развратников. Знатью в Византии называлась знать сановная, имевшая в силу этого доступ во дворец, знать выслужившаяся и потому холопствующая.

Сам император вовсе не должен был принадлежать к аристократии. Происходило это потому, что в теории византийская монархия считалась выборной, а не наследственной. Право на престол имел всякий свободный человек. Такого права собственно и не было. Престол добывался или силою или передавался другому царствующим монархом. Предполагалось, что царь избирается сенатом и народом. Но сенат превратился в пустой звук и если слово это еще употреблялось византийцами по старой привычке, шедшей от Рима, под ним разумели не учреждение, давно упраздненное, а совокупность сановников, которых царь мог приглашать на совещание. Народ же не имел никакой организации, и правильных выборов происходить не могло. Суть заключалась в войске. Когда заговорщику удавалось заручиться содействием армии и завладеть дворцом, он фактически воцарялся. Уже после переворота в знак его признания собирались сановники и провозглашали бывшего мятежника царем. То же самое делала константинопольская толпа на площадях или на ипподроме. Согласие столичного населения имело некоторое значение, но исключительно столичного; провинция следовала примеру столицы. При таких условиях естественно не было закона о престолонаследии и быть не могло.

Никого нельзя было называть наследником престола; ведь это значило бы предрешать будущие выборы.

Тем не менее, наследники в действительной жизни существовали, но звали их в Византии царями. Византийская империя отличалась той особенностью, что в ней могло быть сразу два и три царя. Это соправительство, введенное римскими императорами. В Риме оно фактически осуществлялось, в Византии превратилось в фикцию, как многое другое; фикцией этой пользовались монархи, чтобы упрочить престол за своим родом. Они назначали вторым царем своего сына, очень часто малолетнего. Сын только титуловался царем и на самом деле не правил. Зато после смерти отца не должно было возникать вопроса о преемнике. Престол не оказывался пустым, монарх имелся налицо. Подобный вопрос и не возникал, когда не выражали недовольства царем, распорядившимся в пользу своего потомства. Если же его самого низлагали, не дав ему умереть во дворце, то и соправителя его не признавали. Такие происшествия случались очень часто и до четвертого крестового похода упрочились только две династии, македонская, имевшая семь представителей, и Комнины, низвергнутые в четвертом поколении.

Узурпатор отличался от законного монарха удачей и ничем больше. Когда заговор не удавался, человек его поднявший назывался государственным преступником. Как только счастие переходило на его сторону, он становился законным царем. Оттого в Византии развилась болезнь, которую можно назвать порфироманией. Кто только не мечтал облечься в царскую порфиру и надеть на ноги красные сапоги, составлявшие исключительную привилегию монарха. Все царствования сопровождались целым рядом заговоров и далеко не все выражали недовольство народа или отдельных слоев

общества. Значительное большинство представляло попытки авантюристов. Все знали, что лица самые ничтожные по происхождению овладевали иногда престолом, и многие рисковали своей головой, пытали счастье.

В крестьянском доме вырос знаменитый Юстиниан. Жестокий Фока был простым солдатом. Конюх основал македонскую династию.

В середине IX века пришел из македонской деревни в Константинополь Василий, надеясь, что ему удастся получше устроиться в столице. Он мог рассчитывать на два свойства, ценившиеся в то время. Василий обладал большой физической силой и чрезвычайной нравственной беззастенчивостью. Благодаря своей грубости, он достиг высшего преуспеяния, возможного на земле.

Когда Василий попал в столицу и не знал, где пристроиться, в нем случайно принял участие пономарь Николай. Брат этого последнего был врачом и лечил Феофилитца, начальника константинопольского гарнизона. Феофилитцу понадобился сильный человек для присмотра за лошадьми. Врач отрекомендовал ему Василия. Его мускулы и большая голова очень понравились Феофилитцу, он прозвал Василия Кефалой (т. е. головой) и поручил ему об'езжать лошадей. Вскоре после этого один командующий войсками подарил царю Михаилу редкостного коня, но до такой степени дикого и необузданного, что он никого к себе не подпускал; нельзя было даже открыть ему рот и определить по зубам, сколько ему лет. Царь был очень огорчен строптивостью коня. Тогда Феофилитц, вращавшийся в придворных сферах, сказал ему: у меня есть опытный молодой человек, который никакого коня не боится, он именно такой мужчина, какой тебе нужен, и понравится твоей царственности, зовут его Василием. Послали за Василием, и он наглядно доказал свое искусство. Одной

рукой он схватил узду, а другой взял коня за ухо и превратил его в послушную овцу. Михаил пришел в восторг и приказал начальнику своей охранной стражи принять на службу Василия и поручить ему об'езжать царских лошадей. Из конюхов Василий был значительно повышен и получил место начальника царской конюшни.

И в другом отношении Василий оказался очень ценным человеком для царя. Михаил-Пьяница любил грубые шутки и скверное общество, в котором можно было распоясаться безо всякого стеснения. Во время пирушек Василий вполне овладел сердцем царя и получил высокое придворное звание, старшего царского спальника. Венценосный кутила и бывший конюх сделались самыми близкими друзьями и даже стали друг к другу в самые свинские отношения. По желанию императора, Василий развелся со своей женой и, выдав ей из государственной казны значительную сумму, отправил на родину. Затем, опять таки по просьбе царя, Василий женился на его любовнице Евдокии Ингерине. Такое странное устройство понадобилось Михаилу не для того, чтобы развязаться с надоевшей женщиной, а чтобы ее возвысить, чтобы не называли Евдокию конкубиной и блудницей. Но в качестве чужой жены оставалась она всетаки в распоряжении царя. За это Михаил счел своей обязанностью вознаградить друга. Он сосватал ему родную сестру Феклу. В своей македонской деревни Василий конечно никогда не воображал, что самая высокопоставленная особа, сестра царя, откроет ему свои об'ятия.

Выкупавшись достаточно в дворцовой грязи, приходившейся ему по душе, Василий почувствовал презрение к царю, так незаслуженно его возвысившему. Он близко познакомился с влиятельными сановниками

ДЕДАВАЛО

и со всей придворной обстановкой. Он пришел к выводу, что устранить Михаила-Пьяницу можно безнаказанно, никто о нем не пожалеет. Главное препятствие заключалось не в самом царе, а в его дяде Варде, который забрал в руки слабохарактерного кутилу и правил государством по своему усмотрению. Василий сумел возбудить Михаила против Варды, внушить ему, что дядя превратил его в игрушку, лишил его власти, принадлежащей ему по праву. Настоящие свои намерения ловкий спальник конечно скрывал. Он шел по пути к престолу и достиг его, совершив два предательства.

Царь выступил в поход и переправился в Малую Азию. Этим случаем воспользовался Василий, чтобы привести в исполнение свой гнусный план. Варду вызвали в царскую ставку. Взяв его за руку, Василий подвел его к царю и сказал ему: войска все в сборе, прикажи ему, владыко, отправиться на Крит. Василий встал позади Варды и нанес ему удар мечом в спину. Другие его сообщники набросились на Варду, разрубили его на куски. Царь молча смотрел, как избивали его дядю.

Главное препятствие было устранено. Очередь была теперь за Михаилом, который сам облегчил задачу Василию, не подозревая его вероломства. Михаил сделал Василия своим соправителем, и знаменитый патриарх Фотий в св. Софии повенчал его на царство. Теперь все становилось просто. Если бы исчез Михаил, царем становился бы Василий.

Однажды, в понедельник 23 сентября (867 г.), царь пригласил на ужин Василия и Евдокию. Михаил пил необыкновенно. Василий встал из за стола и под предлогом естественной надобности пошел в царскую опочивальню и благодаря своей грамадной силе сломал замок, чтобы нельзя было запереть двери. Затем он

опять сел за стол. Царь явился в таком виде, что не мог ходить, как следует. Василий отвел его в спальню и, поцеловав царю руку, удалился. Вскоре после того в начале ночи ворвался Василий со своими сообщниками. От шума царь проснулся. Убийцы набросились на Михаила, сначала отрезали ему руки, а потом уже вонзили меч в сердце. Так завладел престолом бывший конюх.

К царским привычкам, пагубно отзывавшимся на благосостоянии народа, относится и обыкновение растраивать государственную казну на свои удовольствия. Своих частных средств византийские императоры не отличали от государственного казначейства и часто их совсем не имели. Юстиниан, прозванный без достаточного основания Великим, растратил на постройки и на содержание двора громадную сумму, скопленную его предшественником, несомненно, несколько миллионов рублей.

В этом отношении особенно усердствовали легкомысленные цари, ставившие свою личную жизнь выше всяких государственных вопросов. К ним относится Михаил III, прозванный Пьяницей, кутивший начиная с юношеского возраста. Он увлекался лошадьми и конскими бегами и допускал совершенно непозволительное для царя неприличие. Он становился сам на колесницу и правил конями. Любимыми сотоварищами его были необразованные возницы (соответствующие нашим жокеям и наездникам). У них и у других своих собутыльников он постоянно крестил детей и крестнику дарил по меньшей мере 30 фунтов золотом (2160 золотых монет равных 12053 золотым рублям, обращавшимся до войны), а то и 40 и 50 фунтов (16070 и 20087 руб.). На пирушках у царя допускался самый безудержный цинизм. Некий Имерий, прозванный свиньей за свою

дикую наружность, отпустил грубую шутку, от которой так скверно пахнет, что она совершенно непередаваема. Царь пришел в восхищение и отсыпал грязному гостю 7200 золотых (40176 рублей). Летописец сообщает, будто Михаил растратил 40 миллионов рублей, накопленных его отцом, и что после его смерти нашли в казначействе всего 120 тысяч.

К таким же легкомысленным монархам принадлежал и Алексей Ангел, свергнувший с престола своего брата Исаака. Он, по выражению современника, не упускал случая извлекать деньги из неправедных источников и затем сыпал их обеими руками на пышную придворную обстановку и драгоценные костюмы; более же всего раззорялся он на любовниц. Вместе с тем Алексей отказался уплатить Венеции, сумму обусловленную прежним договором (заключенным одним из его предшественников Мануилом Комнином) и этим вызвал раздражение Венеции, ставшей во главе четвертого крестового похода и сокрушившей Византию.

Беда опять таки заключалась не в том, что кутили некоторые цари, а в том, что чревоугодие и бесцеремонное обращение с казенными деньгами составляло общее правило во дворце.

Мануилу Комнину, непринадлежащему к крайним росточителям, нужны были громадные суммы на покрытие его расходов. Племянница его Феодора, с которой он был в связи, имела царскую свиту и соглашалась жить только в самом великолепном дворце. Очень дорого обходились ему его незаконные дети. Вследствие своих похождений Мануил вынужден был подкупать придворную свиту и особенно евнухов, приставленных к половине его законной жены. Мануил способен был переносить трудности похода и суровую лагерную жизнь. Но в мирное время он наслаждался любовницами и

вкусными кушаньями, и удержу не было его тратам.

За сто лет до него разбрасывал народные деньги на женщин и разные затеи Константин Мономах (1042—1055 г.). Кроме мимолетных приятельниц он открыто содержал двух женщин, которым дал титул Августы, присвоенный по праву только царице, сначала молодую девушку из фамилии Склиров, потом дочь одного грузинского царька, взятую в заложницы. Своим титулованным фавориткам Мономах строил дворцы и великолепно содержал их. Им отправляли целые бочки, наполненные золотом, им царь жертвовал и редкостные дрогоценности, хранившиеся в государственной казне. Сверх того Мономах расходовал значительные суммы на совершенно не нужные предприятия. Вдруг ему приходила фантазия расширить парк для верховой езды, и он приказывал вырывать с корнем, срубать с плодами мешавшие ему фруктовые деревья. Иногда он воспламенялся мыслью обратить в цветущий луг и сад какую-нибудь песчаную равнину, на которой ничего не росло. Тотчас же привозили громадные глыбы плодородной земли, выкапывали где-нибудь деревья с корнями и насаждали их, в промежутках между деревьями сеяли цветы, и император сердился, если в наскоро сооруженном саду не прыгали кузнечики и жаворонки не пели в искусственной роще. Он не знал границ своим прихотям и требовал, чтобы в два—три дня появлялся холм на ровном месте и выростал лес на скале. Посреди фруктового сада Мономах выкопал пруд и так искуссно прикрыл его, что его не могли заметить незнающие об его существовании. Монарх забавлялся, когда его гости хотели сорвать фрукт и внезапно погружались в воду. Пруд был неглубокий, и забава довольно невинная, но весьма грубая. Моно-

мах отличался крайне легкомысленным и беспечным характером. Когда случалась с ним какое-нибудь несчастье, он не унывал, обращался к гаданию, предсказывал счастливый исходъ и тогда уже ни о чем не думал, имея в руках несомненное доказательство, что все устроится благополучно. На первом плане стоял у него отдых, покой и наслаждение жизнию; управление государством предоставлял он своим министрам. В этом видел он разделение труда; им — обязанности, заботы, дела; себе — все права, удовольствие и веселье.

Таким же легкомысленным характером отличался и Константин VIII, последний потомок македонского дома. Хороший стол, игры и женщины были его слабостью. Особенно интересовался он конскими бегами и любил играть в кости и мяч. Он артистически ездил верхом и сидел на коне, как статуя. Искусно производил он и всякие упражнения с конями и мечами. Но на войну никогда не ходил по трусости. От всяких излишеств, гастрономических и эротических, нажил он подагру и в последние годы своей жизни совсем не мог ходить.

Несчастие византийской империи заключалось не в том, что иногда на престол попадали кровожадные личности, что некоторые цари совершали явные несправедливости. Великим несчастием было безответственное положение монарха, невстречавшего отпора в окружавшем его обществе и испорченного низкопоклонством сановников. Право деспотического распоряжения публично не осуждалось и только где-нибудь в уголку бранились и брюзжали. Один историк, занимавший высокопоставленные места, дал от себя убийственный отзыв о царях вообще и, между прочим, о том, который далеко не принадлежал к худшим. Вот что написал он в своем уединении, когда никто не мог его увидеть и

услышать: „Большая часть царей крайне трусливы, чрезвычайно подозрительны и находят удовольствие в умерщвлении людей благородных и в гибели всякого человека высокого и великого. Человека, известного своим богатством, они подозревают и, отличенного мужеством, боятся. Когда кто красив, славится красноречием, обладает любезным и милымъ нравом, все это не дает венценосцам спокойно спать, но отнимает у них сон, лишает их радостей. Они и самую природу порицают за то, что она и других людей сделала способными царствовать, а не их одних. Таким образом они часто идут против воли Провидения и восстают против Бога, из'емля людей из их среды и предавая закланию, как жертву, всякого выдающегося человека. И все это для того, чтобы им можно было спокойно расточать государственные доходы на свои прихоти, чтобы с людьми свободными поступать, как с рабами, чтобы с теми, кто больше их заслуживал бы престола, обращаться, как с невольниками. Для большей части царей решительно невыносимо только повелевать, ходить в золоте и обращаться с людьми свободными, как с рабами. Они считают для себя крайнею обидою, если их не признают мудрецами, людьми подобными богам, героями, богомудрыми подобно Соломону, боговдохновенными руководителями, одним словом, непогрешимыми судьями дел божеских и человеческих". Когда византиец говорит об обращении со свободными людьми, как с рабами, он имеет в виду расправу, дозволенную по отношению к рабам, пытку и убийство.

II. Царицы.

К числу интересных противоречий византийской жизни относится женский вопрос. Женщину вообще не уважали. Ее считали порождением диавола, виновницей грехопадения рода человеческого, существом слабым и нечистым, предназначенным быть служанкой и рабой мужчины. Свидетельские показания женщины допускались судом только в исключительных случаях. Наравне с детьми и опозоренными людьми она не имела права выступать свидетельницей на суде. Не полагалось ей и принимать участия в общественной жизни. Женщине отводили в доме отдельную половину (называвшуюся гинекеем), откуда она не должна была выходить.

Однако, все эти ограничения касались в действительной жизни только среднего сословия горожанок. Крестьянка, вне зависимости от мужа, пользовалась почти полным равноправием с мужем. По самой природе вещей не могла она сидеть взаперти. Нужда заставляла ее работать в поле и в простых интересах сельской жизни поневоле принимала она деятельное участие. В самых высших сферах женщина тоже не жила затворницей. Богатые девушки и дочери царей получали хорошее образование, когда они этого желали; хотя дворцовый гинекей охранялся целым штатом бесполых евнухов, он все же широко раскрывался для сановников и всякого рода посетителей. А самое важное было

то, что императрицы оказывали влияние на своих венценосных супругов и нередко становились в центр придворных интриг в пользу своих фаворитов и покровительствуемых ими лиц.

Права цариц пользовались общим признанием, хотя права эти были неписанные, а введенные самой жизнью. Когда после смерти царя оставался малолетний сын им приобщенный к власти, считалось вполне естественным, что опека над ним должна принадлежать матери. С согласия придворных вдовствующая императрица признавалась правительницей, при отсутствии закона о престолонаследии не отрешались права женщины на престол. В действительности они осуществлены были всего один раз. За то в роли регентши вдовствующие царицы выступали неоднократно, и тут происходили столкновения с сыновьями и разыгрывались трагедии с печальным концом.

Трагическая судьба выпала на долю двух цариц, прославившихся своим благочестием и признанных церковью святыми. Обе они жили в ту эпоху, когда преобладало иконоборческое направление, когда императоры старались уничтожить поклонение иконам. И та и другая восстановили иконопочитание, первая (Ирина) на время, вторая (Феодора) окончательно.

Ирина была настоящей эллинкой, родом из Афин. В 768 г. ее повенчали с царским сыном Львом, вступившим на престол через 7 лет после этого. Лев IV умер после пятилетнего царствования. Сыну его Константину, провозглашенному им номинальным соправителем и царем, было всего 10 лет. Ирина, признанная регентшей, сейчас же проявила свой властный характер. Она вступила в борьбу с патриархом и с сановниками, назначенными Львом IV, принадлежавшими, как и он сам, к партии иконоборцев. Ей необходимо было создать

новую придворную атмосферу, окружить себя преданными лицами. Она опасалась братьев своего мужа и насильно постригла их. Самых важных сановников привлекла к ответственности, обвинила их в составлении заговора. Регентша подвергла телесному наказанию и выслала министра иностранных дел и несколько полковых командиров. Она выдвинула Ставракия, назначила его министром иностранных дел и главнокомандующим, и он стал всесильным временщиком. Над прежними царедворцами, над всеми своими врагами Ирина одержала блестящую победу, когда последний вселенский собор (787 г.) предал анафеме иконоборцев и восстановил иконопочитание.

Тогда назревал домашний конфликт. Константин дожил уже до того возраста, когда цари считаются совершеннолетними, ему исполнилось 17 лет. Может быть он помышлял о власти, но пока не пред'являл еще требований. Он испытывал материнский деспотизм и с трудом переносил его. Ирина хотела сначала завязать союз с западом и решила женить Константина на дочери Карла Великого Ротруде. Но затем она резко изменила политику, отказалась от этого сватовства и навязала сыну Марию Ампийскую, отысканную в Пафлагонской провинции в М. Азии. Юноша обиделся, его манила германская принцесса, и все же ему пришлось смириться и жениться на невесте, выбранной матерью. Так начались неприязненные отношение между Ириной и ея сыном.

Тогда, по выражению византийского летописца, диавол вселился в злых людей и натравил мать на сына и сына на мать. Диавол в лице злых людей говорил Ирине: Богом не постановлено, чтобы сын твой получил царство, оно Богом дано тебе. Такие внушения делала ее партия, те сановники, которые знали, что потеряют свое привилегированное положение, если

Ирина откажется от регентства. Во дворце образовалась и другая партия, поддерживавшая недовольство Константина. Ему стало уже 20 лет и он считал себя способным царствовать. Он чувствовал, что ему нанесено оскорбление в лице материнского фаворита, что у него нет и тени власти. Просители толпой идут к всесильному Ставракию, никто не решается обратиться к нему, а ведь он носит титул царя. Ставракий только сановник, которого можно, которого следовало бы прогнать. Все те, кого деспотический министр не считал своими друзьями, кому он не покровительствовал, об'единились вокруг молодого царя, питали его раздражение. Кампания Константина действовала подпольно, направляла свои стрелы прежде всего на фаворита царицы. Ставракий сообщил ей, что раскрыт заговор, имеющий целью устранить ее. Сообщение это задело императрицу за самое больное место. Она не в силах была сдержать своего гнева. Всех сановников, указанных доносчиками, приказала она бить плетьми и сверх того постричь в монахи, главного зачинщика отправили в дальнюю ссылку, некоторых посадили под домашний арест. Ирина знала, что душой движения, направленного против него, был ее сын. Она обрушилась на него, ругала его, велела высечь 20-летнего молодого царя и не позволяла ему приходить в течение долгого времени.

Ирина опасалась, как бы войско не перешло на сторону Константина. От него потребовали новой присяги на верность. Армия присягнула в таких выражениях: „пока ты жива, мы не позволим властвовать твоему сыну". Разрыв между Ириной и Константином стал явным. Сама царица обнаружила его перед всей страной. Но многие втайне ей не сочувствовали. Право не было на ее стороне. Ирина считалась регентшей вплоть до совершеннолетия сына. Она обязана была уступить ему

власть и не хотела сделать этого только вследствие своего деспотического характера. В отдаленной от столицы провинции на границе с Арменией собралась значительная армия. Она резко выразила свое враждебное отношение к правящей царице и провозгласила Константина единственным императором. К этой армии присоединились отряды, стоявшие в соседних провинциях. Выросла сила настолько внушительная, что Ирина перепугалась. Она освободила сына от домашнего ареста, которому подвергла его за непослушание. Но она потерпела поражение. От нее отдалилась и столица, почуяв силу на другой стороне. Даже начальник охраны перешел на сторону Константина, который приступил к активным действиям. По его требованию азиятское войско присягнуло ему и поклялось, что не будет признавать царем мать его Ирину. Затем он расправился со сторонниками своей матери совершенно так же, как она расправлялась со своими врагами. Ставракия били плетьми, постригли и сослали в ту отдаленную провинцию, где армия проявила враждебное ему настроение. Такая же участь постигла и всех дворцовых евнухов, приставленных к половине царицы.

Удовлетворив своей мстительности, Константин успокоился. Минутная вспышка прошла. Молодой царь не обладал сильным характером. Ирина умела влиять на него, недаром же держала она его в повиновении вплоть до 20-летнего возраста. Через год враждебные отношения между матерью и сыном сменились дружественными. Константин собрал сановников в своем присутствии, вновь провозгласил Ирину правящей царицей и постановил, чтобы царями признавали их вместе, Ирину и Константина. Событие это поразило армию, стоявшую на границе Армении и произведшую переворот в пользу Константина. Она отказалась подчиниться

новому распоряжению царя. Между тем в столице опять все перевернулось. Молодой царь предал своих приверженцев, тех самых лиц, которые помогли ему освободиться от деспотизма матери. В числе их был Алексей Мусулем, начальник охраны, передавшийся на сторону Константина, назначенный им командующим азиятским войском и более всех способствовавший восстанию этого войска против полновластия Ирины. Константин вернул из ссылки Ставракия, конечно, в угоду матери и, доверяя его административной опытности, сделал его своим ближайшим советником. Ирина и Ставракий указали Константину на опасность, которая грозит ему со стороны его ближайших родственников, злоумышляющих недоброе. Они намекали на пятерых братьев покойного императора, дядей Константина. Освободиться от них важно было Ирине, потому что они принадлежали к иконоборской партии, а никак не Константину, стоявшему на стороне иконоборцев. По приказанию Константина дядю его Никифора ослепили, а остальным четырем отрезали языки. При этом выжгли глаза (ослепление обыкновенно производили тем, что подносили к глазам раскаленное железо) и Алексею Мусулему, потому что, по уверению Ирины и Ставракия, его-то и намеревались посадить на престол заговорщики. Предательское действие по отношению к Алексею вызвало негодование в армии, стоявшей на границе Армении. Бунт принял такие размеры, что императору пришлось самому отправиться в поход и усмирять то самое войско, к которому он раньше обращался за содействием. В своих личных делах Константин приобрел всетаки некоторую свободу. Он развелся со своей женой Марией, которую ненавидел, женился на Феодоте, принадлежавшей к придворному штату Ирины, и короновал ее императрицей.

Ирина не хотела довольствоваться своим влиянием на сына. Он отличался неустойчивостью, его легко могли захватить другие. Она готова была пожертвовать сыном, лишь бы властвовать и не лишать исключительного положения своего фаворита. Примирение с Константином не было искренним, Ирина продолжала вести закулисную интригу. Она подкупала полковых командиров, подговаривала их устранить Константина и провозгласить ее единовластительницей.

Ирина и Ставракий ничем не стеснялись. Они соглашались унизить родину, потерпеть поражение от врагов, заключить невыгодный мир, лишь бы упрочить свое личное благополучие и дать волю своим деспотическим наклонностям. Им нужно было компрометировать Константина в глазах войска и они достигли этого изменническим способом. Царь Константин выступил в поход против арабов, его сопровождали Ставракий и другие друзья матери. Увидев, что войско любит царя, Ставракий и его приятели испугались. Боялись они того, чего должны были желать, как бы царь не одержал победы над врагами. Они прибегли к обману, подкупили охранную стражу царя и убедили ее сообщить царю, будто арабы бежали. Царь поверил и не счел нужным вступать в сражение. Он вернулся в столицу безо всякого результата. Солдаты увидели в этом трусость.

Подкуп оказал свое действие. Когда Константин возвращался с конских бегов во дворец, его собирались схватить вышеупомянутые полковые командиры. Ему кто-то сообщил о направленном против него замысле. Он сел на судно и думал бежать в М. Азию. Вместе с ним уселись и приверженцы его матери, которых он считал и своими друзьями. В Азии Константин мог опереться на тамошнее войско, и этого Ирине нельзя

было допустить. Она отправила гонцов к своим друзьям, остановившимся с Константином неподалеку от столицы и написала им следующее: „Если вы не выдадите его, я раскрою царю, в какое мы с вами вступили соглашение". Приверженцы императрицы предпочли исполнить свое гнусное обещание и довести предательство до конца. Они силой усадили Константина на судно, привезли в город и в праздник Успения Божией Матери заперли его во дворце, в той самой Порфировой комнате, где он родился (оттого цари, родившиеся, когда отец их уже сидел на престоле, назывались порфирородными или багрянородными, как у нас обыкновенно переводили). По приговору матери его и ее советников, рассказывает летописец, Константина лишили зрения жестоким и бесчеловечным образом, имея намерение убить его. И померкло солнце и в течение 17 дней не видели лучей его, и все говорили, что вследствие ослепления царя солнце перестало испускать лучи.

Восторжествовала „благочестивая" царица путями далеко не благочестивыми, но счастие ее действительно померкло, может быть и потому, что прошла лучшая пора ее женской жизни, что ей шел уже 47-й год. Она пробыла на престоле еще пять лет (797—802 г.) и могла наслаждаться полновластием. Все время однако приходилось ей дрожать за себя и сомневаться в своих приближенных. Постоянно возникали заговоры, интригам не было конца. Войну Ставракию об'явил его ближайший помощник, евнух Аэтий. Со Ставракием приключился сердечный припадок, кровь хлынула горлом и через несколько месяцев он умер. За этим ударом Ирину поразил другой и уже окончательно. Ее сверг с престола ее же министр Никифор и сослал на остров Лесбос. Там Ирина прожила еще около года в полнейшем одиночестве, а тело ее перенесли на великолепный остров

Принкипо, под столицей, и похоронили в построенном ей монастыре.

Жизнь второй восстановительницы икон до известной степени напоминает Ирину. Армянка Феодора, дочь Марина, жившая в византийской провинции Пафлагонии, выдана была замуж за императора Феофила, ревностного иконоборца, Феофил царствовал недолго, и когда он умер (842 г.), сыну его Михаилу, назначенному им своим преемником, было всего два года. По желанию покойного императора государственное управление поручено было совету с Феодорой во главе, в который входили ее дядя армянин Мануил, брат Варда и министр иностранных дел Феофил. Правление Феодоры началось с восстановления иконопочитания и торжества православия, которое церковь до сих пор празднует в первое воскресенье великого поста. Для нового и еще более великого торжества православия Феодора предприняла колоссальное истребление еретиков. Она решила или обратить в благочестие (так выражались ревностные византийцы, говоря о православии) или смести с лица земли так называемых павликиан, позволявших себе веровать по своему. На Восток послана была карательная экспедиция, людей, несоглашавшихся отказаться от своей веры, распинали, резали, топили в море. По уверению византийского летописца перебили сто тысяч павликиан.

Сын Феодоры Михаил, прозванный впоследствии Пьяницей, отличался от природы развратными инстинктами и получил кроме того скверное воспитание. Дядя Варда намеренно развращал его, окружал негодными педагогами и безнравственными людьми. Ему хотелось вырвать власть у своей сестры Феодоры, превратить Михаила в существо безвольное к тому времени, когда он подрастет, и царствовать его именем. Феодора по своему заботилась о сыне. Михаил рано познакомился с жен-

щинами; 15 летним мальчиком он уже вступил в связь с Евдокией Ингериной. Феодора (совершенно также как Ирина Константину) навязала ему в жены другую Евдокию Декаполитиссу. Михаил женился, но любовницы не бросил. Матери он не любил, не уважал, глумился над ней.

Варда старался раздуть неприязнь, довести ее до ненависти. Феодора сделала своим первым министром Феоктиста и только ему и доверяла. Он устранил Варду от дел; тогда дядя принялся настраивать племянника против своей сестры царицы и ее фаворита. Он стал нашептывать Михаилу, что в действительности управляет государством Феоктист, но управляет он скверно; он замышляет лишить Михаила отцовского наследия и намерен жениться на его матери или же на одной из его сестер. Он убедил Михаила, что в целях самозащиты необходимо или убить Феоктиста или по крайней мере сослать его. Михаил вполне поддался этому внушению. Когда Феоктист явился по обыкновению во дворец Михаил не пустил его к императрице и приказал придворным служителям схватить его. Они не успели этого сделать, министр убежал. Вслед за тем нанятые люди убили Феоктиста в присутствии дяди и племянника. Узнав о злодеянии, Феодора прибежала с распущенными волосами и подняла вопль. Она проклинала их обоих. Бесстыжие грязные звери, кричала она, за что ты неблагодарный сын мой, второму отцу своему воздал злом за добро? А ты, завистливый и злой диавол, трагическим тоном говорила она брату, ты замарал мое правление, которое я блюла чистым и незапятнанным. Есть Бог, свидетель вашей дерзости, и он обоих вас покарает такой же смертью и вы будете убиты. Дай мне, Боже, увидеть отомщение за этого человека.

Желание благочестивой царицы исполнилось. Впо-

следствии и Варда, и Михаил пали от руки Василия, основателя македонской династии. Но роль ее была сыграна вместе со смертью фаворита. Феодору по приказанию Варды и Михаила насильственно постригли и заключили в загородный монастырь, там ей давали достаточные средства, чтобы жить попросту, но не по царски. Феодора пережила своих врагов, брата и сына, узнала о совершившемся отомщении сверху, и умерла в начале царствования Василия, бывшего конюхом ее сына.

Другой императрицей, погибшей от своего сердечного увлечения и от сына, была Евдокия Макремволитисса в XI веке. Она была племянницей известного патриарха Михаила Кируллария, при котором произошло окончательное разделение церквей, и вышла замуж за царя Константина Дуку (1059—1067 г.). Хотя этот царь умер 60 лет, после него остались малолетние дети. Старшего сына Михаила он провозгласил соправителем еще при жизни, а умирая сделал распоряжение, чтобы регентшей стала Евдокия. Она не отличалась властолюбием, как Ирина и Феодора, и сама устранялась от всякой политики, фактически управляли государством сановники. Тогда при дворе образовались две партии. Одна считала необходимым иметь на престоле сильного монарха и опытного полководца, соображение это было вполне основательное и вызывалось условием времени. Византийская империя подверглась сериозной внешней опасности, турки-сельджуки постоянно нападали на нее в Азии, печенеги в Европе. Задачи обороны страны стояли на первом плане; чтобы не производить и не создавать революции, естественно приходили к мысли, что надо посоветовать Евдокии выйти вторично замуж, и таким путем посадить на престол достойного царя. Сама Евдокия соглашалась с этими мыслями в теории,

ей представлялось, что это наилучший способ обезопасить жизнь Михаила и сохранить за ним наследие отца. Она знала, как легко вспыхивают восстания в Константинополе, понимала, что войско может провозгласить царем какого-нибудь популярного полководца и тогда дом Дук не упрочится на престоле (Константин Дука был первым царем из этой фамилии). Выходя замуж, она конечно поставит условием, чтобы Михаил оставался по прежнему номинальным царем вплоть до своего совершеннолетия. Вторая партия, состоявшая главным образом из родственников малолетнего императора со стороны отца, смотрела на дело с противоположной и с исключительно своей эгоистической точки зрения, они действовали под лозунгом: защита прав Михаила — и доказывали, что избрание нового царя поведет к гибели Михаила. Этот последний в случае желания совершенно устранит его. В действительности же родственная партия решила удалить первых министров, захватить власть и править именем Михаила.

Тут случилось непредвиденное обстоятельство, давшее перевес первой партии. Роман Диоген, прославившийся победою над печенегами, счел полезным для государства поднять восстание и покончить с правительством, которое он вполне основательно считал неспособным. Он собирался прибегнуть к помощи армянских отрядов, но на этом попался. Один армянин, принадлежавший к ближайшим пособникам Романа Диогена и вместе с ним организовывавший бунт в армии, изменил ему, схватил Романа и доставил его в столицу. Бунтовщика присудили к смертной казни, его привели в высший императорский суд для выслушания приговора в окончательной форме. Тут разыгралась историческая сцена, редкая по своему трагизму, еще более редкая по своей развязке.

Дерзкий человек, покушавшийся на царствующий дом, имевший, наверно, намерение убить или ослепить юного Михаила и жестоко расправиться с его матерью, стоял перед царским троном. Царица смотрела на него, но не чувствовала к нему ни злобы, ни ненависти, ни отвращения. Как раз наоборот, сердце ее наполнялось несказанною жалостью, из глаз полились потоки слез. На нее произвел неотразимое впечатление красавец Роман, воин высокого роста, широкоплечий, с могучею грудью. Серые глаза сверкали, от изящной осанки, от проникновенного взгляда веяло благородством. Он не отрицал своей вины, он сознавался в преступлении, в свою пользу он говорил только одно, что имел в виду благо государства и спасение своей родины, от окруживших ее врагов. Евдокия не в силах была преодолеть тот порыв, который внезапно овладел всем ее существом. Вместо смертной казни царица отправила Романа Диогена в кратковременную ссылку, скоро вызвала его в столицу и наградила высоким чином магистра.

Прошла неделя и Евдокия решила выйти замуж за Романа. Ей хотелось убедить враждебную ей партию в необходимости этого поступка, убедить ей однако никого не удалось. Тогда она постаралась умиротворить старшего сына, которого настраивали против нее и которому было уже 14 лет. Она об'яснила Михаилу, что государство страдает от частых войн и варварских нашествий, что нужен царь, который помог бы беде, и что ее второй муж не лишит ее детей никаких прав и преимуществ. Михаил этим об'яснением вполне удовлетворился. И действительно, вступив на престол Роман Диоген дал письменное обязательство признавать своими соправителями всех трех сыновей Константина Дуки, Михаила, Андроника и Константина. В оффициальных документах ставились подписи четырех царей.

Партия Дук, стремившаяся к власти, осталась конечно очень недовольна воцарением Романа Диогена, и он с первой же минуты был окружен врагами, притворявшимися его друзьями. Во главе партии, интриговавшей против царя, стоял брат покойного царя Константина Дуки Іоанн, носивший самый высокий титул кесаря, дававшийся обыкновенно только царским родственникам. Ему усердно помогал и сын его Андроник.

Партия, деятельно работавшая над низложением Романа, старалась выставить его врагом семейства Дук. С этой целью шепотом клеветали на него и перетолковывали его действия. Уверяли, что супруг Евдокии составил тайный план захватить всю власть в свои руки и совершенно устранить сыновей Константина Дуки. Слухи приобретали большее правдоподобие, когда у Романа родился сын от Евдокии. Казалось вполне естественным, что родной сын будет царю ближе, чем приемыши. Юный Михаил прислушивался к ядовитым сплетням, распускавшимся его дядей кесарем и наконец поверил ему и решительно стал на сторону родственной компании против матери и избранного ею императора. В извращенном свете представляли даже военные подвиги Романа Диогена. Он предпринял два похода против турок и действовал удачно. Казалось, что при дворе все без исключения должны были радоваться победам византийского оружия. Но Дуки огорчались поражениями турок. Они боялись, что доблесть царя очень поднимет его в глазах войска и уверяли, что мужество его об'ясняется только желанием приобрести популярность в армии, а популярность нужна ему, чтобы произвести государственный переворот. Поэтому в частых беседах оппозиционных родственников решено было, во что бы то ни стало, и какими угодно средствами остановить военные успехи царя.

Когда Роман Диоген отправился в третий поход, план этот привели в исполнение. Все пустили в ход, вплоть до предательства и измены родине. Подкупили целый ряд людей, принимавших участие в походе, и во главе изменнической шайки стал сын кесаря Андроник Дука. Одно за другим приключались несчастия, которые не могли быть случайностью. Рухнула палатка, в которой жил Роман, и могла задавить его; потом сгорели дома, в которых он поместился со своим штабом. Взбунтовался наемный отряд, один из командиров, несмотря на отданное ему приказание, не прислал своевременно подкреплений и поставил наступавшую армию в тяжелое положение. Наконец, самое бессовестное предательство совершено было, когда Роман Диоген дал туркам генеральное сражение при Манцикерте. Царь оттеснил противника и решил отойти в лагерь, так как наступала ночь и продолжать сражение не представлялось возможным. Тогда Андроник Дука распространил весть, что царь разбит и бежал. Паника охватила армию, началось беспорядочное бегство. Роман скакал в первых рядах, но не в силах был остановить войско, обезумевшее от страха. Андроник благополучно ускользнул и отправился в Константинополь, а Романа турки ранили и захватили в плен.

Империя осталась без царя, Дуки этому очень обрадовались и решили, что власть должна принадлежать матери и сыну. В действительности это означало, что распоряжаться будет кесарь Іоанн. Но торжество его продолжалось недолго. Совершенно неожиданно в столицу пришла новая весть, собственноручное письмо Романа Диогена. Он сообщал, что заключил договор с турецким султаном и выпущен им из плена. Все злые замыслы Дук повидимому рухнули. Царь Роман на свободе, в ближайшем будущем появится в столице, и

предателям грозит расправа. Тогда кесарь Іоанн убедил Михаила, что ему необходимо произвести переворот и устранить мать, которая окажется на стороне своего супруга, как только вновь увидит его. Надо было прежде всего заручиться дворцовой охраной, стражей и когда это удалось сделать, Евдокию насильно постригли и сослали в отдаленный монастырь.

Таким образом, сделали половину дела, оставалась еще другая половина, уничтожить Романа Диогена, который собрал кое-какое войско и двигался по направлению к столице, против него отправили армию, под командой Константина Дуки, младшего сына кесаря Іоанна. Этот поход не дал решительных результатов и Роман продержался всю зиму. Весной послан был вышеупомянутый предатель Андроник Дука, которому удалось одержать победу, благодаря норманскому отряду, находившемуся на его службе. Роман отступил в крепость Адан, но голод принудил его сдаться. Сдался он на том условии, что отказывается от престола, постригается и за это ему гарантируется личная безопасность, однако не сдержали царского слова, подтвержденного тремя митрополитами, поклявшимися, что никакое зло не постигнет Романа. Его постригли и привезли в столицу, по дороге остановились в одной крепости в ожидании дальнейших инструкций. И вдруг пришел бесчеловечный приказ, подписанный императором Михаилом, ослепить Романа, он обратился к митрополитам, ручавшимся за его безопасность, но они были бессильны и если ручались, только потому, что верили обещанию царя. Самым варварским способом совершали обычную в Византии операцию, Романа привязали за руки и за ноги на грудь положили тяжелый щит, палач четыре раза запускал ему раскаленное железо в глаза, пока они не вытекли. Чрез несколько дней он умер, Евдокии

осталось одно, похоронить любимого мужа, которого она спасла от казни и который погиб мученической смертью от руки ее родного сына.

Большое значение имели в византийской империи две царицы, славившиеся красотой, но, главным образом, в качестве жен и любовниц, это Феофано в X веке и Зоя в XI веке. Дочери трактирщика Анастасо необыкновенно повезло в жизни, она прельстила 18-ти летнего Романа, сына царя Константина Богрянородного, и до такой степени завладела им, что он женился на ней, плебейское имя Анастасо заменили более благозвучным Феофано. Когда Роман вступил на престол, дочь трактирщика хотела царить одна на женской половине дворца, а там настоящей хозяйкой была издавна мать Романа Елена, и она и дочери ее смотрели свысока на выскочку, не знавшую всех тонкостей придворного этикета, но плебейка оказалась гораздо сильнее высокопоставленных особ; по ее желанию Роман выселил из дворца мать и сестер, по византийскому обычаю заставив их сделаться монахинями. Роман процарствовал недолго, он отличался невоздержанностью и умер 24 лет от роду (959—963 г.). Рассказывали, что его отравили и что преступление это совершила Феофано, которая, со своей стороны, супружеской верности не соблюдала и очень увлекалась мужчинами. Говорили, будто она была в связи с выдающимся полководцем Никифором Фокой, он после смерти Романа стал во главе мятежного движения, захватил престол и женился на Феофано.

Никифор сравнительно с Феофано был старым человеком, он прожил уже 50 лет, и борода его серебрилась, он поражал суровым сосредоточенным видом, смуглое лицо, черные волосы, черные глаза под густыми бровями, коренастая фигура с широкой грудью и ши-

рокими плечами, он обладал такой силой, что его сравнивали с Геркулесом; но едва ли Никифор нравился женщинам, он придерживался строгого образа жизни, склонялся к аскетизму, спал на полу на звериной шкуре, старался воздерживаться от мяса и в скоромные дни.

Когда свадьба уже состоялась, распространился слух, будто Никифор Фока вступил в незаконный брак, потому что он крестил сыновей императора Романа и приходился своей жене кумом. Не в меру строгий патриарх Полиевкт рассердился и предал царя Никифора временному отлучению, запретил ему входить в церковь. Дело наконец раз'яснилось, Никифор доказал, что не он был восприемником при крещении сыновей царицы Фефано, а отец его Варда, тогда патриарх снял отлучение и признал царский брак законным.

Тем не менее, брак оказался несчастным, своей строгостью Никифор Фока восстановил против себя все слои общества. Чиновники были недовольны тем, что он требовал неподкупного правосудия и преследовал взяточников и казнокрадов. Духовенство раздражил он, потому что отнимал у него доходы. В Византии чрезвычайно размножились монастыри и Никифор Фока старался принудительными мерами их ограничить, называя болезнью постоянную постройку все новых и новых „тихих“ обителей, в которых слишком много занимались торгашеством. Народ сердился на царя за то, что он увеличивал налоги, нуждаясь в деньгах для своих походов, народное недовольство по временам прорывалось. Раз, в Вознесение, когда Никифор под вечер возвращался из одной загородной церкви, толпа громко над ним издевалась, одна женщина до того рассвирепела, что с крыши бросила камнем в царя, ее схватили и на другой же день сожгли.

Феофано тоже очень скоро после свадьбы увидела, что она ошиблась, Никифор интересовался гораздо больше войной, чем женской любовью, он и сидя на престоле продолжал свою прежнюю жизнь полководца, он относился очень бережно к государственной казне и считал своей обязанностью ограничивать придворные траты. Скучно жилось царице с седым и скупым мужем, но скоро она нашла утешение в лице Іоанна Цимисхия, генерала армянского происхождения, помогавшего Никифору во время его заговора; затем они поссорились и Цимисхию пришлось уехать из столицы. Чтобы положить конец этому досадному обстоятельству Феофано подольстилась к Никифору и убедила его послать за Цимисхием, он явился и тут начался последний акт любовной драмы.

По наружности и по характеру Іоанн Цимисхий казался женщинам гораздо привлекательнее Никифора Фоки, хотя он был мал ростом, но отличался совершенно исключительной силой, лицо выделялось белизной, голубые глаза смотрели приветливо, красивы были и русые волосы и рыжая борода, этот человек поражал своей пылкостью и удивительной отвагой. На поле битвы он бесстрашно нападал на нескольких противников сразу и мгновенно зарубал их. Никто не мог сравниваться с ним в метаньи копья и стрельбе из лука, ему ничего не стоило пропустить стрелу чрез отверстие кольца, он ставил рядом четырех быстрых коней и с легкостью птицы перепрыгивал через них, он известен был щедростью и очень любил делать подарки; к числу его недостатков строгие судьи относили такие свойства, которые женщинами всего менее осуждаются, именно некоторое пристрастие к вину и увлечение телесными наслаждениями.

Никифор побаивался Цимисхия и неохотно пускал

его во дворец, но Феофано нашла способ видеться часто с любовником и не раздражать этим царя, Цимисхий пробирался на женскую половину дворца потайными ходами, и тут заговор окончательно созрел, решили, во что бы то ни стало, убрать императора и обдумали весь план до мельчайших подробностей. Когда наступил назначенный день, Феофано спрятала в одной из своих внутренних комнат убийц, подговоренных Цимисхием, по ее соображению надо было убаюкать царя, которого предупреждали о грозившей ему опасности. Вечером, она, по обыкновению, пошла к Никифору и побеседовав с ним сказала, что ей нужно кое-зачем присмотреть и что она скоро вернется, пусть опочивальню пока не запирают, „когда я приду, я ее сама запру", прибавила она. Царь долго молился и затем лег спать на постланную на полу шкуру пантеры, прикрытую пурпурным одеялом.

Люди, нанятые Цимисхием, с мечами в руках вышли на галлерею верхнего этажа. Стояла холодная ночь, дул резкий северный ветер, падал хлопьями снег. Наконец после довольно долгого ожидания на галлереи услышали свисток, это был условный знак, на лодке под'ехал Іоанн Цимисхий с той стороны дворца, откуда не было никакого входа, где волны пролива ударялись о стену без окон, сверху спустили по веревкам корзину и начали подымать, одного за другим, заговорщиков, наконец подняли и самого Цимисхия.

Дорогу убийцам, незнакомым с внутренним расположением дворца, показывал шут, увеселявший царицу. Они вошли в спальню и очень удивились, что царское ложе пусто и на нем никто не спит. Тогда шут показал им, что под окном на полу лежит царь. Убийцы начали расталкивать его, наступать на него ногами. Никифор проснулся, Лев Валант нанес ему сильный удар мечом.

„Богородица, помоги", завопил Никифор. Цимисхий уселся на царскую кровать и велел притащить к нему царя. Никифор истекал кровью, его волокли по полу. Он не в состоянии был даже опуститься на колени. Цимисхий набросился на него с бранью. „Скажи, глупый и завистливый тиранн, разве не я помог тебе войти на престол? Как же ты, забыв о таком благодеянии, не посовестился отнять у меня командование войском?" Царь не в силах был отвечать и только взывал к Богородице.

Іоанн вместе с своими приятелями и наемными убийцами дал волю своей мстительности и своей жажде помучить всесильного самодержца. Цимисхий рвал ему бороду, другие били его по щекам, так что вышибли ему зубы. Когда наконец им самим надоело грубое издевательство, Цимисхий ударил полуживого Никифора ногой в грудь и мечом рассек ему череп пополам. Царя, уже испустившего дух, продолжали рубить, и даже покойнику не оказали обычного почтения. Труп Никифора выбросили на двор и он целый день пролежал на снегу. Только вечером Цимисхий велел его похоронить. Наскоро сколотили гроб и потихоньку среди ночи перенесли убитого царя в храм Апостолов и опустили в царскую гробницу.

Цимисхий поспешил провозгласить себя самодержцем. Он не считал нужным исполнить соглашение, существовавшее между ним и его любовницей. Ему представлялось опасным ждать, когда Феофано сочетается с ним браком и в качестве естественной регентши над малолетними сыновьями (Василием и Константином) признает его царем. Сейчас же после убийства Цимисхий отправился в залу, называвшуюся Золотыми Палатами, где обычно происходили торжественные церемонии, сел на трон и обул красные сапоги, которые имели право носить только цари. Это значило, что сам Цимисхий счи-

тает себя византийским императором и та небольшая группа заговорщиков, которая его окружала. Охранная стража Никифора узнала о дворцовом происшествии слишком поздно, когда его уже нельзя было предупредить. Она пыталась проникнуть во внутренние покои, взломав во дворе железные ворота, но убедившись, что Никифор убит и переворот совершен, провозгласила Іоанна Цимисхия византийским императором. Благодаря этому, бунтовщик мог спокойно жить во дворце.

Он опасался, однако, что на следующий день разразится революция. Брат убитого Никифора и его приближенные, терявшие с его смертью свое высокое положение, должны были встать в ряды оппозиции. Приняты были соответствующие меры для предупреждения бунта со стороны населения. Прежде всего надо было успокоить столичных жителей в том отношении, что переворот коснулся одного Никифора и нисколько не поколебал положения законных царей. Как Никифор Фока был временным заместителем на время малолетства Василия и Константина, назначенных своими соправителями отцом их Романом, так и Іоанн Цимисхий является совершенно таким же заместителем престола фактически пустого. На заре 11 декабря кучка сторонников убийцы и людей им нанятых шествовала по улицам столицы и торжественным кликом провозглашала императором византийским Іоанна вместе с сыновьями Романа. Затем разослали по всему городу людей, об'являвших высочайшее повеление, что строжайше запрещаются всякие противоправительственные демонстрации и грабеж, ослушники же будут подвергаться смертной казни чрез отсечение головы мечом. Это об'явление чрезвычайно испугало столичных жителей, рассказывает очевидец, и никто не решился произвести какие-нибудь беспорядки; при подобного рода переворотах безработные и бедные

простолюдины принимаются обыкновенно грабить имущество и разрушать дома, иногда даже убивать своих соотечественников, но предостережение, сделанное Іоанном, остановило стихийное стремление уличной толпы.

Чрез неделю после вступления на престол, Цимисхий пожелал короноваться, но тут встретилось неожиданное препятствие. Патриарх Полиевкт решительно об'явил, что не может венчать на царство убийцу и что Цимисхий должен обелить себя. Пусть он удалит из дворца Феофано, которую духовенство считало развратницей и истинной виновницей совершенного преступления, и пусть он выдаст то лицо, которое убило царя Никифора. Тогда Цимисхий совершил поступок еще более подлый, чем убийство императора, считавшееся политическим и находившее себе некоторое оправдание. Он выдал Льва Валанта и удостоверил, что именно этот человек и никто другой, собственноручно убил Никифора. Мало того, Цимисхий сослал Феофано на остров Проти (один из Принцевых).

Іоанн Цимисхий погиб в свою очередь неестественною смертью. Его отравили ядом, убившим его не сразу, но действовавшим медленно. Почувствовав приближение конца и боясь за свою участь в будущей жизни, царь велел раздавать большие суммы бедным и больным, особенно прокаженным. Затем он призвал епископа адрианопольского Николая и с сердечным сокрушением приступил к исповеди. Он проливал потоки слез и взывал к Богородице, надеясь найти в ней заступницу в день Страшного Суда. Цимисхий прожил 51 год, а царствовал всего 6 лет (969—976 г.).

Порфирородная Зоя была дочерью Константина VIII и внучкой Феофано. По наследству передались ей и привлекательная наружность бабушки и основные свойства ее характера. Чувственность у них в роду преобладала,

она в изобилии притекала от предков. Зоя унаследовала и легкомыслие отца и нравственную неразборчивость бабушки.

Когда старый Константин VIII опасно заболел, он стал думать о своем преемнике. Ему хотелось упрочить власть за своим семейством, так как его род, происшедший от конюха Василия, царствовал уже 160 лет. На беду он не имел сыновей, потомство его состояло из трех дочерей. По мнению Константина, самой основательной мерой было выдать одну из них замуж и провозгласить ее мужа своим соправителем. Престарелый император насчитывал уже восьмой десяток, дочери его давно превратились в зрелых дев. Почему он не позаботился о них раньше, совершенно непонятно, вероятно он о своем семействе совсем не думал. И только теперь, когда явилась мысль о смерти, вспомнил он о дочерях и об их девичестве. Из всех трех для его плана годилась только одна. Старшая Евдокия еще в детстве обезображена была оспой и постриглась в монахини. Следующая за ней Зоя прожила уже 49 лет, Феодора была несколько моложе ее; тем не менее преимущество приходилось отдать Зое. В Феодоре мужчины не могли найти ничего прелестного. Ее маленькая голова при высоком росте не манила красотой. Зато Зоя способна была прельщать любителей женской красоты. Ее необыкновенная моложавость заставляла забывать об ее возрасте. Среднего роста, она выдавалась в толпе своим замечательно красивым сложением. Ее большие глаза с густыми ресницами под художественными бровями, словно писанными, красивые светлые волосы, белое, нежное тело привлекали взоры византийцев. Ей не зачем было удивлять нарядами и она в домашней обстановке не носила ни златотканого платья, ни ожерелья, никакого мишурного украшения.

Легким, прозрачным платьем прикрывала она свою прелестную фигуру.

В женихи своей дочери царь Константин выбрал Романа Аргира, крупного помещика и сановника. На пути осуществления этого проекта стояли препятствия, для обыкновенного смертного неодолимые. Роман был женат. Но византийский самодержец мог делать и невозможное. Он приказал постричь жену жениха, и сам патриарх Алексей повенчал Зою с Романом.

Женитьба льстила честолюбию Романа. Из чиновника превратился он в императора. Но вследствие его 60-летнего возраста брак оказался делом тяжелым. Он желал иметь сына и сделать его своим преемником. Расчеты его не оправдывались. Он поглощал снадобья, приготовленные из разных пряностей, натирался мазями. Зоя со своей стороны прибегала к симпатическим средствам, надела пояс, которому приписывали свойство уничтожать бесплодие, носила на груди амулеты, имевшие по ее мнению таинственную силу. Ничто не помогало. Тогда царь Роман отвернулся от жены, совершенно прекратил с ней супружескую связь и даже перестал отпускать ей много денег, как раньше. Зоя, привыкшая разбрасывать громадные суммы на свои прихоти, чувствовала себя оскорбленной, особенно полнейшим отсутствием проявления любви. Она отличалась сильным влечением к наслаждению, говорит близко знавший ее сановник и философ Пселл, которое у женщины ее возраста должно было бы уже отсутствовать, но у нее имелось, вследствие разврата, царившего во дворцах. Этих причин достаточно было, чтобы Зоя возненавидела мужа и решила ему отмстить.

В отместку она прежде всего приблизила к себе молодого чиновника, служившего в императорской канцелярии, Константина Артоклина. Не довольствуясь этой

связью, Зоя обратила благосклонное внимание и на другого Константина, из рода Мономахов, известного красавца. Но тут в ее любовные похождения вмешался злой гений в лице евнуха Іоанна, который направил деятельность малоспособного царя Романа. Евнух задался целью подыскать человека, в котораго влюбилась бы Зоя, за которого ее можно было выдать замуж и который вместе с тем сделался бы куклой в его руках. Для евнуха это был единственный способ занять престол, если не официально, то фактически.

При первом подходящем случае Іоанн представил императорской чете своего брата Михаила. Этот молодой человек высокого роста, приятной наружности, с красивыми глазами и румяными щеками очень понравился Роману и сейчас получил довольно важную должность, смотрителя царской опочивальни. Особенное впечатление произвел Михаил на Зою, и ему в виде исключения открыт был доступ на женскую половину дворца во всякое время. Царица соблазнила наивного молодого человека, боявшегося позволить себе малейшую вольность в покоях царицы. Современник сообщает о скандальных подробностях, сопровождавших это новое развлечение Зои, об ее ничем не прикрытом цинизме, который видели люди, невзначай к ней входившие.

Таким образом евнух Іоанн привел в исполнение первую часть своего плана. Оставалось затем устранить Романа. Он посвятил в свои намерения и брата, и Зою и встретил с их стороны полнейшее сочувствие. Действовать евнуху было нетрудно, Роман, возвысивший его, считал его самым преданным своим царедворцем. А тот нашел способ подмешивать к кушаньям какое-то ядовитое вещество. У царя пропал аппетит и сон, лицо стало бледным, как у мертвеца, волосы на бороде и на голове выпали. В четверг на Страстной Роман почув-

ствовал себя очень дурно и отправился в баню. Тут евнух решил нанести ему окончательный удар; отрава действовала слишком медленно. Император по своему обыкновению попробовал поплавать в бассейне и нырнул. Подкупленный служитель схватил его за затылок и держал его голову под водою, пока он сильно не захлебнулся. Без чувств вынесли Романа из бани. Он лежал без сознания, изо рта показалась черная жидкость. К нему вошла Зоя; удостоверившись, что ее супруг умирает, она повернулась и спокойно вышла вон.

Прошло всего несколько часов после смерти Романа, как к Зое явился евнух Іоанн и советовал ей, как можно скорее повенчаться с Михаилом и провозгласить его императором. Иначе, говорил он, слух о неестественной смерти Романа может дойти до народа и надо опасаться смут. Императрица потребовала, чтобы патриарх Алексей немедленно же обвенчал ее с Михаилом. Такое требование сначала показалось патриарху чудовищным. Совершать таинство брака на Страстной было строжайше запрещено. Однако сердце патриарха смягчилось, когда ему предложили крупное денежное вознаграждение. Венчание состоялось в великую пятницу, раньше чем успели похоронить покойного царя. Для успокоения народа разослали манифест, в котором сообщалось, что Роман еще при жизни назначил своим преемником Михаила.

И второе супружество не дало счастия Зое, ничего в жизни не искавшей кроме личного удовольствия. Михаил чувствовал угрызение совести. Мысль об убийстве Романа не давала ему покоя особенно после того, как случился с ним первый припадок падучей. В болезни, все усиливавшейся, он видел кару Божию. Он искал утешения в религии и окружил себя монахами, а они учили царя Михаила, что надо воздерживаться не только

от всякого непотребства, но и от законного сожития с женой. Этой идеей вполне проникся молодой царь и совершенно откровенно выражал свое презрение Зое.

Положение Зои ухудшилось по сравнению с ее первым браком. Она не могла утешаться со своими прежними любовниками Константином Артоклином и Константином Мономахом. Их выслали из столицы. Всем распоряжавшийся евнух Іоанн взял царицу под строжайший надзор и старался пресечь ей все пути к распутству. Он окружил ее своими родственницами и своими служителями, уволив прежних. Наблюдали за тем, чтобы она не принимала мужчин. Зоя попробовала освободиться. Через четыре года после вступления на престол Михаила, Іоанн заболел. Зоя предложила врачу за большое вознаграждение подмешать яду в лекарство, которое он пропишет Іоанну. Об этом каким-то образом узнал больной и сослал врача, а императрицу подверг еще более строгому надзору. Новая эпоха ее жизни наступила, когда Михаил умер от водянки, процарствовав 8 лет (1034—1041 г.).

Зое пришлось сначала пережить революцию и поплатиться за чрезмерное доверие к евнуху Іоанну. Он ошибся. По его совету Зоя усыновила и об'явила соправителем племянника его Михаила, сына простого судовщика: Он не захотел быть слепым орудием в руках дяди и, чтобы навсегда покончить с его влиянием, отправил его в пожизненную ссылку. Вместе с тем он и царицу выселил на остров Принкипо. Столичное восстание свергло Михаила V через четыре месяца его правления, и толпа признала законными царицами обеих сестер, и Зою и Феодору. Однако их совместное царствование продолжалось менее двух месяцев и ознаменовалось только громадными тратами, какие позволяла себе Зоя. Она занималась только романическими

затеями и в государственных делах ничего не смыслила. Поэтому придворные решили, что она должна выйти замуж в третий раз. Зоя охотно согласилась на их предложение и вспомнила о том человеке, с которым она провела много приятных часов. Вернули Константина Мономаха, сосланного императором Михаилом, и в качестве супруга Зои патриарх короновал его 12 июня 1042 г. Близко знавший его современник написал про него: „он выдавался остроумием, изысканным и обольстительным обращением, особенно чарующее впечатление производила его улыбка; он отличался классической красотой, был словно изваян идеальным художником; когда он брал нежную ручку в свою изящную руку, когда улыбался прелестной улыбкой, всякая женщина невольно поддавалась его чарам, невольно бросалась в его об'ятия".

Выбор Зои был для ее личной жизни удачный. Не стесняясь сам, царь Константин и жене предоставлял жить, как ей угодно. Он открыто содержал любовниц и щедро одаривал их, но и для законной супруги не жалел денег. Сначала для царской фаворитки Склирены был выстроен отдельный дворец, потом император перевел ее в богохранимое обиталище царей, как выражались в Византии, и сам поместился между ней и Зоей. Женщины сжились и находились в дружеских отношениях. „От старости, рассказывает Пселл, пропал у нея прежний страстный пыл, но зато исчезли и муки ревности. Она была уже слишком стара для любви". Неудивительно, что в 60 лет она все же сохранила свою поразительную моложавость, ни одна морщинка не портила ее красивого лица. Даже в 70 лет она все еще была хороша собой, и только слегка согнутая спина, дрожащие ноги и руки выдавали давно наступившую старость.

Зоя не занималась никакими возвышенными вопросами, не интересовалась литературой, она находила удо-

вольствие в занятиях, совсем другого рода. Очень много времени уходило у нее на приготовление благовонных мазей и душистых курений. Она разводила в своих покоях громадный очаг и, окруженная множеством служанок, варила ароматические травы, привезенные из Индии и Египта. Особенное наслаждение доставляло ей подбирать материал, сортировать его, придумывать разные соединения и затем упиваться благовонными испарениями, исходящими из чана.

Другое развлечение доставляли императрице придворные шуты. Всяким кривляньем и балаганными шутками забавлялся и Константин Мономах. Он держал при себе одного заику и так привязался к нему, что поставил его в исключительно привилегированное положение. Главное достоинство шута заключалось в косноязычии и в умении услаждать императора неприличными шутками. Хотя человек этот принадлежал к подонкам общества, царь возвел его в высокий чин. Шут не признавал этикета. Самые важные сановники не имели права входить к императору без доклада и припадали к его коленам в определенные часы. Косноязычный любимец Мономаха ничем не стеснялся. Он прерывал государственные занятия императора, бросался обнимать его без всякого повода, говорил самые нецензурные вещи. Шут имел доступ не только на мужскую половину дворца, но и на женскую, где он вел себя так же бесстыдно и бесцеремонно. В виде глупой шутки рассказывал он, что сестра царицы Феодора только-что родила, представлял, как стонет родильница, как кричит новорожденный, касался самых непристойных подробностей и этим забавлял цариц. Целомудренная Феодора и та смеялась.

Так наслаждалась Зоя, как могла и умела. Поздно начала она свои похождения, зато долго прожила. Она

умерла 72 лет. Когда она почувствовала себя опасно больной, она приняла всякие меры, чтобы обеспечить себе хорошее положение в будущей жизни. Она рассылала милостыню заключенным в тюрьмах, отдавала долги за неоплатных должников. Золото, розданное неимущим, должно было загладить ее грехи. Похоронив Зою и вспоминая прошлое, Мономах растрогался. Он обливал слезами ее могилу, служил панихиду за панихидой.

Но не добром помянули историки императрицу Зою и заклеймили ее выбор. Один армянский писатель того времени дал следующий отзыв о царе Константине: „Мономах, занятый исключительно едой и питьем, приумножал только эксперименты. Вместо того, чтобы тратить значительные суммы, составлявшиеся из податей, на войско и тем обезопасить свою страну от вторжения неприятелей, он расточал их на женщин легкого поведения. Он царствовал тринадцать лет, но и ни у кого не оставил по себе хорошей памяти".

III. Церковь.

Церковь представляла больное место византийской империи и притом вдвойне. Казалось бы, что это настоящая сфера для самодеятельности общества, что в вопросах, волновавших византийцев, духовенство имеет полное право и даже обязанность высказывать свое самостоятельное мнение. В лице патриарха церковь имела свое монархическое правительство, которое как будто могло бороться в случае надобности с светской властью, могло быть сильным. Но так только кажется с современной точки зрения, и ничего этого в действительности не было. Церковь не искала и не отстаивала своей самостоятельности по крайней мере в громадном большинстве случаев. Напротив того, она требовала поддержки власти государственной. Всех неправо верующих, всех так называемых еретиков она карала светской плеткой и истребляла полицейским оружием. А когда в виде исключения некоторые патриархи пытались отстаивать свои права на церковное самоопределение, они подвергались беспощадному преследованию светской власти, и императоры насильственным путем лишали их кафедры.

Такое положение, довольно унизительное для церкви, создалось исторически. Византия унаследовала от Рима отношение государственной власти к церкви. Оно основывалось на двух положениях. Во-первых, вера не есть

личное дело каждого, а входит в обязательства подданного по отношению к правительственной власти, религия — учреждение государственное. Во-вторых, император не только глава государства, но и верховный жрец (название pontifex maximus входило уже в титул Августа). Языческие принципы получили дальнейшее развитие в христианском Риме и христианской Византии. В 380 г. император Феодосий I опубликовал эдикт о кафолической (т. е. вселенской вере), с которого начинается официальная христианская религия. Православная вера в форме, выработанной на Никейском Соборе (первом вселенском), сделана обязательной для всех народов, подвластных римскому императору. С тех пор запрещалось римским подданным веровать не так, как приказывает им государственная власть, и они обязаны были признавать никейский символ безусловной истиной.

При изучении византийского государственного строя необходимо отличать теорию от практики. Сверх того и в теории существовало не одно учение, а два различных, друг другу противоречивших. Первая теория называется согласием между царской властью и церковной. Оно выражено в предисловии к одной Новелле Юстиниана такими словами: „Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, это священство и царство; первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих, оба происходят из одного источника и украшают человеческую жизнь, поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое со своей стороны постоянно молится за них Богу. Когда священство непорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие, приносящее человечеству громадную пользу". И в других памятниках находим подтверждение этой теории. В одном неофициальном своде законов гово-

рится: государство состоит из частей и членов, на подобие человека, величайшие и нужнейшие части — царь и патриарх, поэтому мир и благополучие душ и тела подданных зависят от полного единомыслия и согласия между царством и священством. На этих текстах ученые основывают теорию, называемую симфонией светской и духовной власти. Однако совершенно неверно мнение некоторых наших церковных писателей, будто бы теория симфонического отношения между священством и царством была господствующей догмой в греко-римском праве, пережившей падение Константинополя. На самом же деле теория, будто бы господствующая, на практике не имела почти никакого значения. Тот взгляд на отношения государства и церкви, который современные ученые окрестили теорией симфонии, был взглядом совершенно отвлеченным, беспочвенным, оторванным от жизни. В действительности взаимодействие между властями светской и духовной было иное и совсем не согласованное.

Истинному положению вещей соответствовала другая теория, устанавливавшая на началах отвлеченных цезарепапизм, несомненно преобладавший в Византии. На стороне этой теории мы находим знаменитых канонистов и значительное большинство императоров, практиковавших ее на деле. К ним принадлежит знаменитый Вальсамон, на его толкования, как на авторитет, еще очень недавно ссылался наш святейший синод. Федор Вальсамон был приспособляющимся иерархом, сделавшим своеобразную карьеру. Произвольно сместив без канонического на то права несколько патриархов, император Исаак Ангел пожелал возвести на константинопольскую кафедру иерусалимского патриарха Досифея. „Зная, рассказывает современник, что церковные каноны не дозволяют такого перемещения, царь лукаво обратился к Федору

Вальсамону, знаменитейшему из всех тогдашних законоведов. В беседе с ним наедине он притворялся горюющим о том, будто церковь так оскудела в людях благочестивых и разумных, и монашеские доблести стали так редки, что уже нет как прежде человека, который мог бы сесть у кормила священного престола (т. е. патриарха) и твердою рукою направлять верующих. Царь прибавил, что давно уже имел намерение перевести Досифея антиохийского на константинопольскую кафедру и если бы Федор, досконально изучивший законы и каноны, указал, что такое перемещение было произведено когда-нибудь раньше и возможно, то теперь царь счел бы это раз'яснение истинной находкой для себя. Вальсамон ответил, что все это можно уладить. Как улаживал подобные дела Вальсамон, видно из его толкований на Номоканон. В них совершенно последовательно проведена теория о главенстве императора над церковью.

Вальсамон доказывает, что царская власть выше епископской. Он перетолковывает постановления духовной власти и отдает предпочтение царским повелениям перед соборными постановлениями. Если собрать те места, где Вальсамон говорит о власти царя над церковью, он, несомненно, окажется крайним представителем цезарепапизма. Он доказывает, что императору принадлежат права и преимущества архиерея. Трулльский собор постановил, что мирянину запрещено входить в алтарь, но что это запрещение не касается царя, когда он пожелает принести дары Творцу. Поясняя это правило, Вальсомон пишет: „Запрещено мирянам входить внутрь божественного алтаря, потому что он отделен для одних священных лиц. О царях, некоторые, держась буквы этого правила, говорили, что им не должно возбранять входить внутрь алтаря тогда, когда хотят принести дар Богу, но не тогда, когда захотели бы войти

в него для одного поклонения. А мне представляется это не так. Императоры назначают патриархов и, будучи помазанниками Господа, невозбранно, когда захотят, входят в святой алтарь и делают знамение креста с трикирием, как архиереи (епископы, как известно, благословляют, держа в руках два подсвечника, из которых один называется трикирием)"... И в других местах Вальсамон приравнивает преимущества монарха к епископским. Всеми доступными ему способами он доказывал, что царь обладает и епископским достоинством и что он такой же верховный жрец, каким были языческие римские императоры. Он доказывает сверх того, что царю принадлежит власть над церковью. Он идет даже дальше многих императоров и утверждает, что царь, а не собор имеет право судить патриарха.

Теория Вальсамона получила дальнейшее развитие в трудах Димитрия Хаматиана, болгарского архиепископа начала XIII века. В главе о наказаниях, налагаемых царем, он превозносит императорскую власть. „Царство, говорит он, установлено Богом для общего блага народа. Раз кого карает царь, он карает для общей пользы и если убивает, убивает для общей пользы, чтобы пресечь зло. Царь равноценен с Богом. За исключением священнодействий император совмещает все преимущества епископа".

В пользу цезарепапизма выступал и один из последних представителей византийского просвещения, солунский архиепископ Симеон, писавший в начале XV века. В сочинении о св. храме он об'ясняет, почему царь приобщается св. Тайн внутри алтаря. Он удостоен этой чести вследствие помазания на царство, так как он занимает место владыки св. церкви и, в качестве благочестивого, он причислен к духовенству. Оба святы и царь и архиерей; благочестивый царь свят помазанием,

архиерей же свят рукоположением. По теории, развиваемой Симеоном Солунским, царь высший правитель церкви; он управляет патриаршим синодом в качестве помазанника Господня и защитника церкви.

Мы не в состоянии в настоящее время определить, хотя бы приблизительно, какая теория имела больше сторонников, да и те или иные взгляды распространялись неодинаково в разные эпохи. Но и теория симфонии, на которой настаивают ученые, уверяющие, будто византийская церковь была самостоятельна, заключает в себе скрытый цезарепапизм. По верному замечанию одного из наших духовных писателей систему Юстиниана (т. е. так называемую теорию симфонии или согласия между властями) нельзя назвать желательной для церкви. Юстиниан в основу своей симфонии кладет идею соподчинения целей государства и целей церкви с предоставлением первенства государственным целям. В сущности Юстиниан отменяет канон, т. е. церковное законодательство, превращая его в государственное. Включая церковный канон в светское законодательство, как это делал Юстиниан, император тем самым приобретал право толковать канон и получал возможность издавать законы, раскрывающие содержание канона.

Начиная с официального торжества христианства, императоры стали заявлять притязания на церковное главенство. Преемник Константина Великого, Констанций, по своему произволу собирал и распускал соборы. На миланском соборе 355 г. он заявил, положив руку на меч, что императорская воля должна быть выше апостольских и церковных постановлений, должна быть правилом для церкви. Император потребовал заочного осуждения известного отца церкви Афанасия. Епископы возразили, что осудить отсутствующего противно канонам. Моя воля канон, ответил император. Юстиниан

не выражался так неосторожно, но считал себя в праве посредством административных распоряжений устанавливать единую веру, обязательную для всех его подданных, и вмешиваться во все стороны церковного управления. Императоры-иконоборцы резко выставляли свои жреческие права. В сборнике законов, изданном в VIII веке, император Лев III присвоивает себе ту же власть, что и папы римские, и также опирается на ап. Петра. „Бог вручил нам державу и сделал ее образцом нашей в страхе любви к нему, по слову Петра, верховного апостола, приказав нам пасти вернейшее стадо. Я царь и я иерей",— писал папе тот же император. О Мануиле Комнине, царствовавшем в XII веке, современник сообщает: „Для большей части византийских царей решительно невыносимо только повелевать, ходить в золоте, пользоваться общественным достоянием, как своим, раздавать его, как и кому угодно, и обращаться с людьми свободными, как с рабами. Они считают для себя крайней обидой, если их не признают мудрецами, людьми, подобными богам по виду, героями по силе, богомудрыми подобно Соломону, богодохновенными руководителями, вернейшим каноном из канонов, одним словом, непогрешимыми судиями дел божеских и человеческих. Император Исаак Ангел считал позволительным проявлять свою деспотическую власть в церковных делах и распоряжаться церковным имуществом, как своим собственным. По словам византийского историка, он имел дерзость обращать священные сосуды в обыкновенное употребление и, отнимая их у Божиих храмов, пользоваться ими за собственным столом. Он употреблял также вместо кубков для питья чашеобразные изделия из чистого золота и драгоценных камней, висевшие над царскими гробницами, превращал в рукомойники водоливни бесподобной работы, из которых умы-

ваются священники, приступая к совершению божественных тайн, снимал с крестов драгоценные оклады и делал из них ожерелья и цепи. Когда же кто-нибудь решался напомнить, что такие поступки неприличны ему, боголюбезному самодержцу, что это просто святотатство, то он сильно и горячо вооружался против таких замечаний; он находил, что они выражают явное неразумие и самое жалкое непонимание истины, потому что на земле, говорил он, нет никакого различия во власти между Богом и между царем. Царям все позволительно делать и можно нераздельно употреблять Божие наряду со своим, так как самое царское достоинство они получили от Бога и между Богом и ими нет расстояния.

Для надлежащей оценки византийской культуры надо исходить не из теории, применение которой представляется сомнительным, а из тех фактов, которыми полна византийская история. Цари устанавливали вероучение по своему усмотрению, вмешивались во все мелочи церковной жизни, стремились распоряжаться епископскими кафедрами и превращать патриарха в покорного чиновника. Юстиниан, напр., издал указ, в котором предавал анафеме религиозное учение даже нееретическое и писателей, признанных православными на третьем вселенском соборе. Император Ираклий ввел новое вероучение с целью политической. Он желал погасить оппозиционный пожар, не прекращавшийся на Востоке, колебавший твердость государственной власти, ослаблявший сопротивление Византии нападениям иноплеменников. Ему представлялось необходимым примирить с правительством и официальным православием монофиситов, которых в Египте насчитывал 5—6 миллионов на 300 тысяч православных. Поэтому Ираклий решил привлечь на свою сторону монофиситов, сделав им некоторые уступки. Он провозгласил, что у Иисуса Христа

было две природы, но только одна воля. Мы совершенно не позволяем, говорилось в правительственном акте, чтобы кто-нибудь утверждал два действия вочеловечившегося Господа, мы должны признавать одну волю Господа Нашего Иисуса Христа. Таким образом царь положил начало ереси, названной монофелитством. А преемник его издал высочайшее повеление, которым запрещалось спорить об одной воле и одном действии, двух действиях или двух волях в Христе.

Для осуществления церковного полновластия царю было особенно важно держать в подчинении главу церкви. В теории константинопольский патриарх считался особой вполне самостоятельной и равноправной с императором, в действительной жизни его самостоятельность и равноправие представляли редкое исключение. Считалось, что патриарх избирается духовенством и народом, что это обеспечивает ему независимое отправление должности. Но из процедуры, описанной в официальном источнике, ясно видно, что избрание было фикцией. По смерти патриарха царь об'являл митрополитам, что они должны выбрать трех кандидатов, которых считают достойными быть патриархом. Они собираются в св. Софии, выбирают трех лиц, сообщают об этом царю, и тогда тот приказывает митрополитам явиться во дворец. Встав пред царем, они подают ему список избранных лиц. Одного из этих кандидатов царь утверждал, когда находил его для себя желательным. Если же никто из избранных ему не нравился, он говорил: я желаю, чтобы такой-то стал патриархом. Митрополиты повиновались царю. Затем высшее духовенство и священники собирались во дворце. Император ходил в торжественном одеянии и об'являл: божественная благодать и исходящая от нее царственность наша назначает такого-то благочестивейшим патриархом

константинопольским. Здесь очень важно выражение „назначает", поставленное в официальном источнике.

Когда патриархи оказывались недостаточно послушными, нарушалась знаменитая симфония, чрезвычайно редко встречавшаяся в жизни, и начиналось столкновение властей светской и духовной. В IX веке несколько раз низлагались и вновь возводились на патриаршую кафедру Игнатий и Фотий. Происходило это безо всякого канонического основания, совершенно произвольно под влиянием сменявшихся императоров. Михаил III, прозванный Пьяницей, произвел по внушению дяди своего Варды государственный переворот и выслал из столицы свою мать, царицу Феодору, восстановительницу иконопочитания. Необходимо было отделаться от ее сторонников, к которым принадлежал и патриарх Игнатий. Его обвинили в государственной измене и без суда и следствия отправили в ссылку. Константинопольским патриархом сделали Фотия, и не подлежит ни малейшему сомнению, что возведение его на патриаршую кафедру было и антиканоничным и незаконным. С точки зрения канонического права место константинопольского патриарха не считалось свободным, он был устранен полицейской силой, смещен он мог быть только собором. Мало того, Варда с Михаилом не постеснялись нарушить и закон. В шесть дней Фотий, бывший светским человеком, прошел все степени священства; в первый день его постригли, во второй его посвятили в чтецы, на четвертый рукоположили в диаконы, на пятый в священники, на шестой в епископы. Такой образ действий запрещен был новеллой Юстиниана. Светское лицо, намеченное в епископы, должно было оставаться священником по крайней мере три месяца и только по истечении этого срока могло быть рукоположено в епископы. Через 10 лет после этого Василий убил

сначала Варду, потом императора Михаила и воцарился сам. Тотчас же он сместил Фотия и посадил его под стражу в монастырь. Игнатия царь пригласил во дворец и об'явил ему, что он восстановлен на патриаршей кафедре и во всех своих правах. После смерти Игнатия Василий провел в патриархи Фотия. Следующий император Лев VI пожелал сделать константинопольским патриархом брата своего Стефана. Фотия вновь обвинили в государственных преступлениях и отправили в ссылку. Вот один из тех примеров, как на практике применялась теория о согласии между властями светской и духовной.

Когда патриарх противодействовал хотя бы и незаконным поступкам царя, его насильственно удаляли. Глава константинопольской церкви по очень понятной причине не мог признать четвертого брака императора Льва VI, нарушавшего и церковные каноны и гражданские законы. Его умоляли уступить просьбе царя, но убедить его не удалось, и тогда его посадили на судно и отправили в ссылку.

В следующем веке произошло столкновение между светской властью и духовной по вопросу не только личному, но и принципиальному. Император Исаак Комнин расправился (в 1058 г.) с патриархом Михаилом Кирулларием, при котором произошло так называемое окончательное разделение церквей. Патриарх, несомненно, отличался властолюбием и отстаивал самостоятельность церкви. Кирулларий, по словам одного историка, держался очень высокого представления о своем патриаршем достоинстве. Хотя назначение его зависело от воли императора, однакож это обстоятельство он не считал существенно важным, производил власть свою от Бога и свое избрание относил к устроению Промысла Божия. Человек с такими задатками был бы образцовым ви-

зантийским самодержцем и если бы судьба поблагоприятствовала ему украситься короной, можетъ быть, оставил бы о себе память в истории, как об одном из лучших представителей византийского абсолютизма. Но для константинопольского патриарха, желавшего прочно сидеть на своем месте, он был недостаточно кроток и слишком самостоятелен. Столкновение произошло из-за внутренней политики Комнина. Нуждаясь в средствах, император отобрал у монастырей большие имения, это казалось некоторым беззаконием, нечестием и сватотатством. Патриарх говорил с царем резко и надменно. Столкновение между светской и духовной властью кончилось тем, что царь расправился с патриархом административным путем, совершил над ним насилие. Боясь арестовать его в столице, Исаак Комнин воспользовался тем случаем, когда Кирулларий в праздник арх. Михаила выехал в загородный монастырь. Варяжская охранная стража посадила патриарха на мула, отвезла на судно и отправила в заточение на остров Приконнис. Желая придать своему незаконному мероприятию внешний вид каноничности, император собирался созвать собор, который должен был, по его желанию, осудить и лишить сана Кирулларию, фактически уже смещенного. Обвинительную речь на этом соборе должен был произнести знаменитый философ Михаил Пселл, который ее заблаговременно заготовил. Он доказывал без всякого стыда, что патриарх совершил тяжкие преступления, в которых был неповинен. Много напраслины собирался взвести на Кирулларию ловкий царедворец. Он обвинял патриарха в ереси, заговоре против царя, убийстве, святотатстве, гробокопательстве. Собор не состоялся по случайной причине. Патриарх Михаил Кирулларий умер и смерть освободила его от гнусной комедии, которую собиралась разыграть царская власть.

Византийский цезарепапизм проявлялся наружным образом в придворном церемониале. Во время приема в четверг на Святой царь сидит на золотом кресле, патриарх сидит также на кресле по левую руку от царя, но ниже поставленном. Вслед затем входят митрополиты и епископы, падают ниц и затем доходят до средины палаты; тут они вторично падают на землю. Потом высшее духовенство подводят по очереди к царю, митрополиты и епископы целуют колена и руки царя.

Все это были конечно только жесты, к которым привыкли византийцы и истинный смысл которых они позабыли. Тем не менее, жесты выражали общее раболепство перед самодержавием, наложившее неизгладимую печать на всю византийскую жизнь. Преклонение духовенства перед царем не ограничивалось придворным церемониалом. Высшие иерархи падали ниц перед императором и в буквальном и в переносном смысле. Они не решались возвысить своего голоса и покорно творили волю светской власти, безусловно ей подчиняясь.

IV. Сановники.

В письме к Николаю II, Л. Н. Толстой говорил между прочим [1]): „царь, какой бы он ни был хороший, никак не может управлять сам 130 миллионным народом, а управляют народом приближенные царя, заботящиеся больше всего о своем положении, а не о благе народа". Слова эти применимы ко всем временам и особенно к Византии. Даже самые большие деспоты вынуждены были разделить власть со своими министрами, и сановники очень часто оказывались более жестокими и более несправедливыми, чем император.

Злоупотребления сановников начались при Юстиниане и окончились тогда, когда турки вступили в Константинополь. В царствование Юстиниана деятельное участие в высшей администрации принимали два лица, Трибониан и Иоанн Каппадокийский. Оба они представлены в самом некрасивом виде их современником, известным историком Прокопием. Трибониан, знаменитый юрист, составитель свода законов, на практике не признавал правосудия. В качестве министра юстиции он толковал законы вкривь и вкось, когда ему за это хорошо платили, и выносил судебные приговоры в пользу той стороны, которая предлагала ему взятку. Иоанн Каппадокийский был человеком совершенно необразо-

[1]) „Былое", 1917, июль.

ванным и стоявшим на очень низком нравственном уровне. Он распоряжался финансами и отличался жестокостью и крайней бессовестностью. Он прибегал к пыткам, чтобы выколотить подати, причем обкрадывал казну. Он поставил армии так плохо выпеченный хлеб, что он гнил по дороге. Самыми вопиющими злоупотреблениями он составил себе громадное состояние. В нем преобладали гастрономические вкусы и за искусно приготовленное кушанье, которое доставляло ему особенное наслаждение, он давал повару должность чиновника.

Взяточничество чиновников и всевозможные притеснения администрации были главной причиной очень сериозного бунта, поднятого против Юстиниана всем столичным населением. Царь пережил несколько скверных дней. Он собирался даже бежать. Но, в конце концов, бунт был подавлен вооруженной силой, при чем погибло до 30 тысяч городских жителей.

Сведения, какие имеются у нас о византийскихъ сановниках, не говорят в их пользу. Они в общем представляются лицами своекорыстными, пресмыкающимися перед монархами, взяточниками и развратниками. Вот, напр., как рисует византийский историк Иоанна Пуцинского, влиятельного министра финансов в царствование Мануила Комнина. В деле взимания податей он проявлял необыкновенное искусство, чрезвычайно строго взыскивал он налоги и с поразительной находчивостью изобретал новые. Он был крайне жесток и неумолим, так что легче было смягчить твердый камень, чем склонить его к тому, чего он не хотел. Он не трогался слезами, не смягчался жалобным видом просителя и был недоступен до бесчеловечия. Он никогда не входил в подробные об'яснения с людьми, являющимися к нему с разными предложениями и не удостаивал их даже

приветствий. К Иоанну Пуцинскому постоянно приходили сановники и чиновники, потому что он забрал необыкновенную силу. Он предварительно просматривал проекты царских указов и когда возражал против них, они не издавались и опубликовывались только при его одобрении. Иоанн чрезвычайно разбогател на государственной службе и оставил своим детям громадное состояние. Тем не менее скупость его доходила до крайних пределов и он, по выражению византийского историка, не решался даже поднять глаз, чтобы взглянуть на бедных. В виде взятки присылали ему с'естные припасы, и между прочим, большие и жирные рыбы. Вместо того, чтобы отправлять даровые припасы на кухню, как делали другие сановники, Иоанн посылал их на рынок и там продавал.

В то же царствование весело проводил жизнь министр иностранных дел Коматир. Философию и богословие он презирал и никакими науками никогда не занимался. Но говорить он умел и обладал еще некоторыми талантами, именно не имел соперников в обжорстве, выпить мог больше всех, умел петь под аккомпанимент лиры и играть на арфе и великолепно отплясывал кордакс, сопровождавшийся непристойными телодвижениями. Пил он выше всякой похвалы. Жадно наливаясь вином и насасываясь им, как губка, он все же не терял равновесия, не шатался и продолжал живо беседовать. Царь охотно приглашал его на свои пиры, а также и все высокопоставленные особы, потому что министр всех забавлял. Своих добрых знакомых он доводил до крайней степени опьянения и пил наравне с богатырями, которые, по словам византийского историка, вливали в свое брюхо по целым боченкам, вместо кубков держали в руках амфоры и всегда употребляли за столом геркулесовскую чашу.

При Исааке Ангеле всесильным сановником был его дядя Федор Кастамонит, занимавший место министра финансов. Царь поставил его в совершенно исключительное положение и дал ему право иметь на коне пурпуровый чепрак и пурпуровый науздник и сверх того подписываться красными чернилами (киноварью) и на официальных бумагах и в частных письмах. Пурпур составлял привилегию императора, продавать пурпуровые ткани было строжайше запрещено. Документы подписывались царем киноварью из особенной чернильницы, которую подносил ему сановник, называвшийся надзирателем царской чернильницы. Кастомонит до того возгордился, что самые важные сановники не смели сесть в его присутствии и вынуждены были стоять, как рабы. От кутежей Кастомонит заболел подагрой и очень часто его приносили во дворец на носилках. Умер он скоропостижно от удара.

Само собою разумеется, что сановники постоянно интриговали друг против друга. Всякому хотелось быть выше всех и нажиться. В этом отношении очень поучительны две истории. Михаил Дука, коварно поступивший с выдающимся полководцем и царем Романом Диогеном, был совершенно бездарным монархом. Он делами совсем не занимался и всегда слепо исполнял желания кого-нибудь из своих приближенных. К тому же непостоянство составляло его недостаток и в течение своего непродолжительного царствования (1071—1078 г.) он всецело доверял нескольким лицам, которых затем быстро сменял. Сначала им управлял его дядя кесарь Иоанн, потом митрополит сидский, тоже Иоанн, пока его не сместил довольно гнусный человек, Никифор Вукелларийский. Он начал службу при отце Михаила, царе Константине Дуке, и тогда уже занял первое место среди придворных интриганов. Он дошел до

такого нахальства, что стал нашептывать царю, будто его супруга Евдокия виновна в прелюбодеянии, будто она приблизила к себе Михаила Никомидийского. Никифор сделал этот ложный донос с целью отделаться от сослуживца своего Михаила, который больше его преуспевал и мешал ему. Навет его не имел успеха, но вместе с тем интриган сумел избегнуть заслуженной кары. Царь только удалил его из придворного штата и выслал почетным образом из столицы, он назначен был губернатором самой важной азиатской провинции Антиохии. Там он приобрел печальную известность притеснениями, которые чинил местному населению. Злоупотребляя своей властью, он подвергал конфискации имущество антиохийцев, взыскивал с них неустановленные законом сборы. Когда после смерти Константина Дуки регентшей оказалась Евдокия, евнух Никифор попался и посажен был в тюрьму, где однако просидел недолго. Его выпустили, когда вступил на престол Роман Диоген. Искусный евнух сумел дать взятку и был назначен судьей Пелопоннеса и Эллады. Этого негодного чиновника император Михаил Дука назначил министром иностранных дел и скоро попал в полную от него зависимость. Новый министр тотчас же принялся за интриги и постарался очернить тех лиц, влияния которых он опасался. Он оклеветал митрополита сидского и тот был удален. Наговорил он и на кесаря Иоанна, и царь отправил своего, когда-то всесильного дядю в Азию командовать тамошними войсками. Министр донес и на родных братьев царя и уверял его, что они дурно к нему относятся и замышляют захватить власть. Когда наконец Никифор устранил всех неугодных ему особ, он начал управлять государственными делами по своему усмотрению и, прежде всего, обратил внимание на финансы. Своими произвольными мерами он обогащался,

но возбудил против царя все слои общества, казенными монополиями он подрывал земледелие и торговлю, у знатных людей отбирал имущество, у церквей отнимал драгоценные сосуды. В результате такой политики Михаил Дука был свергнут с престола.

Вышеупомянутый министр Коматир прибег к еще более подлому средству, чтобы отделаться от соперника. Федор Стиппіот пользовался необыкновенным благоволением царя Мануила. Ему разрешено было во всякое время являться к самодержцу и свободно говорить с ним о чем угодно. Министр Коматир мог приходить во дворец только в определенные часы и далеко не пользовался таким влиянием, как Стиппиот. Коматир сгорал от зависти и придумал такую интригу, которую даже византийцы называли коварством и гнусностью. Он втерся в дружбу с Стиппиотом и старался выведать его сокровенные мысли, Стиппиот осторожностью не отличался и откровенно высказывал все, что думал. После этого Коматир стал наговаривать царю на Стиппиота. Он представлял его обманщиком и злоумышленником, уверял, что он предатель, готовый вступить с иностранными правительствами в сделку, невыгодную для Византии. Царь потребовал доказательств. Тогда Коматир выступает в качестве настоящего провокатора. Он прячет императора за драпировку, а сам вступает в интимную беседу с Стиппиотом. От предметов посторонних он переходит к иностранной политике, начинает порицать все мероприятия царя по отношению к сецилийским норманнам. Стиппиот с ним соглашается и Коматир прерывает разговор. Царь убедился, что Стиппиот позволяет себе критиковать действия правительства. Но он всетаки не лишил его милости. Коматир увидел, что этого мало и прибег к подлогу. Он составил глупое и подлое письмо, написанное

будто бы Стиппиотом королю Сецилии и подбросил его в бумаги Стиппиота. Затем он посоветовал царю произвести обыск у Стиппиота. Нашли письмо, в котором усмотрели предательство сановника. Царь не счел возможным простить такую вину. Византийский историк вывел из этого случая такое нравоучение: „Трудно разгадать лукавство людское и мудрено уберечься от него, поэтому нужно всячески остерегаться соперников, которые при душе неблагородной наделены языком, говорящим не то, что у них на сердце, а главное нужно держать язык за зубами".

Чиновники усиленно добивались высоких мест, потому что служба удовлетворяла не только честолюбию, но и давала возможность бедному человеку обезпечить себя на всю жизнь. Для приобретения капитала имелись разные средства. Не на последнем плане, конечно, стояло взяточничество. Вышеупомянутого всесильного Кастомонита остряки называли густой серой, заложившей царские уши и препятствующей доступу к ним извне живых звуков, замочком по дороге к царю. По образному выражению современника, широкие ворота, которыми прежде свободно проходили к царям просители, окончательно были заперты и пытавшимся войти никто не отпирал дверей. А если после безконечного стука кто-нибудь проглядывал наконец сквозь дверную щелку, то ни на какие распросы уже не было другого ответа, кроме того, чтобы шли на заднее крылечко. Но и там нелегко было добиться пропуска, если кто не нес чего-нибудь за пазухой, хотя бы для этого пришлось продать с себя рубашку. Министр не пропускал просителей к царю, чтобы оградить себя от доносчиков, а главное чтобы не лишиться доходов. Всякая просьба сопровождалась подношением, и когда добровольные пожертвования представлялись недостаточ-

ными, они взыскивались в усиленном размере. Гоголевский городничий как будто вдохновлялся примером Кастомонита, который ничем не пренебрегал и всех и каждого облагал поборами с замечательным искусством. Он брал не только деньгами, но даже всякими мелочами. Торговцы обязаны были бесплатно поставлять министру разные фрукты и овощи, которые в Константинополе продавались дешево.

Византийские сановники отличались изобретательностию, а некий Иоанн Лагос превзошел других в этом отношении. Он получил место начальника тюрьмы и открыл там обильный источник доходов. Благочестивые люди приносили заключенным милостыню, прося их поминать дорогих покойников. Лагос забирал деньги себе. Это было, конечно, довольно просто, и Лагос не мог удовольствоваться такими примитивными приемами. Сообразительностью он мог похвастаться и додумался до сообщничества с преступниками. По ночам он выпускал воров, которые, ограбив столичных жителей, приносили в тюрьму обильную добычу. Начальник приступал к дележу, часть уделял ворам, а львиную долю брал себе. Из-за своих незаконных действий Лагос чуть не подвергся самосуду толпы. Однажды он без достаточного основания арестовал одного ремесленника и дал ему приличную порцию палок в спину. Это возмутило горожан, собрались ремесленнки в большом количестве и бросились к тюрьме с намерением схватить Лагоса, но ему удалось улизнуть.

Самым обыкновенным средством обогащения служила продажа должностей. Иногда она признавалась самим правительством и упоминается в официальных документах. Но в большинстве случаев цари видели в продаже чиновничьих мест злоупотребление, или по меньшей мере нежелательное действие. Император Юстиниан

посвятил этому вопросу длинное рассуждение в одном из своих указов. Он сообщает, между прочим, что бывшие до него цари и, в подражание им, начальники отдельных управлений пользовались производством в чины и назначением на должности, как доходными статьями. „Мы стали обдумывать, говорит Юстиниан в своей новелле, как бы нам изменить к лучшему вредные стороны, наблюдаемые в провинциях, и пришли к тому выводу, что административные места должны занимать люди с чистыми руками, неберущие взяток и довольствующиеся казенным содержанием. Этого можно достичь только тогда, когда сами они будут получать свои места бесплатно. Разве не ясно всякому, что получивший должность за деньги вносит не только установленный сбор, но должен расходоваться гораздо больше". Искавший места сплошь и рядом не имел денег и занимал их под большие проценты. Расходы приходилось чиновнику наверстать, и он со своей стороны облагал подчиненных. В конце концов все переносится на насилие, провинциальная администрация прежде всего облагает местных жителей в свою пользу, и они оказываются не в состоянии платить податей. Казна терпит большие убытки. Провинциальные священники, горожане, земледельцы прибегают в столицу и жалуются на взяточничество чиновников. Юстиниан постановляет, что запрещается делать притеснения за административные должности. Но вместе с тем царь ставит на вид губернаторам, что подати должны взыскиваться со всей строгостью без недоимок. „Вы должны знать, говорит он, что военные расходы не терпят ни малейшего промедления, при том же я не из тех, кто равнодушно смотрит на уменьшение пределов византийской империи". Кончает Юстиниан свою новеллу такими высокопарными словами: „Мы не преминули исполнить по отно-

шению к нашим подданным все доброе, что только приходило нам на ум. Желая уничтожить эти презренные и рабские хищения и дать нашим подданным возможность жить благополучно под управлением местных властей, мы озаботились тем, чтобы должности раздавались безвозмездно, дабы и чиновникам не повадно было совершать преступления и грабить народ". Но благие начинания Юстиниана оставались на бумаге. Он сам парализовал их тем, что стремился воссоздать всемирную римскую империю, предпринимал для этого походы, обходившиеся чересчур дорого, и позволял себе совершенно излишние траты на постройки. „Выставляя, говорит Ф. И. Успенский в своей Истории Византии, главнейшее требование к провинциальным чиновникам, чтобы они были чисты на руку и не высасывали соки из населения, Юстиниан вместе с тем постольку пред'являл к ним требований, чтобы они заботились об исправном поступлении податей, и напоминал, что их служебное положение зависит от исполнения этого требования; чтобы понять весь трагизм этой проповеди о неподкупности и честности, достаточно указать, что в то время, как составлялись подобные новеллы, в самом дворце продавались за деньги судебные и административные должности и отдавался в аренду сбор податей в провинцию".

Современник сообщает, что император Исаак Ангел выпускал низкопробную монету, требуя, чтобы ее принимали за полноценную, и отдавал должности на откуп, торгуя ими, как рыночные торгаши овощами.

Карьеру сановника можно проследить по биографии Михаила Пселла, который был в одно и то же время и знаменитым философом и государственным деятелем. Это один из немногих византийцев, жизнь которого можно воссоздать во всех подробностях, потому что

он оставил после себя мемуары и целый ряд речей; сохранилась и обширная его переписка. В 1018 г. у одного бедного константинопольского жителя, носившего фамилию Пселла, родился третий ребенок, сын Констант. В пять лет он начал учиться грамоте, но через несколько лет возник семейный вопрос, следует ли давать мальчику образование? Ближайшие родственники советовали обучить его какому-нибудь ремеслу, чтобы он мог поскорее зарабатывать деньги. Но с этим не согласилась его мать, честолюбивая Феодота. Она поняла, что ее Констант мальчик недюжинный и что при его способностях можно далеко пойти. Мать оказалась права. Сын ее получил отличное образование, изучил риторику, философию и право и впоследствии сделался сам начальником высшей философской школы. Он написал множество сочинений по разным отраслям знания, правда, не оригинальных, а компилятивных, но он поражал своими разнообразными знаниями, овладел всеми науками (и филологией, и математикой, и логикой, и астрономией, и тактикой), был настоящим энциклопедистом, оригинальность он проявил только в риторике, которой его современники особенно дорожили. Он сочинял речи, считавшиеся в Византии красивыми, которые нам представляются набором бессодержательных цветистых фраз, напыщенных, ходульных и, по нашему, неизящных.

Пселл не довольствовался учеными знаниями. Он поступил на государственную службу и сделал блестящую карьеру. Первое место, которое он получил, было незначительным, но ему было всего 19 лет. Вскоре Пселл сумел завязать связи в сановном мире и получил повышение, был назначен судьей Месопотамской провинции. Года через четыре Пселл перешел на службу в столицу. Ему дали место в императорской канцелярии, которая была очень на виду, однако ему не нравилось, что он

занимает там самую ничтожную должность. Тогда Пселл написал длинную записку, в которой указывал на свое бедственное положение, и старался тронуть влиятельных особ. „Так как я по воле злой судьбы, говорил он, родившей и вскормившей меня, причислен к разряду асикритов (асикрит—младший чиновник императорской канцелярии) и, испытав на службе множество неприятностей, я понял, насколько наказания будущей жизни слабее здешних тягостей. Да не подумают, что всякое земное бедствие я считаю страшнее небесной кары. Несомненно, смертная казнь, сажание на кол, засекание до смерти, если сравнить их с муками ада, покажутся легче последних, но никто не скажет, что огонь геенны ужаснее службы асикрита. Это очень тяжелый труд и писать приходится так много, что нельзя ни почесать уха, ни поднять головы, ни вовремя напиться и поесть ни очистить тела омовением, если не считать естественного омовения, т. е. пота, ручьями текущего с лица и головы. А какое великое за это воздаяние: оскорбления, угрозы, пренебрежение! Служба асикрита более тяжкое и невыносимое зло, чем огонь, мрак и червь". Пселл рассказывает, что в его канцелярии произошел скандал: все младшие чиновники хотели получить освободившееся высшее место. Особенно добивался его один интриган, который то и дело забегал к начальнику канцелярии и бранил своих сослуживцев. Страсти разгорелись до того, что чиновники не только наушничали перед начальством, но даже вступали в драку между собой. Своим непристойным поведением асикриты рассердили протасикрита (начальника канцелярии) так, что последний собирался прогнать их со службы. Пселл ходил к начальнику, чтобы выведать от него, как он смотрит на поведение своих подчиненных, при этом случае он, конечно, ввернул ему, что ничего общего с интри-

ганами не имеет. Свою записку Пселл старался довести до сведения царя, который, по его мнению, не изливал в достаточной степени своих милостей на канцелярию.

С той же целью Пселл прибег и к другому, более действительному средству. Он написал панегирик императору Константину Мономаху, в котором расхвалил его до небес и который закончил просьбою обратить внимание на его бедственное положение. „Мы отвержены, говорил он в заключение, мы в небрежении, мы, питомцы науки, приверженцы мудрости, почитатели муз. Если бы ты пожелал, скольких ты мог бы породить Платонов, сколько Гомеров!“ Искусно составленная речь очень польстила царю и помогла Пселлу в его карьере. Но одни литературные произведения все-таки не выдвинули бы Пселла на самые верхи чиновничьего мира. Покровительство ему оказывали влиятельные особы, к которым он умел подольститься. В начале царствования Мономаха (1043 г.) его уже знали придворные. Они расхваливали молодого Пселла и сообщали царю, что он очень приятный собеседник и умеет красиво говорить. Пселл был представлен Мономаху и до такой степени очаровал его своим разговором, что император чуть было не обнял его.

С тех пор счастье улыбнулось Пселлу, Мономах не хотел, чтобы поклонник муз, красноречивый оратор и приятный собеседник, оставался в пренебрежении, назначил его начальником императорской канцелярии (протоассикритом) и постоянно повышал в чинах. По своей должности Пселл соприкасался с царем, потому что отправлял от его имени письма к иностранным монархам и составлял всевозможные документы, скреплявшиеся красной царской подписью. Но сверх того Пселл сумел войти в неофициальные, очень близкие отношения с

царем. Мономах вне придворных церемоний обращался с ним попросту, как с приятелем, водил его, напр., к своей любовнице и там шутил с ним. Пселл не жалел лести и старался угодить всем во дворце и царице Зое и царской фаворитке Склирене. Он вошел в дружбу и с самыми влиятельными сановниками. Лицемерие Пселла, много помогавшее ему на тернистом жизненном пути, видно из следующего. В душе он был очень дурного мнения о Мономахе, возмущался его распутством и особенно тем, что громадные суммы переходили из государственного казначейства в руки фавориток. „Я плакал, написал он в своих мемуарах, видя, как растрачиваются деньги, и так как я большой патриот, я стыжусь за своего царя". Но плакал он потихоньку и патриотизм его оставался в четырех стенах. Открыто же он произносил Мономаху похвальные речи одну за другой, называл царем-солнцем и сравнивал его царствование с золотым веком.

В качестве протоассикрита Пселл получал жалованье в неизвестном нам размере (губернаторы, которые по табели о рангах были выше его, получали 5 литр., т. е. 2109 руб.) и небольшую пенсию, полагавшуюся всякому чиновнику, сообразно с чином. Для сановника однако жалованье составляло самую ничтожную статью дохода. Не говоря о взяточничестве, имелись и вполне законные источники обогащения, они зависели от царской милости, и ими Пселл воспользовался. Мономах подарил ему дом, дал на откуп подати, взимавшиеся с города Мадита, предоставил возможность взять под свое покровительство три монастыря и за защиту от местной администрации получать часть их доходов. Сверх того Пселл умел извлекать выгоды из своего высокаго положения, он доставал места не бескорыстно, снабжал деньгами лихоимцев и не считал лихоимство пороком,

а только естественною и простительною слабостью несовершенной человеческой природы. К средине царствования Константина Мономаха Пселл из бедного человека превратился в богатого.

К концу этого царствования положение Пселла пошатнулось. Он придерживался партии Лахуда, игравшего такую же роль, как современные нам первые министры. Лахуд впал в немилость и постригся (впоследствии он был константинопольским патриархом). Интрига коснулась и его ближайших друзей Ксифилина, начальника высшей юридической школы, и Пселла. Они решили тоже подать в отставку и поступить в монастырь. Кафилин тотчас же исполнил это, а Пселл медлил. Он неохотно расставался со двором тем более, что царь лично против него ничего не имел. Вскоре после этого Пселл опасно заболел и думал, что не встанет. Император не забывал Пселла во время его болезни и отправил ему письмо, в котором утешал его и предсказывал скорое выздоровление. Оправившись от болезни, Пселл ответил письмом, которое необыкновенно ярко характеризует византийское низкопоклонство. „Кто уподобится тебе, царь, писал придворный льстец, какой земной бог сравнится с тобою, моим царем и Богом? Разве ты не понимаешь, божественный царь, на какую высоту поднял тебя Бог? Находясь на столь беспредельной высоте, ты обращаешь взоры и на нас, стоящих внизу и жалких. Поистине ты подражаешь своему Богу и царю, ради нас сошедшего с неба, взявшего на себя наши грехи, собственными ранами излечившего наши раны. Разве ты не нисходишь к нам, как бы с неба, и исцеляешь наши недуги положением рук, молитвами и умилостивительными прошениями к Богу, а так же единым словом, как твой Иисус? Нет в этом ничего удивительного, ибо глядя на пример Царствующего над то-

бой, ты делаешь свою душу ему подобной. Но ему служили ангелы, восходя и нисходя, как говорит Евангелие (Матф. IV, 11. Иоанн. I, 51), тебе же, твоим молитвам и прошениям вернейший ходатай и предстатель та, что украсила женский род и избавила род человеческий от греха Евы. Кто же она? Недаром получившая свое имя Зоя (Зоя по-гречески значит жизнь) и жившая по Богу и всем нам подававшая жизнь. Чрез нее, о царь, ты оживотворяешь и воскрешаешь нас почти погребенных. Меня, отказавшегося от жизни вследствие болезни, ты неожиданно излечил, сказав мне слова Бога: сия болезнь не к смерти (Иоанн XI, 4). Услышав это, я встал с ложа, как лежавший четыре дня в гробу Лазарь, я ожил и много смеялся над отказавшимися от меня врачами. Это пишу тебе я, отчаявшийся тогда в жизни и тобой воскрешенный, ты сказал мне: мужайся, ты ныне не умрешь, а владыко вселенной скажет тебе без „ныне“: мужайся, ты не умрешь, о царь, ибо праведные живут вовеки. Чрез много лет, после бесчисленной смены поколений, ты восстанешь пред создавшим тебя Богом, ты будешь с приснопамятной Зоей в бесконечной жизни, узришь благая вышнего Иерусалима, сопричисленный к ангелам, сопричтенный к апостолам будешь петь божественную песнь и возносить Богу трисвятое песнопение“.

Пселл вслед затем постригся, получил монашеское имя Михаила, но удалился из столицы только тогда, когда умер Константин Мономах (11 января 1055 г.) и когда направление нового правительства было неизвестно. Он отправился на малоазиатский Олимп, где предавался аскетизму его друг Ксифилин. Тихая монастырская жизнь оказалась не по душе бывшему царедворцу. Он провел всего несколько месяцев в обители, называвшейся Красивым источником, поссорился с монахами и отправился в Константинополь. По этому по-

воду инок Іаков написал на Пселла следующее четверостишие: О владыка Зевс, отец, хвастающийся своей силой и громко гремящий, ты не вынес Олимпа даже в течение короткого времени, ибо там не было твоих богинь, отец Зевс". Византийский каламбур намекает на то, что Пселл не мог жить без своих богинь, т. е. без цариц. Пселл не остался в долгу, он ответил Іакову неприличным каноном, составленным по правилам церковных песнопений. Тут автор 32 раза повторяет разными славами все то же обвинение: ты пьяница. При этом утонченный ритор употребляет такие грубые выражения, что они непереводимы. „Вы пьете целую ночь, пишет он между прочим, и хвастаясь говорит: я не примешал к вину воды, как делают трактирщики, ни горячей, ни холодной, я пью его чистым".

Пселл воспользовался тем обстоятельством, что на престоле утвердилась Ѳеодора, которая к нему благоволила и во все предыдущее царствование жила во дворце на половине своей сестры, императрицы Зои. Но правила Ѳеодора не самостоятельно и с этих пор Пселлу пришлось лавировать среди разных течений. Ѳеодора царствовала немногим больше года (1055—1056 г). и, по совету своего всесильного министра, назначила своим преемником неспособного старика Михаила IV Стратиотика. Несмотря на то, что Пселл облекся в монашескую рясу, он считал возможным по прежнему занимать светские должности, оставался опытным царедворцем. Поэтому он всегда становился по ту сторону, где была сила. Но как раз в то время не легко было угадать, какая партия возьмет верх. Против Михаила IV сейчас же поднялось движение с популярным полководцем Исааком Комниным во главе. Приспособляющийся философ старался уладить дело. Он отправился по поручению Михаила парламентером

к Комнину. Царь соглашался на разные уступки, предлагал дать Исааку первый чин кесаря, которым награждали только членов императорской фамилии, сделаться важным сановником. Но Пселл встретил упорное сопротивление со стороны войска, провозгласившего Комнина царем. Тогда Михаил согласился назначить бунтовщика своим сопровителем, и с этим новым предложением Пселл вторично явился в лагерь Комнина. Вдруг пришла из Константинополя неожиданная весть. Михаил низложен и постригся, Пселл перепугался. Ему следовало стать на сторону Комнина, а он сначала советовал ему удовольствоваться высоким положением, которое предлагал ему царь Михаил. „Не знаю, рассказывает Пселл в своих мемуарах, как провели эту ночь другие, но я считал себя приговоренным к смерти и думал, что вот сейчас буду принесен в жертву. Я зналъ, что не избегнуть мне гибели. Больше всего боялся царя (Комнина), как бы он, вспомнив о моих словах, как я убеждал его чуть ли не оставаться частным человеком, не наказал меня самым ужасным образом. Все спали и я один не спал, все ожидал убийцу; когда мне слышался шум, я в ужасе выскакивал из палатки". Напрасные страхи были навеяны нравственной трусостью Пселла. Комнин все время принимал его очень любезно, а последнее известие, принесенное им в лагерь заговорщиков, было встречено всеми очень сочувственно. Он мог опасаться только одного, что не будет играть выдающейся роли при Комнине.

Очень скоро оказалось, что страхи Пселла не имели никакого основания. Исаак Комнин повысил его в чинах и выказывал ему благоволение. Пселл, отправляя ему льстивые письма, произносил панегирики и даже унизился до подлого поступка в угоду царю. У Исаака Комнина произошло столкновение с патриархом Ми-

хаилом Керулларием, который проявлял слишком много самостоятельности, и царь желал от него отделаться. Пселл, по своему внутреннему убеждению, стоял на стороне патриарха и не одобрял церковной политики Исаака Комнина, выражавшейся в секуляризации церковных и монастырских имуществ и других произвольных действиях. Внутреннее убеждение не мешало ему держаться императора в его борьбе с патриархом. Столкновение кончилось насилием, совершенным главою государства над главою церкви. Явился отряд императорской гвардии, посадил его на мула и отправил в заточение на остров Приконнис. Царь желал оправдать насилие и придать незаконному поступку законную форму. С этой целью решили созвать собор, который должен был осудить Михаила Керуллария и лишить его сана, и на котором в качестве прокурора должен был выступить Пселл. Он изготовил длинную обвинительную речь, возмутительную по своей наглости и недобросовестности. Патриарх обвинялся в таких преступлениях, которых он никак не мог совершить, в ереси, в убийстве, в разрушении святыни и гробокапательстве. В свое оправдание знаменитый философ говорил, что всякий поступок может быть истолкован в обе стороны, хорошую и худую; поэтому того же самого деятеля можно, смотря по обстоятельствам, и хвалить и бранить.

Процарствовав всего два года Исаак Комнин (1057—1059 г.) отрекся от престола и удивительным образом назначил своим сопровителем не родственника, а постороннего человека Константина Дуку. Эпизод этот остается для нас темным, но можно сказать с уверенностью, что против Комнина была направлена злостная интрига, главным руководителем которой был Михаил Пселл. Новый император числился другом Пселла, и в

его царствование он процветал. Пселл был назначен воспитателем царского сына Михаила и стал во дворце своим человеком. После смерти Константина Дуки, Пселл принял деятельное участие в антипатриотической интриге, направленной против Романа Диогена, о чем речь была выше в главе о царицах. Когда Андроник Дука совершил гнусное дело и дал возможность туркам разбить византийское войско, Пселл написал изменнику Андронику поздравительное письмо.

Михаил Пселл настоящий тип преуспевающего византийца. Он служил при девяти императорах, все возвышался в чинах, приобретал все более влиятельное положение. Нужно было обладать особенным искусством, чтобы держаться при самых разнообразных режимах, чтобы одинаково нравиться легкомысленному, преданному чувственным наслаждениям Мономаху, противнику духовенства суровому солдату Комнину и защитнику монахов набожному Дуке. Надо было угодить всем, и Пселл обладал в высшей степени талантом угождать. Талант этот заключался в уменьи льстить и одинаково убедительно говорить за и против, он преклонялся пред всяким венценосцем, кто бы он ни был, какова бы ни была его нравственность. Монарха Пселл называл Богом и сам сознавал, что говорит неправду. Но царь мог стереть его с лица земли. А монах Михаил, отказавшийся от всего земного, дорожил всего более благами земными. И своей жизнью он доказал, что сановнику выгодно не иметь своего мнения и плыть по течению.

V. Помещики.

Земля в Византийской империи принадлежала монастырям, помещикам и крестьянам. Крупные имения не представляли редкости, но помещики не составляли родовой земельной аристократии. На византийском языке крупные землевладельцы назывались людьми сильными, выражение чрезвычайно характерное. Они были сильны не только богатством, но и служебным положением и столичными связями. Землевладельцы были по большей части сановниками, находившимися на действительной службе или отставными. Чтобы сделаться крупным помещиком, не надо было принадлежать к родовой знати. При удаче и крестьянин мог приобрести большой участок земли.

Помещики, особенно те, которые жили далеко от столицы, имели в своем распоряжении значительную силу. Они вооружали иногда своих многочисленных рабов, содержали свое частное войско, которое в случае восстания могло сделаться опасным для центральной власти. Императору Василию II пришлось несколько лет подавлять восстание, в котором принимали участие крупные землевладельцы. Поэтому он сделался их беспощадным врагом и поступал с ними крайне деспотически. Возвращаясь в 995 г. из похода в Сирию, царь Василий остановился по дороге у богатого помещика Евстафия Малеина, который раньше был замешан в вос-

стании, но не попался. Царь с удивлением увидел громадную усадьбу, похожую на крепость, и поразился роскошью домашней обстановки. Малеин мог выставить военный отряд в несколько тысяч человек, образованный из его рабов и крепостных. Царь подумал, что помещик, располагающий значительной военной силой и очень влиятельный среди соседей, в состоянии поднять бунт не менее опасный, чем недавно подавленное им восстание. После таких размышлений император принял решительные меры. Он потребовал, чтобы Малеин сопровождал его в столицу, и там помещику пришлось остаться навсегда. Его громадные имения в Каппадокии были конфискованы.

Помещики обогащались за счет казны и за счет крестьян. Цари раздавали земли своим приближенным, а кроме того помещики старались опутывать крестьян, пользуясь их нуждой особенно в неурожайные годы. Жадность к стяжанию, своекорыстие, бессовестная готовность на всякий обман и беззаконную проделку составляли основные свойства сильных помещиков по свидетельству византийских царей, выразивших такое мнение в своих указах. В 927 г., например, случилась зима совершенно необычайная для византийской империи; по рассказу летописца, земля в продолжение 120 дней оставалась превращенной в лед. Естественным следствием явился неурожай, затем наступил страшный голод. К этому бедствию прибавилась чума, истреблявшая людей в таком множестве, что живые не успевали хоронить мертвых. Голод и эпидемия свирепствовали несколько лет. В это бедственное для народа время многие помещики воспользовались отчаянным положением крестьян. По самой ничтожной цене, за небольшое количество хлеба, скупали они у бедных их земельные участки. Таким путем помещики вторгались в свобод-

ную крестьянскую общину и разлагали ее. Обезземеленным крестьянам предоставлялось на выбор или умереть с голоду или остаться на своем прежнем наделе, но уже на других условиях, именно не в качестве свободного земледельца, а в качестве крепостного.

Зная несколько общих фактов, мы лишены возможности нарисовать подробную картину помещичьего быта, до нас дошло слишком мало сведений подобного рода, и византийские писатели не считали нужным описывать сельскую жизнь. Некоторые сведения можно почерпнуть из писцовых книг, которых дошло до нас немного и которые не отличаются полнотой. Возможно представить некоторое описание имения, подаренного во второй половине XI века императором Михаилом Дукой его двоюродному брату Андронику Дуке. Оно состояло из нескольких участков и в общем заключало в себе 7300 модиев, т. е. 588 десятин, пахотной земли. Помещик жил в усадьбе, называвшейся Варис. В его распоряжении имелся обширный барский дом с куполообразным потолком, опиравшимся на четыре колонны. Тут находилась поместительная зала. Вокруг дома шла некрытая терраса. Полы в доме и на террасе были устланы мрамором. Рядом с домом стояла большая баня, местами тоже покрытая мрамором. В усадьбе могли находиться разные хозяйственные постройки, напр. амбар, состоявший из двух отделений, подвала, куда складывали припасы, подверженные порче, и верхнего помещения, куда складывали хлеб, отдельные здания предназначались для ссыпки зерна, для соломы и мякины. Были конечно конюшни, хлевы для скота и дома для рабочих.

Усадьба немыслима была без церкви. В Варисе стояла большая церковь с куполом, покоившимся на 8 колоннах с хором и мраморным полом. В ней стояли три

медных креста, висели 6 больших икон и 7 маленьких, все в золотых ризах, 28 паникадил. Священные сосуды были медные. В церкви хранились книги, употреблявшиеся во время богослужения, два Евангелия, Октоих, Пророки, Апостол, Триодь.

Имение, подаренное Андронику Дуке, было достаточно выгодным. Хозяйничать в нем было нетрудно, потому что оно лежало в плодородной местности, недалеко от Милета (в Малой Азии). Там имелось не только поле, но и достаточное количество лугов и даже небольшие леса. Две реки обильно орошали почву, и в рабочих руках недостатка не ощущалось. Хозяйство велось двояким способом. Небольшую часть пахоти помещик засевал сам (меньше одной $^1/_{17}$, 35 десятин из 588), главная же часть сдавалась в аренду соседнему монастырю и преимущественно крепостным. К усадебному имению Варису приписано было 14 крепостных крестьянских дворов, а к остальным участкам 34. Эти крестьянские семейства обрабатывали землю помещика и платили ему довольно высокую аренду, именно 7 рублей за десятину. Всего дохода со своего имения Андроник Дука получал не менее 836 золотых номизм (4185 руб.). Но это был только маленький дополнительный дар, сделанный императором родственнику, случайно ставший нам известным. Раньше ему же был отведен целый Милетский округ.

Случайно имеем мы некоторое представление и о другом помещике, жившем несколько раньше Андроника Дуки. Звали его Евстафием Воилой, и в 1059 г. он написал завещание, сохранившееся в одной парижской рукописи. Этот любопытный документ начинается такими словами: Во имя Отца и Сына и Святого Духа, я, Евстафий, протоспафарий при Золотой Палате (придворное звание, Золотая Палата находилась в так называе-

мом Большом Дворце, где жил царь) и ипат (чин), делаю настоящее завещание по доброй воле и непременному своему желанию. Завещатель оставил свое имение двум дочерям, за неимением другого потомства. У него было первоначально трое детей, но сын Роман умер в младенческом возрасте на третьем году жизни. Жену он также похоронил чрез три года после сына, оставались у него две замужние дочери Ирина и Мария.

Воила переселился из своей родины, Каппадокийской провинции, в Антиохийскую провинцию, в невозделанную местность, где скрывались змеи, скорпионы и дикие звери. В имении, называвшемся Салим, он построил усадьбу и храм во имя Богородицы, оросил бесплодную землю, поднял новь, насадил сады и виноградники, устроил водяные мельницы, завел домашний скот. Впоследствии Воила расширил свои владения, но части имений лишился, благодаря злоупотреблениям местной администрации. Имения Офидовуна и Кузнерия с участком Кальнухи потребовал себе губернатор Антиохийской провинции, а имение Варта Воила должен был продать одному высокопоставленному лицу Василию, имевшему значительный чин магистра. Этим важным особам—губернатору, его жене и Василию помещик роздал в долг 1800 номизм (свыше 10 тысяч рублей). Они выдали письменные долговые обязательства, но денег не уплатили.

В приданое дочерям своим Воила назначил по 30 фунтов (2160 номизм, 12052 рубля) каждой. Старшая дочь Ирина получила эту сумму деньгами, тканями и скотом, но не сполна. В виду этого ей завещано самое крупное имение Салим. Второй дочери Марии при выходе замуж было выдано денег, вещей и скота на сумму 10 литр (фунтов). Чтобы и она получила, как сестра,

30 литр, отец завещал ей половину имения Вузина, которое он оценивал не дешевле 40 литр.

Другую половину имения Вузина Воила завещал выстроенной им церкви Богородицы, чтобы обеспечить духовенство. Священникам и диаконам определено было жалованье из доходов имения по 26 номизм (155 руб.) в год, на освещение храма должно было итти 12 номизм (67 руб.). Помещик сделал и другое пожертвование для спасения души. На кладбище, где покоились мать, жена и сын Евстафия Воилы и где должны были положить и его, стояла церковь во имя священномученицы Варвары. Этому храму он завещал на помин души по 12 номизм в год. Церкви Богородицы Воила пожертвовал 70 икон, из них 8 позолоченных, священные сосуды, облачения, а также всю свою библиотеку с тем условием, чтобы его дочери имели право ей пользоваться. В помещичьей библиотеке значилась одна редкость, драгоценное или лучше бесценное сокровище, как выражается завещатель, Евангелие писанное сплошь золотыми буквами с золотыми изображениями четырех евангелистов с 89 миниатюрами. Библиотека Воилы состояла более чем из 50 книг, главным образом, богослужебных, Священного Писания, отцов церкви, житий святых, но имелись также исторические сочинения и даже роман Ахилла Тация. Из этого видно, что некоторые помещики интересовались литературой и не жалели средств на приобретение книг. Так как Воила имел придворное звание, он несомненно часть года проживал в Константинополе, и в столичных монастырях он по всей вероятности покупал или заказывал рукописи. Но, как видно, он очень дорожил литературными произведениями, отправлял их в свое имение и там читал их в минуты досуга. Воила вообще дорожил просвещением, это видно из одной оговорки в его завеща-

нии. Сказано, что дочери Воилы имеют право пользоваться пожертвованной им библиотекой для чтения, пения и учения. Следовательно, в деревенской церкви, Богородицы существовал хор, которому нужны были некоторые книги, упомянутые в завещании, предназначенные для церковного песнопения и снабженные музыкальными значками. Надо думать, что при той же церкви имелась школа или, по крайней мере, дочери помещика занимались преподаванием и кого-то обучали.

Воила, который был личностью не заурядной, выказал свое доброе сердце и исправил великую несправедливость того времени. У него были домашние рабы и он дал им свободу, так что они приобрели все гражданские права. Помещик отвел им в полную собственность участки земли. К ним принадлежал Кириак, служитель, выросший с Воилой и всегда сопровождавший его в путешествии. Воила женил Кириака на свободной девушке, сестре монаха и священника Климента; а сын его Константин впоследствии также получил духовное звание и был причислен к причту местной церкви. Своему любимому служителю помещик назначил пожизненную пенсию в 25 номизм (140 руб.) и по завещанию оставил ему 35 номизм (195 руб.). Некоторым другим освобожденным рабам Воила также завещал пенсии, некоторым он дал образование и сделал их священнослужителями и церковнослужителями своей церкви. Так напр., освобожденный раб Григорий превратился в диакона церкви Богородицы, получал жалованье, хлеб натурою и мог сверх того зарабатывать деньги перепиской рукописей. Помещик заботился и о домашней жизни своих рабов. Силигнию он выдал замуж за раба Апосфария, которого тоже освободил по этому случаю и назначил в услужение дочери своей Марии. Иногда помещиком руководило не одно человеколюбие, в уничто-

жение рабства по отношению к отдельным лицам видел он богоугодное дело, Григория и жену его Феодору он освободил во спасение души жены своей Анны, в память сына Романа Воила дает свободу рабу Мусесу и отцу его Гарипию. Он упоминает между прочим, что освобождает от неволи Зою, купленную им за 400 номизм (2232 руб.). Тут, вероятно, вкралась в рукопись описка, такой громадный суммы помещик заплатить не мог; скорее надо читать 40 вместо 400. В византийском своде законов определена цена на рабов. Раб или раба, не знавшие никакого ремесла, оценивались в 20 номизм (112 руб.), когда им было больше 10 лет, и в 10 номизм дети. Обученные какому-нибудь ремеслу или искусству, за исключением писца и врача, стоили 30 номизм. Цена писца установлена в 50 номизм (280 руб.), врача в 60 номизм (336 руб.).

В завещании Воилы выясняются некоторые его взгляды. Передавая имения дочерям, он в то же время не доверял их хозяйственным способностям и управление имениями предоставлял их мужьям, считая это не женским делом. Дочерям вменяет он в обязанность заботу о церкви и церковных обрядах. Они должны были праздновать все дни посвященные Богородице, служить панихиды 5 ноября в день памяти родителей Воилы, 26 сентября в день памяти его жены, в день его смерти, соблюдать три поста (великий, петровский и рождественский) и поститься по средам и пятницам.

Главным источником помещичьего благосостояния служили крепостные, рабский труд еще в римскую эпоху оказался невыгодным, из под палки плохо работали. Поэтому в римской империи сочли полезным перевести сельских рабов на другое положение. Их наделили землею, заставили работать на хозяина, но частью и на себя, поэтому лениться было не в их интересах. Эти

люди, приобретшие некоторую свободу по сравнению с рабами, составляли первую категорию крепостных. Вторая образовалась из крестьян лично свободных, но потерявших землю вследствие неблагоприятных условий, вынужденных ограничиваться теми участками, которые помещики предоставляли им в пользование и не имевших право их покидать. Барщина, существовавшая в Византии, как и на Руси, не была повидимому особенно обременительна. О монастырских крестьянах мы знаем, что они обязаны были работать на монастырь всего 12 дней в год. Тяжесть крепостного состояния заключалась в том, что крепостные были вдвойне обложены и в пользу помещика и в пользу казны.

VI. Ремесленники.

Само собою разумеется, что Византия не знала фабрик и что в ней преобладало кустарное производство, фабрики с толпой рабочих явление нового времени. Ремесленники об'единялись в Риме в отдельные союзы, сообразно своей специальности и пользовались некоторым самоуправлением, заведывали своими капиталами и выбирали должностных лиц. По названию ремесленные корпорации продолжали существовать в Византии, но они лишены были самостоятельности и взяты под надзор полиции. Византийское правительство, проникнутое бюрократическим духом, не терпело самодеятельности общества. Очень знаменательно, что сведения о константинопольских ремесленниках и торговцах сохранились в книге эпарха. Эпархом назывался константинопольский градоначальник, особа чрезвычайно важная и по своему официальному положению и по своей власти. В ведении градоначальника находилась обширная канцелярия, он пользовался правом суда и административного распоряжения. Он мог сажать в тюрьму людей, по его мнению провинившихся, мог подвергнуть их полицейскому взысканию и выслать из города. Смотритель тюрьмы и целый штат полицейских чинов были подчинены эпарху. На нем лежала ответственность за общественную безопасность в столице. В круг его обязанностей входило наблюдение за чистотой города и

его благоустройством, украшение улиц коврами, зеленью и цветами во время торжественных выходов царя. Суду эпарха подлежали все политические дела, заговоры на жизнь монарха, попытки произвести государственный переворот, уличные беспорядки. Важное положение градоначальника обрисовано в следующем рассказе. Император Юстин жаловался, что все его старания поставить правосудие на должную высоту не приводят ни к какому результату из за алчности и подкупности чиновников, что ему надоело принимать карательные меры и он желает отказаться от власти. Тогда один сановник сказал ему: Царь, назначь меня эпархом, разреши никому не давать пощады и позволь мне во всякое время приходить к тебе с докладом, я уверяю, что чрез месяц исчезнут и обидчики и обиженные. Этот сановник доказал свое рвение на деле, и царь назначил его несменяемым градоначальником.

Эпарх заведывал торговыми и промышленными заведениями и ремесленными корпорациями, к которым причислены были и нотариусы. Ремесло от торговли строго не отделялось. В некоторых мастерских и производили и продавали товар. К ним относятся ювелиры, кожевники, булочники, столяры. Но существовали и лавки, в которых только торговали ароматами, воском, мылом, мясом, рыбой, шелковыми тканями, приходившими с Востока. В мелочных лавках столичные жители могли найти соленую рыбу, муку, сыр, мед, оливковое масло, всякие овощи, смолу, коноплю, глиняную посуду, гвозди. Из благовонных товаров продавали перец, корицу, амбру, мускус, алоэ, ладон, мирру, иссон.

Ремесленники постоянно испытывали на себе благое попечение полицейской власти. Всякий был прикован к избранному им занятию. Под страхом наказания плетьми и конфискации имущества запрещалось заниматься двумя

различными ремеслами и торговать одновременно, напр., благовонным товаром и мелочным. Поэтому ремесленникам и торговцам воспрещалось покупать предметы, не нужные для их производства и их отрасли торговли. В книге эпарха сказано: разрешается ювелирам покупать золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни, запрещается им приобретать медь, льняные ткани и вообще тот товар, право торговать которым принадлежит другим корпорациям, а не корпорации ювелиров. Торговцы шелковыми платьями не имели право покупать какие-нибудь другие одеяния, кроме шелковых. Мясникам запрещено было закупать свиней, потому что продажа свинины считалась отдельной отраслью торговли. На том же основании ремесленникам воспрещалось обучать своему ремеслу лиц не входивших в их корпорацию.

А чтобы вступить в ремесленную корпорацию требовалось разрешение градоначальника, для получения которого надо было представить доказательство честности и добросовестности. Желавшие быть зачисленными в корпорацию менял, должны были представить ручательство почтенных и честных людей, что они не будут нарушать действующих постановлений, не станут, напр., подделывать монет. Чтобы быть принятым в корпорацию торговцев шелковыми платьями, поставлено было такое условие: пять членов корпорации должны были засвидетельствовать перед эпархом, что кандидат достоин заниматься избираемым им делом. Со вступающего взыскивался известный взнос в пользу корпорации, иногда и в пользу казны. Зачисленный в торговцы шелковыми платьями уплачивал в пользу корпорации 6 номизм (33 рубля), мыловар должен был внести в казну 12 номизм (66 рублей). Во главе корпорации стоял начальник, назначавшийся эпархом. Послед-

нему предоставлено было и право исключать ремесленника из его корпорации. В отделе о производивших шелковые изделия говорится: кто окажется болтуном, сплетником, обманщиком, беспокойным человеком, затевающим ссоры, должен быть с позором и с побоями изгнан из корпорации.

Ремесленное производство подвергалось разным полицейским стеснениям. Отводилось даже определенное место для работы. Ювелирам, напр., запрещено было заниматься своим делом на своих частных квартирах и приказано работать исключительно в мастерских, находившихся на Средней улице. Эта длинная улица, представлявшая главную торговую артерию Константинополя, шла от западной части города, от Большого Дворца, к юго-восточным Золотым воротам. Ювелиры не имели права закупать больше фунта золота, свечникам запрещено подмешивать к воску сало и приказано выделывать восковые свечи определенной толщины и длины.

Ремесленникам предоставлялось продавать свои изделия, но торговля была стеснена очень мелочной регламентацией. Для каждой отрасли отводили определенное место и нельзя было открыть лавку, где угодно. Восточным товаром разрешалось торговать исключительно на рынке, называвшемся Эмволом. Ткачи не пользовались правом продавать свои изделия в мастерских или на улице на прилавках, а в рыночные дни должны были разносить товар на спине. Для благовонных товаров обязательно было расставлять столы по близости от дворца, чтобы туда доходил запах ароматов. Торговля баранами производилась до великого поста на площади Стратигия, а ягнятами от Пасхи до Троицына дня на площади Тавра. Баранов и ягнят по приказанию градоначальника пересчитывали и на них на-

кладывали клеймо, потому что за право торговать этими животными взимался известный сбор. Торговать лошадьми позволено было только на Амастрианской площади. Свиней приводили из провинции на площадь Тавра, и тут их должны были закупать для перепродажи столичные торговцы. Запрещалось выходить из города на встречу к провинциальным торговцам и закупать свиней тайком в другой части города. Предписание это имело целью поставить в одинаковые условия членов корпорации. Закупив товар за городом или тайком по более дешевой цене, товарищи могли нанести ущерб друг другу, на площади же устанавливалась однообразная цена.

Полицейский устав ограничивал барыши. Если придется, говорится в книге эпарха, богатому торговцу шелком-сырцом перепродать товар, закупленный у провинциалов, более бедным лицам, он не имеет права брать более милиарисия (серебрянная монета в $^1/_{12}$ золотой) с номизмы, т. е., более $8^1/_3$ процентов. Под бедными лицами подразумевали ремесленников, обделывавших сырец и не имевших возможности купить его из первых рук. Мелочным торговцам разрешен был барыш в 17 проц. Рыбным торговцам запрещено было перепродавать рыбу дороже $8^1/_3$ проц., и полицейские чиновники должны были следить за тем, по какой цене куплена рыба торговцами у рыболовов. Булочники закупали зерно и сами мололи его, поэтому им позволяли продавать хлеб на 21% дороже против покупной цены зерна. Когда привозили вино в Константинополь, начальник корпорации трактирщиков обязан был довести об этом до сведения эпарха, который, сообразно с покупной ценой, устанавливал цену, по какой трактирщики имели право продавать вино; установлена была и такса на мясо. Кроме законной прибыли, в пользу мясников

шла голова, ноги и внутренности; сверх того, они извлекали, конечно, доход из сала и шкуры. Болгары привозили в Константинополь лен и мед и обменивали их на другие товары. К ним должны были отправляться ткачи и представители тех корпораций, которые могли поставлять вещи нужные Болгарии. Члены корпораций участвовавших в меновом торге, могли оставить себе, нужное им, количество льна и меда, остальное же обязаны были продать ткачам и мелочным торговцам, взяв себе 8 1/3 проц. барыша.

Византийское правительство установило одно ограничение, которое могло повести к самым нежелательным результатам. Запрещалось делать чрезмерные запасы. Предполагали, что запасы будут скрывать и, в случае обнаружившагося на рынке недостатка в каком-нибудь товаре, выпускать эти товары по значительно повышенной цене. Если это предписание действительно соблюдалось, в византийской столице мог наступить голод, когда подвоз продовольствия почему-нибудь задерживался, а у местных торговцев не было в запасе предметов первой необходимости. Мероприятие это имело всетаки некоторое основание и в нормальное время не наносило ущерба торговле. Но существовали и такие полицейские распоряжения, от которых византийское купечество очень страдало. Купцам, являвшимся из провинции, запрещалось жить в Константинополе дольше трех месяцев; в течение этого срока они обязаны были распродать свой товар под страхом конфискации, наказания плетьми и высылки из столицы. Тем, кто не успевал в назначенный срок продать товар по выгодной цене, приходилось или увозить его обратно, или сбывать за бесценок.

Очень вероятно, что некоторые стеснительные требования оставались на бумаге и, что византийские купцы

извлекали прибыль гораздо больше той, какая полагалась им по закону. Полицейские предписания отличались иногда такой наивностью, что, конечно, не исполнялись. Торговцы обязаны были привести лошадей на рынок и указать покупателю все их явные и скрытые пороки. В течение шести месяцев человек приобретший лошадь имел право заставить продавца взять ее обратно, когда у нее обнаруживался какой-нибудь скрытый недостаток. Посредниками между продавцами и покупателями служили особые лица, называвшиеся вофрами, они приходили на рынок и рекомендовали лошадей, получая с каждой проданной штуки по каратисо (серебрянной монете в 23 коп.). Им-то вменялось в обязанность сообщать покупателю все недостатки лошадей, и за обман покупателя посреднику грозили штрафом, равным цене проданной лошади.

Ремесленные корпорации были обложены своеобразной натуральной повинностью. Они обязаны были помогать полиции. Провинциал, предлагавший купить золото или драгоценные вещи, должен был об'яснить, откуда они взялись у него, а начальник корпорации ювелиров обязан был следить за ним. Всем ремесленникам вменялось в обязанность доносить на лиц, замеченных в недобросовестности или неисполнении закона. В чисто византийском духе были наказания, какие находим мы в книге эпарха. В западной Европе за нарушение ремесленного устава виновные приговаривались к штрафам деньгами или воском (в пользу церкви), к уничтожению товара (в случае его недоброкачественности), к запрещению заниматься ремеслом в течение более или менее долгого срока, в редких случаях к телесному наказанию. В Византии слабою карою считался штраф, доходивший до фунта золота (402 руб.), самым обыкновенным наказанием было сечение плетьми, а также

конфискация имущества и исключение из корпорации. Порка и штраф полагались напр. ювелиру за то, что он купил больше фунта золота. Очень суровое наказание назначено было за проступки, с нашей точки зрения незначительные. Наказание плетьми и конфискация имущества полагались в следующих случаях: если кто занимается двумя ремеслами сразу, если кто путем интриги возвысит наемную плату за помещение товарища, если провинциальный торговец пробудет в столице дольше трех месяцев. Сечение и запрещение заниматься ремеслом назначалось, когда фабриканты шелковых тканей покупали сырец не у столичных торговцев, а у провинциальных, когда ткачи продавали товар в мастерских, а не разносили его на спине, когда занимались изготовлением мыла постом (мыло, как известно вырабатывается из сала, которого нельзя было касаться в постные дни).

Торговля и промышленность находились под бдительным надзором полиции. Помощник градоначальника, так называемый легатарий, обязан был знать поименно всех торговцев, прибывавших в Константинополь, с каким бы товаром и откуда бы они не приходили. Списки этих лиц представлялись эпарху. Легатарий осматривал привезенный товар и сообщал торговцам условия, на которых они могут продать его. Затем он назначал им время, какое они могут прожить в столице и по прошествии этого срока приводил торговцев к эпарху и представлял ему счет закупленного ими товара, чтобы они не могли увезти вещей, запрещенных к вывозу. У градоначальника хранились списки всех членов ремесленных корпораций. Подчиненные ему чиновники имели право входить, во всякое время, в мастерския и магазины, проверять весы, количество и качество товара.

В каком виде представляется нам промышленный и торговый Константинополь? Это царство монополии, привилегий и протекционизма, по справедливому замечанию одного французского ученого. Правительство во все вмешивается, все контролирует, все регламентирует. Из истории Византии мы знаем, каковы были экономические и политические последствия режима, убивавшего в великой армии трудового люда всякую свободу и личное достоинство. Известно, какая судьба постигла Константинополь, первый город в мире, где соединялась Азия с Европой, античная цивилизация с христианской. Различные ветви ее промышленности, которую так ревниво охраняли, перекачевывали постепенно на запад, торговля все падала и падала; все больше изсякала ее богатство и ослаблялась сила сопротивления врагам, пока не наступила окончательная катастрофа.

VII. Литература.

Современный писатель может подумать, что историк, изучающий византийскую культуру, должен, прежде всего, заняться романом. В беллетристике нетрудно найти множество бытовых черт и картинок тогдашних нравов, о чем совершенно умалчивают летописцы. К сожалению, это не так. Византийская беллетристика скудна не только количеством, но и содержанием—она вращается в фантастической обстановке и не отражает современной жизни, потому что подражает древним образцам.

Примером византийского романа может служить История Исмины и Исминия, написанная в XII веке некиим Евмафием. Рассказ ведется от лица героя, Исминия. Сказав о славе и благочестии своего родного города Эврикама, он переходит к изложению событий. Во время празднества в честь Зевса из Эврикама посылали вестников по разным местностям, и в тот год вестником в город Авликом был назначен Исминий. Когда он прибыл к месту назначения, все знатнейшие граждане города наперерыв старались затащить его к себе, но всех соперников в этом отношении победил Сосфен, и Исминий остановился у него. Дом и сад при доме отличались великолепием. Во время ужина дочь хозяина, Исмина, разносит вино и всякий раз, когда очередь доходит до Исминия, она старается дать ему заметить, что он ей

нравится, то шепнет ему что-нибудь, то надавит ногу своей ногой. Поднося ему вино в третий раз, она не выпускает из рук кубка. Исминий громко спрашивает: что это значит? Отец и мать покосились на нее, когда Исминий пошел в спальню, и Исмина по обычаю мыла ему ноги, она прижимала их, целовала потихоньку и щекотала. Исминий засмеялся, когда он, по уходе Исмины, рассказал все это своему другу, тот назвал его счастливцем, так как он возбудил любовь в такой прелестной девушке; но Исминий не находит в этом ничего хорошего; он не понимает, что такое значит любовь. На следующее утро Исминий со своим другом идут в сад и рассматривают картины, нарисованные на стенах. На одной изображены четыре девы, представляющие: благоразумие, умеренность, добродетель и правосудие. На другой картине представлен Эрот, которому повинуется все живущее на земле. О если бы я никогда не узнал его, воскликнул Исминий. За ужином Исмина оказывает разные любезности герою. В ту же ночь Исминий видит сон; ему является Эрот и требует его к себе на суд, так как он пренебрегает его силой и оскорбляет достойную любви Исмину. Пощади царь! говорит герой, падая к его ногам. Исмина присоединяет к его мольбам свои, обещая Эроту покорить его со временем. Исминий просыпается испуганный и об'являет своему другу, что в его сердце Эрот победил Зевеса, вестником которого он явился в город Авликом. После этого Исминий долго не может заснуть, наконец засыпает с трудом и во сне целуется с Исминой. Проснувшись окончательно, он вместе со своим другом Кратисфеном опять отправляется в сад и молится Эроту, ставшему теперь его господином. Кратисфен уговаривает его умерить свою любовь и напоминает ему о родителях. За ужином Исминий не может оторвать глаз от

Исмины и мыслей от Эрота. Принимая кубок от Исмины, он оказывает ей те же любезности, какие она ему оказывала, потихоньку пожимает ей руку и ногу.

Сосфен, прощаясь с ним, об'являет, что завтра они отправятся в Эвриком. Исминию это далеко не по сердцу. В саду он встречает Исмину. Здравствуй, говорит он, и привлекает ее к себе, взяв за платье. Она молчит. Но когда он хочет поцеловать ее, она говорит: что тебе за удовольствие целовать меня? В поцелуе есть особая прелесть, отвечает он. Вчера, говорит она улыбаясь, ты напускал на себя девическую стыдливость, а теперь просишь любви. Молча взял он ее за руку, поцеловал и заплакал. Отчего ты плачешь? спрашивает девушка.— Твой отец Сосфен приказал мне завтра отправляться в Эвриком. И мне также говорит Исмина и убегает с этими словами. Исминий и Кратисфен рассматривают в саду изображение 12 месяцев, потом возвращаются к себе в комнату, но едва они успели лечь, как Исминий услыхал в саду шум, он бросился в сад и видит Исмину. Отбросив всякую стыдливость, он обнимает девушку, прижимает к себе, целует все части ее тела, обвивает ее, как плющ кипарис. Она также целует его и по нечаянности кусает ему губу. Тебе больно теперь, говорит она, также больно было и мне, когда ты не хотел заметить моей любви. Начинается борьба между стыдливостью и любовью. Герой был близок к победе, а любовь одолевала уже стыдливость. Но вдруг, когда все должно было совершиться, кто-то вышел из дому и стал звать Исмину. Влюбленные испугались и поспешили разойтись. Эту ночь герой спал плохо; он боялся, что родители Исмины обратили внимание на его поведение и всю ночь видел сны, то приятные, то страшные. По утру к нему вошел Сосфен и об'явил, что народ намерен проводить с честью вестника Зевеса. После проводов и не-

долгого путешествия, Исминий торжественно вступает в родной город, ведя за собой гостей, Сосфена, его жену и дочь. Во время пира, который дает его отец, Исминию пришлось возлежать против Исмины, принимая от нея кубок, он всякий раз целовал тот край, до которого касались ее губы.

Затем родители Исминия с гостями из Авликома пошли в храм приносить жертву Зевесу, так что дома осталась одна Исмина, Исминий пробрался в спальню девицы и нашел ее спящей. Он поцеловал ее, она проснулась и закричала: о ужас! Не бойся, сказал герой, это я, Исминий, и вторично поцеловал ее. Она спросила, где родители? Они пошли приносить жертву Зевесу, ответил он, почему бы и нам не принести в жертву Эроту нашу стыдливость и нас самих? При этом он начал страстно целовать ее прямо в губы. Она, как подобает девице, старалась уклоняться от поцелуев и возвращала их украдкой. Исминий крепко держал ее в своих об'ятиях. После множества поцелуев он захотел наконец воспользоваться всем, что может дать любовь. Но тут девица воспротивилась и со слезами сказала: „Исминий, пощади мою девственность, не срезай колоса раньше времени, не срывай незрелого винограда, чтобы вместо нектора тебе не попал в рот уксус. Ты срежешь колос, но тогда, когда он поспеет, ты сорвешь виноград, но когда он созреет. Я всегда буду любить тебя. Но какая тебе прибыль от того, что ты лишишь меня невинности? Я пришла в Эвриком девицей; что тебе за выгода, если я вернусь в Авликом не девицей? Я люблю тебя, и любви своей не скрываю, но я не могу отдать тебе то, что у меня самое лучшее, для тебя же я хочу сохранить свою невинность".—Ради тебя, ответил Исминий я, променял служение Зевесу на Эрота; ты сделала меня из свободного рабом. Для меня теперь ничто и отец, и отечество,

и мать, и отцовское богатство, с тобой я хочу умереть. Исмина несколько успокоилась и, целуя своего возлюбленного в глаза, сказала ему: „Я даю тебе последний поцелуй, через три дня я вернусь с родителями в Авликом, ты же останешься в своем отечестве Эврикоме, и отец сосватает тебе другую девицу. Ты женишься и забудешь свою милую Исмину, я же никогда не забуду тебя и сохраню незапятнанной свою невинность, твоим поцелуям я не предпочту даже поцелуев Зевеса".—„Исмина, свет очей моих, ответил Исминий, я люблю тебя, я твой раб; я тоже сохраню чистоту, и никто не заставит меня жениться на другой".

На следующий день Сосфен приглашает всех присутствующих к себе в гости на предстоящую свадьбу дочери. Услышав это, Исминий лишился употребления языка, а Исмина, побелевшая как полотно, ушла в свою комнату под предлогом головной боли; ночью, когда старики опять ушли в храм, Исминий пробрался в комнату Исмины и говорит ей: если она действительно сделается женою другого, он не перенесет этого; в заключение он предложил ей бежать с ним. Исмина сейчас же вскочила с постели. Он насилу успокоил ее и упросил подождать, так как ничего не было готово для побега. Между тем, Сосфен и жена его Панглия приносили жертву за счастливый брак своей дочери. Вдруг с неба спустился огромный орел, похитил жертвенное мясо. Старик пришел в неописанный ужас, полагая, что дочери их угрожает смерть. Кратисфен об'ясняет влюбленным, что этот орел должен обозначать Исминия, которому Зевес приказал похитить Исмину, и обещает им свою деятельную помощь. Исмина старается убедить мать, что Зевес, очевидно, не желает ее брака. Между тем Кратисфен извещает влюбленных, что все готово для их бегства; готов корабль, отправляющийся

в эту ночь в Сирию, в Сирии живет у него приятель, и сам он готов им сопутствовать. Исминий, заснув на короткое время, видит Эрота, который ему из рук в руки передает Исмину. В ту же ночь все трое бегут на корабль. К утру поднимается противный ветер, вскоре превращающийся в бурю. Исмина проклинает свое бегство, но утешается тем, что умрет вместе с Исминием. Кормчий предлагает умилостивить бога морей Посейдона человеческой жертвой и бросить жребий. Жребий пал на Исмину. Несмотря на сопротивление героя, ее раздели и кинули в море. Наступила тишина. Корабельщики веселятся, но Исминий горюет так громко, что его высаживают на пустынный берег. Он жалуется на обманувшего его Эрота и утомленный слезами и горем засыпает. Во сне бог любви снова обещает ему свою помощь. Проснувшись Исминий видит, что его окружили эфиопы—морские разбойники. Они силою посадили его на весла и поехали грабить. Разграбив один город, они снова выехали в море и стали делить добычу. Молодых пленников они заставляли работать веслами, старых убивали, женщин насиловали, не трогали только девушек. Эфиопы приехали в город Артикому и там распродавали своих военнопленных.

В этом городе был источник Артемиды, перед которым стояла статуя богини с натянутым луком. Там испытывали целомудрие девушек следующим образом. Называвшую себя девою, с венком на голове бросали в этот источник. Если она говорила правду, то плавала спокойно; если же нет, то ей казалось, что Артемида готовится пустить в нее стрелу; чтобы спастись, она ныряла и венок уплывал. Когда варвары, упившись вином, заснули, греческие пленники рассуждали о том, как им избавиться от рабства. Но они не успели привести своих планов в исполнение, как явилось гре-

ческое войско и овладело кораблями эфиопов. Пленные, сделавшиеся теперь товарищами своих бывших господ, были распроданы, как военная добыча. Исминия купил один грек в городе Дофнополисе. Влюбившись в него, хозяйка старалась его прельстить, но он не платил ей взаимностью, помня Исмину. Во время праздника Дафны, его господин был выбран священным вестником в город Артиком. Так как он знал, что его новый раб исполнял когда-то должность вестника празднества, то и взял его с собой.

Они приходят в назначенный город. Их встречают там с таким же почетом, как когда-то встречали Исминия. Каждый считал для себя честью угощать вестника, но Сострад победил всех своих соперников. Празднество происходит в том же порядке, как праздник Зевса, описанный в начале романа, и это сопоставление прошлого с печальным настоящим особенно заставляет страдать героя. Гостям служит дочь хозяина, Родопа, нелишенная красоты, однако по сравнению с Исминой настоящая обезьяна. Когда она, после ужина, пошла в сопровождении служанок обмывать гостю ноги, Исминий среди ее спутниц заметил одну, которая показалась ему похожей на Исмину. Всю ночь не спал он и думал: может ли быть, чтобы это действительно была Исмина? На другой день за обедом он опять увидел эту служанку и опять ему показалось, что это она. Он заметил, что она пристально смотрит на него и что на глазах у нее навертываются слезы. Исминий сел под тенистый лавр и начал оплакивать свою судьбу. Тут подошла к нему одна служанка и сказала: Исминий, вот тебе письмо от девушки, которую ты любишь. Герой поспешно раскрыл письмо и прочел следующее: „Девица Исмина шлет привет возлюбленному Исминию. Исминий, знай, что твою Исмину спас дельфин и что

после испытания в источнике Артемиды она оказалась девой. Не забывай меня, понесшую из-за тебя столько печалей и ставшую теперь рабыней. Будь здоров и храни свою девственность".

Когда на следующий день его хозяин ушел в храм Артемиды, Исминий лежал в саду и плакал. К нему подошла Родопа и спросила, почему он горюет. Он начал рассказывать о своей жизни и упал в обморок. Его сейчас же подняли служанки Родопы и положили на кровать хозяина. Родопа села к нему на кровать и начала всячески выказывать ему свое сожаление. Наконец, отпустив всех служанок, кроме Исмины, она начала целовать его, Исмина стояла в стороне и плакала. Заметив это, Родопа спросила ее: что с тобой приключилось? — Этот юноша — мой брат, ответила Исмина и бросилась целовать своего возлюбленного. Исминий отвечал ей тем же, приговаривая: сестра Исмина! Радопа обняла его со словами: ты мне особенно дорог за нежную любовь, какую питаешь к сестре. В это время об'явили, что Сострат возвращается домой, и Родопа поспешно убежала в сад. Во время ужина господ, Исминию удалось поговорить со своей возлюбленной.—Тебя любит госпожа моя, Родопа, сказала Исмина, но ты, стремясь к свободе, не становись рабом Родопы; желая освободиться от рабства телесного, не впадай в рабство душевное. Не отвергай любви Исмины, если от несчастия лицо мое стало менее красиво, за то сохранилась красота невинности.—Исмина, ответил Исминий, я предпочитаю быть рабом с тобой, чем свободным, но связанным на вѣки с Родопой. Исмина, целуя его, сказала: это я даю тебе не свои поцелуи, а госпожи моей, Родопы, которая приказала мне поцеловать тебя.—Твои поцелуи, ответил он, я охотно принимаю, как бы ты меня не целовала.—Хоть ты ее и

не любишь, сказала девушка, но делай вид, что любишь, представься, что влюблен в нее. Пусть это будет только игрой, но игра эта может быть нам полезной, а мы можем открыто целоваться, потому что нас принимают за брата и сестру.

После ужина Исмина принесла герою письмо от Родопы, где та предлагала ему свободу и свою руку, даже с условием переселиться в его родной город.— Отвечай ей, как знаешь, и передавай ей мои поцелуи, говорит Исминий, обнимая свою возлюбленную. На другой день его господин возвращается к себе в город; его провожает Сострат со всем семейством и рабынями. Едва Исминий успел войти в дом, как хозяйка заключила его в свои об'ятия. Он освободился от них, когда пришел его господин. За ужином он и Исмина разносили вино, при чем хозяйка делала ему любезность, онъ — Исмине, а та отвечала ему с согласия и будто от имени Родопы.

Ночью господа отправляются в храм Аполлона приносить жертву. Герои сопровождают их в качестве любимых слуг. Там к удивлению они видят своих родителей, которые в горести прибегли к помощи бога и громко умоляют его возвратить им детей. В ответ опечаленным родителям, оракул приказывает детям броситься в их об'ятия. Все удивлены. Исминий и Исмина выходят из толпы и бросаются к ногам матерей. Отцы от радости пляшут вокруг жертвенника, герои надевают на голову венки. Но из толпы выходят их хозяева, срывают эти венки и тащат их к себе, как купленных военнопленных. За героев вступился жрец, об'явивший что грек не может иметь рабом грека, и именем бога приказал народу вступиться за несчастных. Под угрозой толпы, хозяева героев возвращают им свободу. Освобожденных героев и их родителей жрец пригласил

к себе на пир и от имени оракула поздравил героев женихом и невестой. На следующий день продолжалось празднество в храме. По просьбе жреца сначала Исминий рассказывает свои приключения, тщательно стараясь скрыть все, что могло бы бросить тень на Исмину, потом рассказ его дополняет Исмина. Ее спас дельфин (играющий видную роль в греческих сказаниях), а с его хребта свел ее на землю крылатый мальчик; потом ее взяли к себе проезжавшие мимо корабельщики, скоро попавшие в руки морских разбойников, которые продали ее Родопе. По окончании веселья все отправились в Артиком, и тут Исмина в присутствии народа еще раз подвергнута была испытанию целомудрия и ко всеобщей радости выдержала его со славою. В Авликоме, в доме Сосфена отпраздновали свадьбу. Роман кончается благодарностью всем, кто помогал богам и воззванием к читателям порадоваться вместе с героями.

С художественной стороны роман этот не выдерживает критики. Характер Исмины очерчен очень бледно, и ее наивная психология не может заинтересовать современного читателя. Исмина написана по известному шаблону, она очень похожа на героинь других старинных романов, которым подражал далеко не талантливый Евмафий. План романа, по справедливому замечанию проф. Кирпичникова, составлен очень небрежно, в первых трех книгах (всего 10 книг или частей) нет никакого внешнего движения. Больше других романистовъ Евмафий любит описания и детальностью их превосходит всякую меру; три главы заняты описанием Сосфенова сада, половина восьмой главы первой книги описывает, как наливали воду.

Несмотря на крупные недостатки, роман Евмафия пользовался некоторым успехом в XVI и XVII веках,

когда его перевели на языки итальянский, французский и немецкий. В 1769 г. появился и русский перевод, сделанный с французского под заглавием „Любовь Исмены и Исмениаса".

Византийцы писали романы не только прозой, но и ямбическими стихами. Образцом такого стихотворного романа может служить „Дросилла и Харикл", произведение Никиты Евгениана, писателя конца XII века. Содержание романа следующее.

На восходе солнца, во время праздника Диониса парфяне приблизились к городу Барзе с намерением захватить тех, кого найдут за воротами. Их план вполне удался. Между пленниками они захватили Харикла и Дросиллу и отвели их к себе. Дросилла делается рабой Хрисиллы, жены начальника парфян, а Харикл томится в тюрьме. Там знакомится он с товарищем по бедствию Клеандром, который рассказывает ему свою историю. Он был влюблен в Каллигону, переписывался с ней и уговорил бежать с ним; в Барзе попались они в руки парфянам, но Коллигона успела скрыться в миртовую рощу. Харикл рассказывает ему свою историю. Он родился во Фтии, во время праздника Диониса увидал Дросиллу и влюбился в нее. Узнав, что ее хотят выдать за другого, он уговорил ее бежать. По дороге они попались в руки пиратов, но счастливо освободились от них и спаслись в Барзу. Начальник парфян Кратил подарил Харикла своему сыну Клинию. Мать Клиния, Хрисилла, влюбилась в Харикла, а Клиний в Дросиллу, которую считал сестрой своего раба. Таким образом, герои попадают в запутанную интригу, Кратил умер отравленный женою, а герои поставлены в необходимость удовлетворить страсть Хрисиллы и Клиния, но их спасает война; Арабский царь Хаг нападает на столицу парфян. Клиний убит при взятии го-

рода, Хрисилла покончила самоубийством. Герои и Клеандр попадают в плен к арабам. На пути ветвь вяза сорвала Дросиллу с повозки и бросила в море, так что все считали ее погибшей, Харикл громко выражает свое отчаяние. Арабский царь сжалился над ним и отпустил его вместе с Клеандром на волю. Странствуя они пришли случайно въ ту же деревню, где скрывалась спасшаяся Дросилла. Там ее преследовал своей любовью и длинными речами некто Каллидем. Вещие сны обещают героям скорое свидание. Наконец они встретились в доме доброй старухи, приютившей Харикла и отправились в Барзу, где их нашел отец. По приезде домой они повенчались, а Клеандр умер с горя, узнав о смерти Каллигоны.

Автор этого романа, Никита Евгениан, писатель не самостоятельный, он подражает древним и нагромождает всякие невероятности. Полнейшее отсутствие вкуса заводит его в дебри нелепости. „Много на свете прекрасных вещей, думает герой, но нет ничего прекраснее девушки, когда она просыпается в полдень, покрытая каплями пота".

Как видно в византийском романе почти совсем нет византийского быта. Авликом и Эвриком — города, никогда не существовавшие. Действующие лица не христиане, а язычники, потому что византийские писатели слепо подражали древнему языческому роману, и у них не хватало таланта внести в роман что-нибудь оригинальное. „Византийцы, в роде Евмафия и Никиты Евгениана, — говорит лучший знаток средневековой литературы, Ал-др Н. Веселовский, — поняли своих предшественников с наименее существенной их стороны, со стороны fiction. Они в сотый раз пересказывали их сюжеты, разнообразя их новыми именами и сочинениями излюбленных положений. Нового в пони-

мании жизни, что именно составляет вклад старо-греческого романа въ общее развитие, они ничего не внесли: тоже изображение, непонимание любви, обставленное той же, несколько загрубевшей риторикой. Реальные черты встречаются очень редко. В романе Евгениана это только комическая фигура старухи, представляющей верх грубости и безобразия. Она напивается, пляшет непристойную пляску и этим потешает присутствующих.

„Византийским романистам, по словам Веселовского, существенным представлялся внешний элемент фикции, баснословия, в формы которого укладывались старые полупьяные идеалы. Иначе было на западе. Там является рыцарский роман, роман приключений с сюжетами народных сказок и преданий, но с идеальным содержанием, тогда же назревшим в общественном и личном развитии. Старые сказочные схемы одухотворились новыми веяниями. Оттуда жизненность этого литературного рода, часто применявшагося к движениям истории. Византийский роман захирел вследствие архаичности своего идеального содержания, которому в жизни отвечало лишь немногое. Не спасла его и стихотворная форма, в которую он начинает облекаться в противоположность прозе древнего романа".

Скудна была византийская беллетристика и по содержанию и по об'ему. Самым распространенным и любимым чтением был не роман в собственном смысле, а другого рода произведения, которые не считались романом и все же заменяли средневековому читателю современную беллетристику. Под названием жития святых сочиняли множество таких рассказов, где от истинного происшествия не оставалось и следа, где преобладала сказка и фантазия. Целый ряд мучеников, лиц, пострадавших за веру и отличавшихся особой святостью жизни, в действительности никогда не существовали и

представляли такие же мифические фигуры, как Геркулес, или сказочных героев, в роде Ахилла, Менелая и Одиссея.

Рассказ об одном мученике ясно указывает на связь между житийной литературой и беллетристикой, на переход мученика в героя романа. Это мученичество Галактиона и жены его Епистимии. В городе Эмесе жил муж знатного происхождения и очень богатый, по имени Клитофон. Красивая жена его Левкиппа была бесплодна, и муж ежедневно бранил ее. Монах Онуфрий ходил из одного места в другое, из дома в дом и собирал милостыню в пользу бедных. Он подошел и к дому Клитофона. В тот день муж сильно побил Левкиппу, так как он ненавидел ее за бесплодие. Левкиппа вступила в душеспасительную беседу с Онуфрием, приняла христианство и забеременела. Она родила сына Галактиона. Когда ему исполнилось 25 лет, отец пожелал женить его и нашел ему невесту, Епистимию, дочь вельможи. Галактион отказывается целовать ее, потому что она язычница. Тогда Епистимия принимает христианство и предлагает мужу раздать все имущество бедным и спасаться. Началось гонение на христиан, губернатору Урсу донесли, что на Синае живут монахи. Воины отправились на гору и нашли там подвизавшихся Галактиона и диаконниссу Епистимию. Им отрубили головы.

Клитофон и Левкиппа встречаются не только в этом сказании. Они главные действующие лица в романе, написанном Ахиллом Тацием. В его произведении на фоне язычества выдвигается ценность девственности. Левкиппа остается верна Клитофону; несмотря на всякие испытания и приключения тело ее сохраняет чистоту. Любовь торжествует, и роман кончается браком любящихся.

Житие Галактиона и Епистимии—это повествование о следующем поколении. В нем находим и дальнейшее развитие морали. Место плотского единения в любви занимает аскетический брак христианских подвижников, брак бесплотный, в котором языческое влечение любящих сердец и любящих тел заменено совместным постом и совместной молитвой. Тем не менее, в сказании о Галактионе не вполне еще порвана связь с прошлым. Галактион отказывается целоваться с язычницей, но не с христианкой. Более поздние жития видят грех во всяком поцелуе.

Тема о девственности постоянно разрабатывается в житийной литературе. Громко звучит она в фантастическом рассказе о римских мучениках Нирее и Ахиллесе. У благородной девы Домитиллы, племянницы царя Домициана, были евнухи—спальники Нирей и Ахиллес, которых окрестил апостол Петр. Увидев, что она заботливо изукрашена и одета в златотканные платья, спальники сказали ей: если бы ты с таким же старанием украсила душу, как украшаешь тело, желая выйти замуж за смертного человека, ты могла бы иметь женихом сына бессмертного царя. Домитилла защищает брак. Нет любви, отвечает она, выше той, которая посвящена мужу и последствием своим имеет детей. Почему же непозволительно пользоваться роскошью и сладостью жизни? Нирей заметил на это: ты видишь только минутную сладость, а не соображаешь, какие опасности следуют за ней. Прежде всего, ты потеряешь почетное название девы и будешь называться женщиной, а не девой, и затем ты жертвуешь своей свободой и делаешь чужого человека господином своего тела, и он будет пользоваться тобой, как служанкой. Домитиллу стараются испугать ревностью и подозрительностью мужей. Ахиллес говорит ей: раньше чем соединиться браком

со своими невестами все мужчины представляются смиренными и кроткими, но после свадьбы лицемерие их раскрывается, и они являются в своем настоящем виде. Если они развратники, они любят рабынь и с ними истлевают в похотях, а те относятся принебрежительно к своим госпожам и ставят их ни во что. Если же жены начинают их бранить, мужья их преследуют и не только на словах, но и щедро награждают плетьми, и часто женщина, не выносившая укоров благочестивой матери, вынуждена, против своего желания, переносить побои. Допустим, что муж не блудник и не ревнив, и тогда грозят жене большие неприятности. Зачав младенца, она должна носить бремя денно и нощно, от этого бремени она становится слабой, раздутой, бледной, едва в состоянии передвигать ногами, хорошая пища ей неприятна, она охотнее ест вредную пищу и страдает от нее, и от этого происходит, что родится младенец с каким-нибудь недостатком и даже одержимый бесом, так что приходится прибегать не к кормилице, а к заклинателю.

Нирей прославляет девственность. О сколь блаженна святая девственность, говорит он, желанная Богу, любимая ангелами; приобретший ее становится подобен Богу. От греха женщина может освободиться покаянием, целость же девственности она не в состоянии возобновить. Все утраченное может быть восстановлено, все за исключением девственности. Как царица возвышается над всеми женщинами знатного происхождения, так и девственность над всеми добродетелями. Ахиллес также произносит длиннейшую речь во славу девственности. Они производят глубокое впечатление на Домитиллу, которая убеждается в верности аскетической теории. Я отказалось бы от брака, говорит она, если бы знала, что такова воля Божия.

Нирей и Ахиллес отправляются к св. Клименту и сообщают, что Домитилла желала бы дать обет девственности. Климент посвящает ее в сан девственниц, составлявших в древней церкви особый разряд дев, решившихся служить Христу. Обманутый ее жених, Аврелиан, просит императора Домициана сослать Домитиллу, надеясь, что тогда святая дева откажется от своего намерения. Кроме того, Аврелиан пробует подкупить Нирея и Ахиллеса, сосланных вместе с Домитиллой, но они отвергают предложенные им дары и напротив укрепляют в вере невесту, расставшуюся с женихом. Нирея и Ахиллеса казнили за их исповедание христианской веры.

После этого Аврелиан делает новую попытку вернуть себе невесту. Он просит Сульпиция и Сервилиана отправить в Кампанию своих невест, мудрейших дев Евфросинию и Феодору, молочных сестер Домитиллы. Туда же он хотел переселить Домитиллу и думал, что подруги произведут на нее желательное влияние и отговорят ее от христианства и от аскетизма. Молодые девушки действительно встретились, однако Домитилла продолжала поститься и молиться. Подруги говорят ей: разве мешает почитать Бога то, что мы соединились с мужьями? Вы имеете благородных мужей, отвечает Домитилла. Если же какие-нибудь неблагородные мужчины пожелали бы отделить вас от их любви, чтобы сделать вас своими сожительницами; разве вы охотно на это согласились бы? Они ответили: мы не желали бы претерпеть ничего подобно. Так и я, сказала Домитилла, имея великого и чудесного жениха, никоим образом не могу выйти замуж за другого. Ибо хранящим девственность он обещал даровать жизнь вечную, он, который исцелил прокаженных и воскресил мертвых.

— У меня есть младший брат Ирод, сказала Феодора,

год тому назад он ослеп. Если ты именем своего Бога вернешь ему зрение, мы поверим тому, что ты говоришь.

— А у меня, сказала Евфросиния, здесь есть дочка моей кормилицы, она отлично слышит, но не может говорить.

Привели девочку. Домитилла помолилась и исцелила ее. Тогда обе подруги пали к ее ногам и уверовали в Христа. Вслед затем Домитилла вернула зрение брату Феодоры, и множество народа обратилось в христианство. Аврелиан хотел в один и тот же день отпраздновать три свадьбы, но Сульпиций и Сервилиан под влиянием чудес перешли в христианство и отказались от брака. Аврелиан велел запереть Домитиллу в ее комнате, намереваясь совершить над ней насилие. После ужина Аврелиан начал плясать под звуки органов, как это принято делать на свадьбе, и плясал он в течение двух дней и двух ночей, пока обезсилев не умер. Таким образом, Домитилла избавилась от назойливого жениха.

В сказание о Нирее и Ахиллесе вставлен эпизод о Филикуле, на которой хотел жениться важный сановник Флакк. Последний предлагает ей на выбор, одно из двух, или выйти за него замуж, или принести жертву языческим Богом. Я, отвечает Филикула, и замуж за тебя не выйду, потому что я посвящена Христу, и идолам жертв не принесу, потому что я христианка. Филикула, не пожелавшая отречься от Христа, была распята.

В этом романе два раза повторяется та же черта. И Домитилла и Филикула гибнут от мстительности женихов, которым отказывают. Главный мотив тут не борьба язычества с христианством, как в более древних рассказах о мучениках, а борьба аскетизма с плотской любовью, монашества с эллинской страстью.

Тема о девственности затронута еще в двух сказа-

ниях: о мученике Тимофее и жене его Мавре и о мученике Картерии. После пытки, которой подвергает губернатор Тимофея, он велит привести и его молодую жену, только что с ним повенчанную.

— Надень нарядное платье, говорит ей губернатор, сделай себе красивую прическу, пойди к мужу своему Тимофею и убеди его бросить христианство. Между мужем и женой завязывается борьба.—Мы женаты всего 20 дней, я еще девица, а ты покидаешь меня, превращаешь в вдову, жалуется Мавра.—В тебе говорит диавол, отвечает Тимофей. Муж убеждает ее сделаться мученицей.—Мне всего 15 лет, отвечает Мавра, я не выдержу пытки. — Надейся на Христа, советует Тимофей, и пытки будут для твоего тела, что елей. Побеждает аскетизм Тимофея. Мавра идет к губернатору и сообщает ему, что готова пострадать. Губернатор приходит к выводу, что Тимофей маг и зачаровал жену, готовую сумасшествовать вместе с ним. Он не теряет надежды ее образумить и предлагает выдать ее замуж за сотника, получающего хорошее жалованье. Я обручена Христу, отвечает Мавра. После пытки молодых супругов распяли на кресте.

В рассказе о мученике Картерии, некий Дросион обращается с жалобой к губернатору. Картерий совратил в христианство множество народа, в том числе и жену Дросиона Капитолину.—Капитолина, говорит Дросион, жена, девственно со мной сочетавшаяся, желает отказаться от сожительства со мной и уверяет, что сочеталась с Христом и должна хранить ему нерушимо целомудрие, она грозит даже, что на глазах у судьи заколет себя мечом.

Среди героинь христианских романов, называющихся житиями, есть и такия, за которыми ухаживают начальники. Тема эта развита в сказаниях о Киприане и Юстине.

Юстина, дочь Эдесия и Клидонии, жила в Антохии. Вследствие чудесного видения, Эдесий, жрец идолов, обратился в христианство вместе с женой и дочерью. Аглаий, человек знатного происхождения и очень богатый, но яростный поклонник идолов, влюбился в Юстину и просил ее выйти за него замуж. Но дева Юстина отвергает его предложение шаблонными словами: я обручена Христу. Аглаий собрал большую толпу и велел сторожить ее, когда она пойдет в церковь. Он собирался совершить над ней насилие. Но те, которые были с ней, подняли крик, его услышали ее домашние и вышли вооруженные мечами. Аглаий схватил деву, но она, осенив себя крестным знамением, бросила его на землю и кулаками сокрушила ему бока и лицо, разорвала ему хитон и одержала над ним победу. Аглаий очень расгневался и обратился к магу Киприану, которому предложил два таланта золота и два таланта серебра, чтобы он своим волшебством заполонил Юстину. Киприан призывает на помощь диавола; является диавол и спрашивает: зачем ты призвал меня? Киприан отвечает: Аглаий влюбился в деву галилеян, если ты можешь доставить ее ему, об'яви мне это. Диавол вручает Киприану магическую жидкость, которой он должен опрыскать снаружи дом Юстины, и тогда она при содействии злого духа послушается его, но Юстине удалось сделать диавола бессильным, и диавол удалился пристыженный. Киприан призывает более сильного диавола, который тоже дает ему магическую жидкость. Повторяется та же история. В третий раз Киприан приглашает самого сильного диавола, отца всех демонов. Этот диавол прибег к следующей хитрости, он принял вид девы, сел к Юстине на ложе и говорит ей: я тоже хочу подвизаться с тобой, скажи мне, какая награда за девственность? Дева одерживает победу и над силь-

нейшим диаволом, и он признается, что Распятый больше его. Киприан перешел в христианскую веру и был посвящен сначала в чтецы, а потом в епископы. Юстину он сделал диакониссой и настоятельницей монастыря.

В некоторых житиях мучениц роман вертится вокруг ухаживания судей. К такого рода героиням относятся Фербута и Феврония. Фербута пострадала в Персии. Заболела царица персидская, благосклонно относившаяся к иудеям, врагам христиан, и вот иудеи внушили ей следующее: она заболела, потому что христианки подмешали ей яду. На этом основании схватили Фербуту и привели ее во дворец. Царь приказал старшему магу и двум ему подчиненным начальникам допросить ее. Увидев перед собой красивую девушку, судьи воспламенели к ней нехорошим желанием, но скрывали это друг от друга. Они сказали подсудимой: с какою целью подмешали вы яду царице и владычеце вселенной? За это вы подлежите смертной казни. Фербута ответила, что ее оклеветали и что, если судьи жаждут их крови, им никто не мешает пить ее. Слушая оправдание подсудимой, судьи пришли в такой восторг от ее красоты и ума, что не в состоянии были говорить и каждый думал про себя: я заступлюсь за нее пред царем и, избавив ее от смерти, женюсь на ней. После допроса Фербуту отвели в тюрьму и на следующее утро старший маг подослал к ней тайно человека и предложил заступничество перед царем, если она согласится выйти за него замуж. Фербута очень испугалась и ответила так: пес нечистый, враг Бога и всякой правды, не повторяй таких грязных слов, я храню свою девственность для владыки моего Христа, а избавить меня от ваших нечистых рук и грязных помыслов может только единый Безгрешный. Два начальника прислали ей людей с таким же предложением, но она и их с гневом отвергла.

Тогда судьи донесли царю, что она колдунья. От нее потребовали, чтобы она поклонялась солнцу, и, после ее отказа, присудили к смертной казни.

В женском монастыре на Дальнем Востоке игуменьей была Вриена. Племянница ее 18 летняя Феврония была очень красива, и тетка особенно заботилась о том, как бы предохранить ее от всякой опасности. Плоть ее усиленно умерщвлялась. Все монахини ели ежедневно, Февронии же приказано было есть через день и спать на голом полу. В те дни распространился слух, что христиан собираются подвергать пыткам. Одна из сестер, Эферия, требовала, чтобы все монахини попрятались, как сделали это епископ и духовенство. Феврония ни за что не соглашается уйти из монастыря. Фомаида ведет с ней длинный разговор по поводу ожидаемого нашествия воинского отряда и увещевает ее не поддаваться льстивым речам воинов, которые будут ухаживать за ней, как за красивой девушкой. Монастырь захватывают язычники. Февронии предлагают выйти замуж за Лисимаха, которому император Диоклециан обещает важную должность градоначальника. Феврония от такой чести отказывается и ее присуждают к смертной казни.

В сказании о мученичестве Марины роман переплетен со сказкой. Марина единственная дочь жреца Эдесия. Когда ей было 15 лет, она услышала о подвигах мучеников, проливавших свою кровь, и молилась, чтобы и ей удостоиться той же участи. В те дни путешествовал градоначальник Оливрий, он пришел из Азии в Антиохию с целью причинить мучения христианам. Увидев красавицу Марину, он рассудил так: если она свободная, возьму ее в жены, если же раба, то куплю ее и сделаю ее своей наложницей, потому что она чрезвычайно красива. Ее позвали на суд Оливрия, пред красотой ее смягчилось его сердце, и он попробовал убе-

дить ее лаской. Народ говорит ей, словно хор в древнегреческой драме: о дева, какую красоту губишь ты своим непослушанием.

После этого романического приступа начинается сказка. Марину отводят в тюрьму, она молится, после ее молитвы происходит землетрясение. Пошатнулась тюрьма, и вдруг из угла выходит дракон большой и очень страшный, разноцветный, с золотыми волосами и бородой. Зубы у него блестят, глаза словно жемчуг, язык точно кровь, из ноздрей выходит пламя и дым, затылок его обвили змеи. Дракон остановился по средине тюрьмы, кричит и свистит. Молитвой она уничтожает дракона. Появляется диавол и говорит Марине: я послал родственника своего Руфа во образе дракона, чтобы он убил тебя, ты же молитвами своими умертвила его, и теперь хочешь меня уничтожить, пощади меня Марина, не делай мне зла. Марина борется с диаволом, вырывает ему бороду, выцарапывает глаза. Происходит длинный разговор Марины с диаволом, он сообщает, что его зовут Вельзевулом, и рассказывает о своем происхождении. Она попирает главу его ногами. Наконец от Марины требуют, чтобы она принесла жертву языческим Богам и за ослушание отсекают ей голову мечом. Прилетели ангелы, взяли голову мученицы, отнесли ее к Господу.

В нескольких сказаниях разработана другая романическая тема — спасение дев от грозящего им бесчестия. В царствование Диоклециана, когда губернатором Александрии состоял Евстратий, привлечена была к ответственности Феодора. Почему ты, будучи благородного происхождения, отказываешься выйти замуж? спрашивает ее судья. Ради Христа, отвечает Феодора, освободившего нас от гибели и возвестившего нам жизнь вечную, я желаю оставаться незапятнанной в вере к

нему. Судья говорит: императоры повелели вам, вечным девам или приносить жертвы богам или предавать вас бесчестию. В виду упрямства Феодоры ее отводят в лупанар. В тюрьму проникает воин Дидим и говорит Феодоре: „я не тот, кого ты видишь, снаружи я кажусь волком, а внутри я кроткая овца, я мудрец в виде диавола, я ношу одеяние его служителей, чтобы входя тайно спасать сокровище Владыки моего, голубку Божию. Обменяемся платьем, тебе Бог даст победу, меня же увенчает непорочный Агнец, взявший на себя грех мира". Феодора с удовольствием соглашается на это, переодевается в костюм воина и уходит из тюрьмы. По прошествии некоторого времени приходит один из служителей сатаны и, увидев вместо девы мужчину, пораженный говорит: Разве Иисус переделывает дев в мужчин? Кто сидит тут? Где же запертая здесь дева? Слышал я, что Иисус претворил воду в вино, теперь же я вижу, что он деву претворил в мужчину. Боюсь, как бы он из меня не сделал женщины. Меня не изменил мой Владыка, отвечает Дидим, дева осталась девой, а воин стал борцом Иисуса Христа. Само собою разумеется, что дерзкого христианина Дидима приговаривают к смертной казни.

Нечто подобное случилось и с Антониной. В дни гонений к губернатору Фесту привели христианскую девицу Антонину. Фест говорит ей: ты такая почтенная девушка, что я желаю произвести тебя в жрицы Артемиды, я поднесу тебе дары и сделаю тебя госпожей в своем доме.—Зачем сулишь ты мне дары, отвечает Антонина, поверь в Христа и приобретешь богатство. После вторичного допроса Антонину в наказание помещают в лупанарий. Ее ведут в маленький дом. По дороге ангел шепнул одному из сопровождавших ее воинов: надень на Антонину свою хламиду, чтобы она

могла незаметно ускользнуть. Александр выпросил у Феста позволение пойти к Антонине и убедить ее перейти в язычество. В действительности же он падает к ее ногам, переодевает ее в воинский костюм и дает ей возможность убежать. Александра пытают и с повествованием о Феодоре разница только в том, что Антонина появляется на суд добровольно и вместе с Александром кончает свою жизнь мученическою смертью.

Любовный роман разработан и в сказании о мученице Пелагии. В царствование Диоклетиана, свирепого гонителя новой религии, распространял христианство епископ Клинон. Он пришел в Тарс и крестил там громадную толпу. Узнав об этом, император приказал запереть городские ворота и схватить епископа. Но Клинон незаметно ушел из города и его не нашли. Дева Пелагия, отличавшаяся богобоязненностью и неописуемой красотой, пожелала увидеть епископа и просила мать отпустить ее к кормилице. Наслышавшись о красоте Пелагии, сын императора Диоклетиана подослал к ней сватов с предложением выйти за него замуж. Пелагия, осенив себя крестом, ответила: я обручена Сыну Божию. Мать, сначала не соглашавшаяся на просьбу Пелагии, боясь как бы она не заболела, отпустила ее в сопровождении рабов и воинов. По дороге они встречают епископа, и Пелагия спрашивает его: кто ты и как тебя зовут? Самое ценное, отвечает епископ, то, что я христианин и пастух овец христовых, имя же мое Клинон. Пелагия поняла, что он пастух в буквальном смысле слова и предложила ему за щедрую плату пасти овец ее отца. Я не пастух стад, как ты думаешь, ответил Клинон, а пастырь овец Христа, т. е. людей. Тогда Пелагия пала к ногам епископа и, будучи еще язычницей, говорит ему словами чина крещения,

появившегося в христианской церкви гораздо позже: я отрицаюсь сатаны и ангелов его.

Узнав правду, мать Пелагии послала сказать сыну Диоклетиана, что его желанная сочеталась с Богом христианским. Сын императора грозил покончить самоубийством и восклицал: о ужас, какой красоты я лишился, о ужас, на какой груди я не могу отдохнуть, о ужас, любовью какого тела я не насладился! В отчаянии он бросается на меч и умирает.

Когда матери Пелагии рассказали, что самоубийство произошло из за отказа ее дочери, она перепугалась и довела об этом до сведения императора. Взяв с собой Пелагию, она отправляется во дворец и говорит Диоклетиану: вот дочь моя, из за которой сын твой покончил жизнь самоубийством, отмсти ей за него. Император нашел, что Пелагия красивее всех его жен и наложниц, и не чувствовал ни малейшего желания мстить ей. Он хотел принудить ее отречься от христианства и затем жениться на ней. Он велел принести груду золота, думая прельстить им деву, посвятившую себя Христу. Матери Пелагии выдал он сто талантов золота, и она, покинув дочь, отправилась домой, радуясь диавольской радостью. Диоклетиан говорит Пелагии: я имею к тебе только одну просьбу, отрекись от Христа и соединись со мной браком; сын мой, который родится от тебя, будет царствовать вместе со мной, а на твою голову я надену диадему.—В безумии говоришь ты это, отвечает Пелагия. Я не исполню твоего желания и ты не возложишь диадемы на мою голову, ибо я знаю, что на небе мне приготовлены три диадемы и я ими уже украшена: первая диадема веры моей, вторая диадема предания моего Богу, третья диадема предстоящего мне мучения.

Диоклетиан велел пытать Пелагию, он не в состоя-

нии был сдержать свою эротоманию и приказал раздеть ее, как можно скорее. Пелагия добровольно обнажилась и, бросив императору в лицо свое одеяние, сказала ему: Ты лукавый змей, подкравшийся к Еве и через нее введший в грех Адама, ты злой дух, вошедший в сердце Каина и побудивший его убить девственного Авеля. Замучив Пелагию, Диоклетиан велел бросить тело Пелагии на гору Линат. Четыре льва стерегли его от диких зверей и птиц, а затем пришел епископ Клинон и предал мученицу земле.

Сюжетом романообразных сказаний о мучениках служит иногда своеобразная материнская любовь, с современной точки зрения любовь совершенно неестественная. Таково, напр., повествование о Каллиопии и Варе. Благочестивая женщина Феоклия, отличавшаяся благотворительностью и происходившая из сенаторского звания, долго оставалась бесплодной. Когда она, благодаря данному ей обету, забеременела, муж ее умер. Своего сына она окрестила в христианскую веру и назвала его Каллиопием. Судьям в Перге Памфилийской это стало известным. Чтобы избежать преследования, Феоклия дала сыну золота и рабов и отправила его на судне в Киликийский город Помпеиополь. Там юношу приглашали принять участие в пирушке, но Каллиопий ответил: я христианин и, празднуя Христа, пощусь. Услышал об этом губернатор Максим и велел ему явиться.—Весь мир, говорит ему начальник, совершает празднества в честь богов, почему же ты держишься такого заблуждения?—Не я, а вы, отвечает юноша, пребываете в заблуждении и во тьме покинув Бога живого, Творца неба и земли, единым словом все создавшего, вы поклоняетесь бесчувственному дереву и камням, творениям безбожных рук.—Ты еще молод, говорит губернатор, а сам готовишь себе пытку, скажи, из какого народа ты

происходишь и из какого рода?—Я принадлежу, отвечает Каллиопий, к народу памфилийскому и к сенаторскому роду Патровула.

— Клянусь богами и великим солнцем, говорит Максим, если бы ты пожелал стать благочестивым и принести жертвы богам, я выдал бы за тебя замуж свою единственную дочь. На дальнейшие убеждения губернатора юноша отвечает: мать моя—православная церковь Христова, а отечество мое—небесный Иерусалим.

Узнав о судьбе, постигшей Каллиопия, мать его отпустила на волю 250 рабов, раздала бедным золото, серебро и платье, имения подарила церкви и отправилась к сыну. В тюрьме она бросилась на колени и начала целовать раны сына: я блаженна, говорила она, и блажен плод чрева моего, как Анна Самуила, так и я посвятила Христу тебя, священное сокровище. Максим велел распять Каллиопия в четверг на Страстной неделе. Феоклия дала палачам пять золотых, с тем, чтобы они распяли его вниз головой, а не так, как Спасителя. Он провисел на кресте до пятницы и в 3-м часу отдал Богу душу. Мать взяла его тело и тотчас же скончалась сама.

Сюжет о покаявшейся блуднице довольно распространен в житийной литературе. Он разработан в житии Марии Египетской, приписываемом иерусалимскому патриарху Софронию (жившему в VII веке) и одном из самых древних. Эта повесть написана приемом, обычным для греческого романа. Фиктивному лицу, старцу Зосиме, Мария рассказывает свою жизнь. Что Зосима лицо вымышленное, не подлежит ни малейшему сомнению. Это старец, живший до 52 лет в каком-то монастыре и затем отправившийся на Иордан в какой-то другой монастырь. Из монастыря пошел Зосима в пустыню и в то время, как он молился, увидел он точно тень человеческого тела. Сначала он испугался, подумав,

что это диавольское видение. Но затем он заметил, что это живое существо, идущее на юг, голое, черное, со светлыми, но короткими волосами, доходящими только до затылка. Зосима старался догнать этого человека, убегавшего от него. Вдруг он услышал голос: я женщина и мне стыдно, потому что я голая, брось мне свое одеяние. Зосима говорит ей: заклинаю тебя именем Христа, ради которого ты терпишь наготу и изнуряешь свое тело, не скрывай от раба своего, кто ты, когда и каким образом поселилась в этой пустыне? Женщина отвечает: мне стыдно рассказывать тебе о позорных делах моих, однако, так как ты видел обнаженное мое тело, я обнажу перед тобой и деяния мои, чтобы ты знал, каким стыдом и посрамлением преисполнена моя душа. Старец беспрерывно плакал, а женщина начала повествование о себе. Она рассказала, что зовут ее Марией, родом она египтянка, и она торговала своим телом. Дверь в иерусалимском храме перед ней не раскрывалась, когда она хотела войти туда, пока она не покаялась. Затем она провела 47 лет в пустыне и 17 лет питалась исключительно растениями. Мария скончалась на руках у Зосимы, и лев стерег ее останки. К нему старец обратился с такою речью: зверь, великая Мария велела похоронить ее останки, а я стар, не в силах вырыть могилу и не имею для этого надлежащего орудия, исполни эту работу своими когтями. Лев тотчас же вырыл могилу передними лапами.

К тому же типу святых блудниц принадлежит и Евдокия, жившая будто бы при царе Траяне в фантастической обстановке. Евдокия была сказочно богата и необыкновенно красива. В нее влюблялись все властелины, а сама она обуреваема была любовью к греху. В городе Илиополе рядом с домом Евдокии поселился пришедший туда в гости монах Герман. Он пел псалмы,

а затем стал читать из книги, которую постоянно носил с собой, о том, что праведники воссияют, как солнце, а грешники будут преданы огню неугасимому во веки веков. Евдокия посылает за Германом и выпытывает у него, правда ли все то, что он читает? Она признается, что не имеет одного законного мужа, а свое громадное богатство получила от многих мужей. Герман назидает Евдокию и доказывает ей, что лучше потерять богатство и спастись. Евдокия крестится и жертвует 20 тысяч фунтов золота (около 8 миллионов рублей), 8 тысяч серебра, имения, бессчисленное количество дорогих украшений, драгоценных камней и шелковых тканей. Она постригается в женском монастыре, где находилось уже 30 дев. Тут происходит новое происшествие романического свойства. Евдокию разыскивает ее бывший любовник Филострат. Он стучится в дверь. Она спрашивает: кто это стучится и что тебе надо? Тот отвечает: я грешный человек и пришел, чтобы получить от вас молитву. Евдокия возражает, что принять его нельзя и отсылает его в монастырь Германа. Филострат отправляется к Герману и обманывает его, уверяя, что он желает посвятить себя Богу и хотел бы повидать Евдокию, совершающую великие подвиги. Герман велит одному монаху проводить Филострата в женский монастырь. Увидев, что Евдокия спит на полу на рогоже, Филострат с гневом говорит ей: „Что это такое, Евдокия? Кто убедил тебя, жившую по-царски и блиставшую в большом городе, дойти до такого смирения и нищеты. Весь наш город плачет по тебе!“ Он убеждает ее вернуться к прежней жизни, Евдокия называет Филóстрата сыном диавола. Благодаря ее молитвам, он становится ревностным христианином. Рассказ продолжается в том же фантастическом тоне. На Евдокию поступает ложный донос, и император от-

правляет отряд в 300 воинов, чтобы схватить ее. Дракон всех их уничтожает. В конце концов царь уверовал в христианского Бога.

Тот же сюжет о покаявшейся блуднице лег в основу жития Авраамия и Марии, приписываемого Ефрему Сирину (ум. 373 г.). Если признавать его автором, то это древнейший христианский роман на тему, неоднократно повторявшуюся в агиографии. В предисловии составитель жития сообщает, что поведает все ему известное о жизни второго Авраамия, „того самого, который был в наши времена и на земле проводил житие ангельское, и небесное". После смерти родителей Авраамий роздал наследство бедным (это шаблонная подробность, которой нельзя придавать никакого значения) и стал предаваться крайнему аскетизму. Он не только не умащал тела своего елеем, но и чистоты не соблюдал, не мыл водою ни лица, ни ног. Презрение к телу, доходящее до неопрятности, считалось добродетелью. В похвалу Антония, создателя египетского монашества, его биограф, известный отец церкви Афанасий Великий, ставит то, что он не смывал водою нечистот с тела и никогда не обмывал себе ног. Несмотря на самый убийственный аскетизм, „вид у Авраамия был, как цветущая роза".

Под старость Авраамий совершил подвиг. От его единственного брата осталась девочка-сирота, Мария. Ее привели к дяде, когда ей было семь лет от роду. Он велел ей жить во внешней келии, а сам затворился во внутренней. Она усердно подвизалась, и Авраамий радовался, видя ее прекрасное житие, кротость и любовь к Богу. Провела она с ним в подвиге 20 лет, как прекрасная агница и нескверная голубица. Но через 20 лет соблазнил ее змей. Один монах ходил к Авраамию подъ предлогом вести с ним душеспасительные беседы. Около года подстерегал монах Марию. Нако-

нец, ему представился удобный случай, и он лишил ее блаженного пребывания в истинном раю. Обольщенная змием отворила она дверь келии и вышла, утратив величие боголюбезного и чистого девства. По совершении греха Мария ужаснулась, пришла в отчаяние, изорвала в клочья на себе волосяной хитон, била себя по лицу и хотела задушить себя. Она ушла в другой город и остановилась в гостинице. Авраамий заметил исчезновение своей племянницы только через два года и отправился разыскивать ее. Чтобы спасти ее, он вынужден был представиться развратником и в этом заключался его подвиг. Увидев Марию в наряде и образе блудницы, он едва сдержал слезы. Она не узнала дяди, а тот подает монету содержателю гостиницы и говорит ему: изготовь нам прекрасный ужин, мы повеселимся сегодня с этой девицей. Наконец, Авраамий открылся ей, Мария покаялась и провела в подвижничестве еще пять лет.

Непотребной женщиной была и вторая Пелагия, не та мученица, о которой речь шла выше, а другая. Она была первой актрисой в Антиохии и продажной женщиной. Ее звали также Маргарито (жемчужиной) за то, что она носила множество украшений. Она обратилась к епископу Нонию с такими словами: прошу тебя, владыка, помилуй меня грешницу, подражай учителю своему Иисусу Христу и пролей на меня благодать свою, ибо я море (игра слов: пелагос по-гречески значит море) грехов и бездна беззакония. Епископ отвечает, что церковные законы не позволяют крестить блудницу без поручителей, но затем диаконисса Романа соглашается быть ее восприемницей, и епископ крестит ее. Через три года после этого, рассказывает автор жития, Іаков (вероятно, лицо выдуманное), меня охватило желание отправиться во Иерусалим поклониться св. Воскресению

Иисуса Христа, и я просил епископа Нонию отпустить меня Он меня и отпустил со словами: когда ты отправишься, разыщи Пелагия, монашествующего евнуха, подвизающегося в затворничестве уже много лет, поговори с ним, ты получишь от этого большую пользу. Іаков действительно нашел Пелагию, жившую в келии на Елеонской горе под именем монаха Пелагея. Вскоре после этого он увидел подвижницу, лежавшую на земле без дыхания.

В некоторых житиях разработан сюжет о покушении на девственность со стороны плотской любви и о стойком отстаивании аскетического идеала. В предисловии к житию Марии Антиохийской автор говорит: событие, случившееся в Антиохии Сирийской, я счел справедливым предать письму, во славу Божию и на пользу, и спасение читателям и слушателям, а рассказ этот таков. В Антиохии одна почтенная женщина воспитала в благочестии дочь свою Марию и последнея, по совету матери, решила избрать девство вместо брака. Диавол послал на Марию Анфемия, который через рабов и женщин предлагал жениться на ней. Целые два года преследовал он девушку, прибегая ко всевозможным диавольским ухищрениям. Анфемий обратился за помощью к волшебнику, которого звали Великим. Тот прибегал к двум демонам и велел им привести Марию к Анфемию. Вместе с тем волшебник требует, чтобы Анфемий отрекся от Христа. Влюбленный молодой человек сначала согласился было на это требование, но потом приходит в ужас и просит епископа вновь окрестить его. Все кончается благополучно торжеством аскетической добродетели, и автор говорит в заключение: мы же, выслушав этот страшный рассказ, прославим всемогущего Бога, подивимся и величию дел его, так как Он охранил девственность девы Марии и освободил ее от врага ее Анфемия.

В житии Хрисанфа и Дарии опасности подвергается мужская добродетель. В предисловии автор указывает на то, что жития святых учат нас презрению ко всем мирским благам и что верующим может принести большую пользу история о Хрисанфе и Дарии. В Александрии проживал Полемий, муж сенаторского звания, которого легендарный царь Нумериан отличал великими почестями. Он дал отличное языческое образование сыну своему Хрисанфу, но тот не довольствовался философией, читал также Евангелие и начал искать христианских учителей. Ему указали на Карпофора, скрывавшегося в пещере от гонения. Хрисанф разыскал Карпофора, в несколько месяцев изучил Свящ. Писание и крестился. Отцу его сообщили, что царь может узнать об этом, и тогда ему не будет прощения. Рассердившись Полемий велел запереть Хрисанфа в темное и грязное место и давать ему немного пищи только по вечерам. Хрисанф нашел, что это очень хорошо, что он таким образом спасается от роскошной жизни. Тогда Полемий велел вывести Хрисанфа из темного помещения, надел на него нарядное платье и поселил в палате, убранной шелковыми тканями. Он собрал самых красивых служанок, запер их вместе с Хрисанфом и строго наказал им отвлечь его от христианской цели в сторону удовольствий, грозя иначе погубить их. Хрисанф молил Бога помочь ему одолеть диавола. Когда он кончил молитву, служанки заснули глубоким сном. Приятель посоветовал отправить к Хрисанфу разгульную девицу, которая сумела бы уничтожить христианскую волшебную силу, которой он обладает. Где я найду такую?—сказал Полемий. Приятель указал на Дарию, необыкновенную красавицу, получившую высшее риторическое образование и находящуюся в том возрасте, когда пора вступать в брак. Дария старается соблаз-

нить Хрисанфа. Он ведет с ней длинный диспут и доказывает преимущество христианской религии перед языческой. Дарья убеждается, переходит в христианскую веру и сочетается с Хрисанфом фиктивным браком, соединяясь с ним только духом, но не плотью.

Своеобразную литературу представляют жития юродивых. Среди византийской мертвечины они выделяются живыми чертами, выхваченными прямо из жизни. Это помесь искусственного жанра, особенно излюбленного в Византии, и неподдельного быта.

Житие Симеона юродивого написано в VII веке одним из самых интересных византийцев, Леонтием Исапольским. Историческим его назвать нельзя. Это чистейшая беллетристика. В царствование Юстиниана, Симеон, по словам его биографа, будучи еще молодым человеком, отправился на поклонение в Иерусалим. После 29-летнего пребывания в пустыне начинается его деятельность в качестве юродивого в Эмессе. Анахроизмы бросаются в глаза. Симеон отправляется при Юстиниане в Иерусалим, чтобы присутствовать там при праздновании Воздвижения Креста, но праздник этот установлен был только через сто лет после Юстиниана в царствование Ираклия (в 629 г.). Начинается житие так же, как обыкновенно начинаются романы. „В царствование Юстиниана сошлись в Иерусалиме христолюбивые люди для поклонения святым местам и случилось, что в праздник Воздвижения встретились по произволению Божию два молодых человека, уроженца Сирии. Одного звали Иоанном, другого Симеоном. По окончании праздника все богомольцы, обыкновенно, расходились по своим родным городам. Но эти два молодых человека сошлись и полюбили друг друга, и они не разошлись. Возвращаясь на родину, они пошли вместе со своими родителями. У Иоанна был старик отец, а матери не было; в то время

он был связан и с женой. Было ему приблизительно 22 года. У Симеона отец умер, в живых оставалась только мать, старушка лет 80.

Жизнь Симеона самая необыкновенная. Он постригается, становится отшельником, живет 29 лет в пустыне и в 50-летнем возрасте поселяется в городе и становится дурачком. Он вдруг появляется в городе Эмессе и делает там необыкновенные чудачества. Автор поясняет, что Симеон, исцелявший бесноватых, предсказывавший будущее, обращавший на путь истины блудниц, оставался до тех пор в неизвестности, но Бог пожелал обнаружить перед всеми его добродетель. О юродстве автор говорит в предисловии следующее: „прошу всех слушающих или читающих наш рассказ внимать сказанному со страхом Божиим с подобающей христианам истинной верой. Нам кажется, будто безумные говорят невероятные вещи и достойные осмеяния. Но если принять во внимание слова: желающий быть мудрым во веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым (I коринф. III, 18) и затем: мы безумны Христа ради (I коринф. IV, 10), и еще: потому что немудрое Божие премудрее человеков (I коринф. I, 25), содеяние этим истинным борцом не представлялось бы смехотворным.

В рассказе о двух приятелях Иоанне и Симеоне ярко выступает романический мотив, кроме их дружбы, любовь Іоанна к жене, а Симеона к матери. Когда друзья решили сделаться отшельниками, Симеон обратился к игумену Никону, их наставлявшему, с такой просьбой: Отец, молись, чтобы Бог рассеял память о жене брата моего Іоанна, дабы он не покинул меня под влиянием лукавого. Старец удивился любви, которую он питает к брату и ничего не ответил ему. Точно также обратился к нему Іоанн и просил его: Молись, чтобы брат не покинул меня ради матери своей. Как только от-

правились они в пустыню, враг наш, диавол начал строить против них козни и возбуждать в Іоанне любовь к жене, а в Симеоне любовь к матери. Романический мотив повторяется, подчеркивается и усиливается, но сравнительно с языческим романом, эта любовь наизнанку. Приятели желают освободиться от женщин, которых они любят. Мать Симеона умерла, и Іоанн говорит ему: Брат Симеон, Бог услышал твою молитву и взял твою мать. Посодействуй теперь мне и помолимся вместе, чтобы Бог сжалился надо мной и женщину, названную моей женой, или превратил в манахиню или, сжалившись над ней, взял ее к себе. Вскоре после этого Иоанн увидел ночью, что пришла мать Симеона и взяв его жену за руку, говорит ей: востань, сестра, и приди ко мне, потому что царь подарил мне прекрасный дом, но перемени одежду свою и надень чистую. И она тотчас же восстала и последовала за той, и, он понял, что и она скончалась и что обе они находятся в прекрасном месте, и он сильно обрадовался великой радостью.

Появление Симеона в Эмессе ознаменовалось следующей шуткой. Найдя в навозной куче мертвую собаку, Симеон снял свой веревочный пояс, привязал ее за ногу и вбежал в город, таща за собой собаку через те ворота, у которых находилась школа для мальчиков. Мальчишки кричали: сумасшедший бежит за ними, и давали ему пощечины. На следующий день было воскресенье, Симеон набрал орехов, вошел в церковь в начале литургии и начал бросать орехи и гасить свечи. Когда его хотели вывести, он пошел на амвон и оттуда стал бросать орехами в женщин. С большим трудом прогнали его и избили до полусмерти. В другой раз юродивый отправился в женские бани, вместо мужских, и опять таки был беспощадно избит. Симеон имел обыкновение ходить по богатым домам, шутить и де-

лал вид, что целует служанок. Одна из таких рабынь забеременела и не хотела сказать от кого. Она уверяла, что ее изнасиловал юродивый Симеон. Тот отвечал смехом на это обвинение. Служанка никак не могла разрешиться от бремени, и ее госпожа сказала Симеону: молись, потому что твоя жена не может разрешиться, тот ответил, что роды пройдут благополучно, если она скажет, кто отец ее младенца. Она созналась, что согрешила с одним простым человеком.

Житие Андрея юродивого довольно оригинальное произведение, которое для нас гораздо интереснее подражательного византийского романа. Его написал ученый автор, не сумевший спаять двух источников. С одной стороны он имел в руках богословские главы и обычную биографию подвижника со множеством шаблонных черт, с другой стороны он пользовался народным сказанием. Все произведение распадается на две части и самая фигура Андрея не цельная, а двоится. Житие чрезвычайно длинно. Оно заключает в себе 245 глав и занимает 260 страниц. Реальное содержание можно найти только в 11 главах, но зато эти немногие главы для нас ценны, потому что византийцы так скупо знакомят нас со своим бытом и своими нравами. Там, где биографические черты жизненны, Андрей является юродивым. Во всем остальном рассказе он обыкновенный святой, который, как и все остальные, борется с диаволом, с плотью, обладает пророческим даром и чудодейственной силой. Юродивый потешает толпу. Он притворяется пьяным, и встречные бьют его. Он появляется на улице совершенно голым, сбросив свое единственное одеяние — короткий плащ. Мальчишки пачкают его грязью, таскают на веревке, а он отпускает разные остроты. Юродивый позволяет себе совершать публично всякие неприличия.

Андрей отправляется в трактир с толпой молодых гуляк, они распивают вино и юродивый служит им забавой. В виде шутки они колотят его. Компания просидела целый день в трактире и, выйдя оттуда совершенно пьяной, отправилась в публичный дом. Андрей счел возможным отправиться и туда. Обитательница лупанара всячески соблазняла его, но он соблазну не поддался. Когда они возвращались домой, наткнулись на полицейский обзор и поплатились за свои ночные похождения. Полиция забрала их и угостила плетьми.

Грубые шутки, которые позволяют себе юродивые и которые потешают толпу, указывают на происхождение этого типа. Это дальнейшее развитие и вырождение древнего мима, бродячего актера, который появлялся в разных местах и разыгрывал маленькие сценки обыкновенно непристойного свойства. Такие ноты, совершенно непозволительные с точки зрения обычной агиографии, прорвались всетаки в нескольких житиях и оживили их.

Но, вообще говоря, византийский роман захирел и, совершенно отойдя от жизни, превратился в археологическую древность.

VIII. Зрелища и увеселения.

Театра в современном смысле слова византийцы не знали. Театром называли они разные представления, причем драмы и комедии в несколько актов, как в древних Афинах, совсем не давались. Одним из обычных зрелищ были бега, перешедшие к Византии по наследству от Рима. Латинское слово цирк, вошедшее во все европейские языки, переводилось греческим выражением ипподром, что значит конский бег. На площади современного Стамбула, называющейся ат-мейдан, недалеко от св. Софии, находилось место для бегов, украшенное произведениями искусства, египетским обелиском, бронзовой змеиной колонной и теми бронзовыми конями, которые видны теперь на фасаде св. Марка в Венеции и увезены были туда после четвертого крестового похода. Ипподром представлял прямоугольник, длиною около 140 сажен, шириною вчетверо меньше. Тут состязались две партии — зеленых и голубых. Так назывались столичные организации, имевшие первоначально некоторые политические права. Зеленые и голубые держались обыкновенно противоположного направления; если одни поддерживали правительство, другие становились ему в оппозицию. Юстиниана поддерживали голубые, а зеленые бунтовали против него. Эти городские партии никогда не были многочисленны. В самый расцвет в состав зеленых входило только 1.500

членов, а к числу голубых принадлежало 900 человек. В VII веке, благодаря внутреннему разложению и давлению правительства, не терпевшего никакого самоуправления, городские партии утратили политическое значение и превратились в клубы, состязавшиеся на бегах.

По римскому преданию, народные увеселения устраивались византийскими царями. Во всех торжественных случаях происходили конские бега; 11 мая, в день основания Константинополя, в день рождения императора, на Рождестве и на Пасхе, в ознаменование коронации и победы, одержанной над врагами. Бега открывались длинной церемонией. Царь приказывает препозиту (министру двора) повесить на ипподроме флаг, означавший, что предстоят зрелища. Выйдя от царя, препозит говорит чиновнику, называвшемуся тессерарием (знаменщиком): иди, подними флаг. Тессерарий отправляется на ипподром, подходит к столбу, осеняет его трижды крестным знамением и кричит кустодиариусу (сторожу): иди, подними флаг. Наконец, флаг взвивается, и столичное население оповещено, что предстоит праздник. Затем тессерарий идет на конюшню и приветствует конюхов и кучеров. Он говорит им тихо: вперед, дети, будьте здоровы, действуйте. Те громко отвечают: будь здоров; далее чиновник приветствует представителей зеленых и голубых. Голубые отвечают возгласом: победа голубым! Зеленые: победа зеленым! Вслед затем выводят и осматривают всех лошадей одну за другой. Начальники партий трижды осеняют крестным знамением каждый членов своей партии. Те отвечают: да здравствует сегодняшний день, начинается прекрасный день. Каждая партия возглашает: мы, зеленые (или мы, голубые) проведем прекрасный день. Вслед затем происходит песнопение. Члены партии поют Трисвятое: мы

зеленые (или мы голубые) поем Троицу, владыку вселенной Бога нашего, Триипостасную власть, прежде всех век сущую и во все веки пребывающую, свет, которым свет просвещается, Бога небесного славим.

Народ собирался заблаговременно на ипподром и ждал, когда явится царь и займет отдельное, устроенное для него место. Тогда только могли начаться бега. В ожидании этого происходила народная церемония. Запевалы говорят нараспев: взойди божественная царственность. Народ трижды повторяет: взойди. Такой же возглас делают о царице. Запевалы: взойдите, боговенчанный царь с царицей. Народ повторяет: взойдите. Запевалы: взойди, православная держава! Взойди радость наша и слава! Народ поет: богоданная держава, слава порфиры, царь такой-то (или цари такие-то), осветите лучами вашими рабов ваших, обрадуйте, владыки, народ ваш.

Царь в сопровождении свиты подходит к своему месту и, встав перед своим креслом, подолом своей хламиды осеняет крестным знамением весь народ и отдельно зеленых и голубых. В ответ народ возглашает: свят, свят, свят! Запевалы поют: великую радость испытывают подданные, потому что видят своего царя. В то время, когда раздавались награды возницам, пришедшим первыми, народ возглашал то же словословие в честь победителя и царя.

На длинных сторонах ипподрома возвышались амфитеатром ступени, на которых сидела многочисленная публика, являвшаяся в громадном количестве, потому что зрелище было даровое. Самые бега задевали за живое столичное население. Симпатии толпы делились между зелеными и голубыми, для нее не безразлично было, кто победит, зеленый возница или голубой, хотя пари не держали, и задето было только самолюбие.

Когда византиец видел, что его кучер упал с колесницы, он чувствовал себя униженным, оскорбленным. Ему совестно было вернуться домой, зайти к знакомому; он знал, что везде будут смеяться над ним. В цирке византийская публика представляла очень оживленную картину. На противоположных сторонах ипподрома сидели зрители боровшихся партий. Наклонившись вперед, с прерывающимся дыханием следили они самым внимательным образом за всеми случайностями бега, постоянно переходя от страха к надежде. Противные партии иногда вступали в перебранку, смеялись друг над другом, и взаимные издевательства кончались иногда рукопашной. Во время бегов раздавались такие крики: „Боже, прими под свою защиту Олимпия Анателлона (имена возниц). Богородица, дай им победу!" Колесница должна была три раза об'ехать арену и тому, кто приходил первым, в награду вешали на шею золотую цепь и выдавали из императорской казны литру (фунт) золота в виде 72 монет (402 рубля).

После конских бегов давались еще другие представления. Происходила борьба, появлялись акробаты, взбиравшиеся по веревкам и плясавшие на высоко протянутом канате. Иногда конские бега сменялись бегом людей. Иногда смешил публику какой-нибудь фигляр, напр., тем, что мазал себе лицо сажей. Странствующих акробатов один византийский писатель описывает следующим образом: „В это время в Константинополь зашли люди, знавшие чудное искусство. Они вышли первоначально из Египта и по пути, в Аравии, Персии, Армении и Грузии, показывали свое искусство. Все, что они делали, было необычайно и чудесно; впрочем, это не было дьявольским навождением, а было делом естественным, плодом долговременного упражнения. Не распространяясь слишком, мы расскажем о некоторых

из их действий. Напр., взяв две или три корабельных мачты и поставив их вертикально к земле, акробаты укрепляли их нетолстыми канатами, так что они не могли наклоняться ни на ту, ни на другую сторону. Потом от вершины одной мачты натягивали веревку до вершины другой. Затем брали веревку и ею обвивали одну из мачт снизу до верху, чрез что образовывали некоторого рода вьющиеся ступеньки, по которым можно было всходить. Всходя по ним, один становился на самой вершине мачты то на одной ноге, то на другой, то поднимал обе ноги вверх, а головой упирался в вершину мачты; потом, сделав неожиданный прыжок, одной рукой крепко хватался за веревку и цеплялся за нее, после чего быстро и безостановочно начинал вертеться и кружиться колесом. Затем вместо рук, уцепившись за веревку голенью и повисши головою вниз, снова начинал вертеться и кружиться. Потом, встав прямо посредине веревки и взяв лук и стрелы, стрелял в цель, поставленную очень далеко, и стрелял так метко, как не мог бы другой, стоя на земле. Сверх того, зажмурив глаза и взяв на плечи мальчика, он совершал по веревке воздушное путешествие от одной мачты до другой. Вот что делал один. А другой, поднявшись на лошадь, погонял ее и на полной рыси стоял прямо то на спине, то на гриве, постоянно и смело перебирал ногами, принимая вид летающей птицы. Иногда он вдруг соскакивал с бегущей лошади, хватался за ее хвост и неожиданно опять появлялся на седле. Или опускался с одной стороны седла и, обогнув брюхо лошади, легко поднимался на нее уже с другой стороны и снова ехал. Занимаясь такими фокусами, он не переставал подгонять коня бегом. Такие чудеса делал второй. Третий, поставив на голову палку длиною в локоть, а на верхний конец ее полный сосуд воды, хо-

дил так, что сосуд долго оставался неподвижным. Один ставил на голову свою длинное копье, снизу до верху обвитое веревкой, образовавшей выступы, за которые мальчик ухватывался руками и ногами и, поочередно передвигая их, в короткое время достигал самой верхушки копья, с которой и спускался вниз. В то же самое время, имевший на голове копье, безостановочно прохаживался взад и вперед. Другой бросал вверх стеклянный шар и потом ловил его или мизинцами, или локтями, или другим каким способом. Такие фокусы не всегда сходили с рук счастливо и без вредных последствий; нередко, обрываясь, эти люди ушибались до смерти. Из отечества их отправилось больше сорока человек, а достигло Византии в добром здоровии меньше двадцати. Несмотря, однако же, на это, они, собирая со зрителей большие деньги, продолжали ходить всюду как для прибыли, так и для того, чтобы показать свое искусство, и обошли почти всю вселенную". Упражнения византийских акробатов очень похожи на гимнастические чудеса, которыми угощают публику в современных цирках.

Византия хвасталась перед иностранцами своим богатством и своими театральными представлениями. Во время приема иностранных послов развешивали в дворцовом зале всевозможные драгоценности, и царь садился на трон, называвшийся Соломоновым и представлявший верх ювелирного искусства. В 1161 г. император Мануил Комнин принимал турецкого султана Калидж-Арслана. По этому случаю, по словам очевидца, воздвигнут был блистательный престол и поставлено очень высоко над полом кресло. Оно сделано было все из золота и со всех сторон унизано драгоценными камнями; жемчужин было столько, что сосчитать их было невозможно. На царе было пурпуровое платье. Оно сверху до самого

подола горело карбункулами и блистало жемчужинами, которые были не как-нибудь разбросаны, но расположены чудным узором, искусство произвело из них на одежде как бы настоящий луч. С шеи на грудь спускался на золотых цепях камень необыкновенной величины и необыкновенного цвета; он горел, как роза, а по виду походил особенно на яблоко.

В честь султана византийский царь давал пиры, увеселял его конскими бегами и, по словам византийского историка, до пресыщения угощал его зрелищами ипподрома.

Из одного сообщения, записанного современником, видно, что участие в театральных представлениях принимали высокопоставленные особы и находили в этом забаву. Император Исаак Ангел праздновал свадьбу своих дочерей. По этому поводу устроил интимные увеселения в Влахернском дворце не для публики, а только для избранного кружка. В состязаниях на бег и в борьбе приняли участие молодые люди из самых знатных семейств. Все было устроено по-театральному. Роль градоначальника, в действительности распоряжавшегося увеселениями на ипподроме, играл один сановник. Другой сановник изображал герольда и, надев на голову серебряную покрышку с обнаженными по локоть руками, три раза вызывал желающих состязаться в беге. А один знатный молодой человек, имевший высокий чин, стоя спиною к герольду, всякий раз, как тот садился, давал этим сигнал к началу бега, громко ударял себя подошвой своей ноги по сиденью так, чтобы удар был слышен. Этим зрелищем наслаждались царь, царица и высшие сановники.

В театральных представлениях того времени могли участвовать мимы, т. е. комические актеры, разыгрывавшие маленькие пьесы. Они появились в Риме и в

Греции в позднюю эпоху, когда оживало драматическое искусство Софокла и Еврипида и когда этих выдающихся писателей не заменили драматурги, сколько-нибудь подходившие к ним по таланту. Мимы играли нисший вид комедии, те сцены, которые теперь называются фарсом. В Византии они не могли занимать официального положения. Церковь преследовала их и вооружалась против театральных представлений вообще. Она имела к тому, со своей точки зрения, две уважительные причины. Сценки, дававшиеся мимами, были сплошь языческими и сверх того носили отпечаток грубого цинизма. Духовенству представлялось необходимым истреблять остатки язычества и вводить чистоту нравов. Как только римские императоры об'явили христианскую религию господствующей и государственной, они стали на точку зрения строгих отцов церкви и сочли своей обязанностью бороться с театром и мимами. Уже в IV и в V веках сделаны были некоторые распоряжения в таком смысле. Запретили устраивать театральные зрелища по воскресеньям, а затем и по праздникам. Вместе с тем принизили актеров. Мим стал обездоленным человеком, неполноправным гражданином; свидетельств его на суде не принималось. На византийском языке мим, танцовщица, актриса и публичная женщина были синонимами. Они пользовались дурной репутацией, потому что позволяли себе грубые слова и непристойные шутки. Мимы считали возможным не только говорить все, что взбредет на ум, но и телодвижениями представлять интимные отношения между полами. Легкие костюмы, в которых являлись актрисы, смущали отцов церкви, проповедывавших самый строгий аскетизм. Само собою разумеется, что при этих условиях представления мимов не могли иметь места на ипподроме, когда увеселения устраивались самим императором. Но жизнь

брала свое. Народ не мог постоянно предаваться мрачному аскетизму. Характер его не изменился оттого, что одна религия заменила другую. Византийцы желали смеяться и весело проводить время, не менее, чем их отдаленные предки. Поэтому на свадьбах, на пирах, на народных празднествах появлялись мимы, игравшие всякие скандальные сценки; в женском платье, с литаврами и кимвалами в руке, они изображали продажных женщин, сводников и пьяниц.

Византийские фарсы до нас не дошли и едва ли они записывались. По всей вероятности они устно передались от одного актера другому и в значительной степени импровизировались. И до сих пор цирк не имеет печатных произведений. Современные клоуны, происшедшие от средневековых мимов, повторяют те же пантомимы и те же остроты, но по мере своего таланта стараются их разнообразить и изобретают новые каламбуры. Элементы комических сцен в Византии оставались те же, как и в древности. На первом плане стояли действующие лица из простонародия: торговцы, колбасники, повара, содержатели гостиниц. Смешить должны были: скупой, влюбленный дедушка, которого все надувают, горбатый, лысый болтун, рассказывающий разные глупости, дурачок. Сатирические сцены рисовали древние греческие художники; вот человек, хватающий в храме женщину, желая изнасиловать ее; вот лежит пьяный у двери гетеры, а старая сводница обливает его из неудобоназываемого сосуда. Сюжетом часто служило нарушение супружеской верности, причем появлялся влюбленный молодой человек и раздавались непристойные речи.

Некоторое понятие о представлениях византийских мимов мы можем получить на основании греческих и римских фарсов. К Метрихе, живущей в сельской об-

становке, является сводница Гиллис и говорит ей: вот уже 10 месяцев, что ты несчастная овдовела, с тех пор, как твой Мандрис отправился в Египет. Он тебе ни слова не пишет. Неверному мужу там наверно приглянулась какая-нибудь красотка. Скажи, милая, разве ты не чувствуешь себя одинокой? Теперь ты еще молода, но год проходит за годом, свежесть лица постепенно исчезает и волосы седеют. Мы с тобой наедине, не правда ли? Метриха отвечает: никто нас не слышит. Гиллис продолжает: я пришла, чтобы сделать тебе удовольствие. У меня есть знакомый Гриллос, он пять раз получал первый приз за борьбу, он мягкого нрава и ботат. Он увидел тебя на празднике и возгорелся страстным пламенем, и с тех пор он не дает мне покоя. Это я делаю для тебя, смотри, подкрадется старость. Я желаю твоего счастья. Скажи сейчас же, что ты согласна. Метриха отвечает решительным отказом, но все-таки угощает Гиллис кубком вина. Сводница уходит довольная и говорит, что она попытает счастья у других женщин.

Другая сценка разыгрывается у учителя Ламприска. Простая женщина Метротима приводит к нему своего сына Коттала. Он говорит, что мальчик совершенный негодяй и ничем дельным заниматься не хочет, из него в лучшем случае можно сделать погонщика ослов. Мать просит учителя исправить ее сына, научить его грамоте и бить сколько угодно. Комизм сцены заключается в том, что учитель стегает мальчика плетью, он просит пощады, а мать радуется. В лавку сапожника приходят покупательницы. Актер, играющий сапожника, смешит публику тем, что расхваливает свой товар и указывает на свою лисицу.

В одном римском фарсе молодая женщина влюбляется в Галана. Раб играет роль сводника и проводит

Галана в дом молодой женщины, где он достигает желанной цели. Вдруг появляется постороннее лицо. Галан прячется в ящик. Постороннее лицо остается очень долго. Галан задыхается и вынужден выйти из ящика; таким образом муж узнает о неверности своей жены. Он глуп и ревнив, набрасывается на жену. Но последняя ласкается к нему, рассказывает всякие небылицы, уверяет, что ничего подобного не было. Сценка кончается тем, что глупый муж верит жене и примиряется с Галаном.

Кроме мимов существовали в Византии люди, называвшиеся потешниками, соответствовавшие нашим скоморохам. Они смешили народ разными штуками, мазали лицо сажей, надевали звериные маски. Иногда появлялись вожаки ученых медведей и показывали дрессированных собак. Пришел из Италии некий Андрей, рассказывает летописец Феофан, с рыжей и слепой собакой, которая по его приказанию давала представления. Дело происходило на площади. Андрей потихоньку от собаки брал у зрителей, толпившихся в большом количестве, кольца золотые, серебряные и железные, разбрасывал их, покрывал землей, а собака узнавала, кому какое кольцо принадлежит. Затем собака распознавала, каким императором выпущена та или иная монета, наконец она угадывала, какая из зрительниц беременна, кто в собравшейся толпе скуп, кто щедр, кто развратен.

В Византии и знать и народ справляли не только христианские церковные праздники, но и некоторые языческие, оказавшиеся до такой степени живучими, что они до сих пор не забыты. Важнейшие из этих праздников были брумалии, календы и русалии. Брумалии (от самого короткого дня, называвшегося брума) происходили в ноябре, когда провожали осень, хоронили бога Диониса (Бахуса). Календы — январский праздник, по-

священный новому году, русалии праздник роз и весны после Пасхи, около Троицына дня. Очень интересно что брумалии и календы преданы были церковной анафеме. В постановлении шестого вселенского собора, провозглашенном в 706 г., прямо сказано: так называемые брумалии и календы должны быть уничтожены. Тем не менее византийские императоры, считавшие своей обязанностью соблюдать и приводить в исполнение правила вселенских соборов, в этом случае не хотели им подчиняться и отменять глубоко вкоренившийся обычай. В житии Стефана, пострадавшего от иконоборческого царя Константина Копронима, этому последнему ставится в вину, что он праздновал брумалии. „Зверообразный и деспотический царь, говорит автор жития, который самым гнусным образом проявлял пристрастие к эллинскому язычеству, праздновал брумалии, т. е. бесовский праздник". Окруженный музыкантами царь пировал до утра. В этом обвинении сказалось пристрастие монаха, ненавидевшего императора, который не поклонялся иконам. В действительности, при дворе самых строгих ревнителей православия праздновали брумалии.

В Церемониале, редактированном в X веке при Константине Богрянородном, источнике официальном, говорится о том, как во дворце праздновали брумалии; сановники входили в залу, называвшуюся Триконхом, где имелся царский трон, брали у придворного чина свечи и затем со свечами в руках кружились хороводом по зале, приплясывая и припевая; некоторые сановники пели песни, посвященные брумалиям, отдельный хор из придворных чинов и столовых евнухов пел также такие особенные песни, петь которые полагалось в брумалию; когда сановники и придворные начинали петь, входил царский человек и плясал, затем все приветствовали царя, после этого входил в залу придворный,

называвшийся протовесторием (в роде обер-камергера) с деньгами, тогда все сановники падали ниц и получали денежные подарки, представителям народа бросали серебряные монеты. Вечером во дворце давали ужин, на который приглашали тех чиновников, которых по штату полагалось приглашать, тогда опять пели песни во славу брумалий, их кормили, поили и даже серебряные деньги им раздавали, царь ужинал в той же зале, но за отдельным столом, со своим семейством и со своей придворной свитой, на следующий день вторично пировали и опять пели брумальские песни, к этому в Церемониале следующее примечание: празднование брумалий было отменено в царствование Романа (919—944 г.) под предлогом благочестия, так как ему казалось неправильным соблюдать обычаи древних римлян-язычников, причем он не принял во внимание великого приснопамятного Константина, ни Феодосия, ни Юстиниана, ни других христолюбивых царей, которых можно бы назвать полубогами. Однако при Константине (944—959 г.) празднование брумалий было возобновлено и постановлено раздавать сановникам 50 мер (фунтов) золота (21088 руб.).

В январские календы, именно 2 января (а не 1 января, потому что это день Василия Великого), происходили во дворце так называемые готские игры, все участвовавшие делились на две половины, налево стояли некоторые сановники и представители голубой партии со своими бандуристами, державшими бандуры в руках, за ними занимали место два гота, ряженые в масках с мечом и щитом в руках, направо начальник дворцовой стражи, представители зеленых со своими бандуристами, а также два ряженых гота. Сановники и народные представители пели в честь императора длинную песню, которая несколько раз прерывалась воен-

ной пляской готов, они не только плясали, но и пели под аккомпанимент бандуристов малопонятные слова, которые восстановлены современными учеными и оказались на испорченном латинском языке. Почему эти игры назывались готскими, нам неизвестно; в них ничего нет специально германского. Может быть в Византии сохранилась память о готской страже, бывшей у восточно-римских императоров (за 500—600 лет до составления Церемониала), и именно этими готами рядились люди, которые на святках должны были забавлять Византийский двор.

Народ праздновал по своему брумалию и календы, во время брумалий рядились... женщины переодевались мужчинами, мужчины—женщинами, носили маски, это напоминает древне-греческие празднества в честь Диониса, когда чернили лицо сажей или наоборот, белили его, когда предавались неистовым пляскам, мимически воспроизводившим различные акты при сборе винограда и изготовлении вина.

Во всем греко-римском мире праздновали январские календы первоначально с 1 по 5 января, а потом празднество растянуто было на 12 дней с Рождества до Крещения, это был праздник всеобщей радости, когда чрезвычайно много ели и больше пили, когда даже у бедняка оказывались на столе лакомые кушанья. В ночь на 1 января веселая толпа бродила по улицам, с песнями и плясом, свистом и гамом, стучалась в дома, будила хозяев шутками и насмешками, рядились и попрошайничали, дети ходили из дома в дом, подносили хозяину яблоко, утыканное серебряными монетами, за которое получали вдвое. Календы обошли всю Европу и под названием коляд не забыты еще на Руси.

Простые люди могли весело проводить время в трактирах, для знати и чиновников такие заведения

считались неприличными. Высокопоставленные особы пировали в частных домах. Влечение к вину было одинаково распространено во всех слоях общества; рассказывая об одном случае, когда взбунтовавшаяся толпа быстро успокаивалась, византийский историк замечает: „народ оказался таким сговорчивым, потому что его не поощрял к бою его обычный вождь, вино, так как дело началось с утра, а если бы эти люди предварительно нагрузились вином и тогда ухватились за ножи, то какие сирены-очаровательницы могли бы возвратить их к миру?“ Про средневековой Константинополь говорили: в Византию кто не приедет, будет пьян, там по целым ночам пьянствуют. Ночное пьянство старались ограничить полицейскими мерами, содержателям трактиров по вескресеньям и большим праздникам запрещено было торговать раньше 8 часов утра и позже 8 часов вечера. Если бы, говорится в полицейском уставе, посетители трактиров имели право сидеть там ночью после того как они провели там день, они под влиянием вина могли бы безнаказанно совершать разные насилия.

В житии Андрея Юродивого описана следующая трактирная сцена. Андрей отправился на рынок к лавкам, где продавали хлеб, туда пришли юноши, прожигавшие жизнь, любившие устраивать разные штуки, они схватили юродивого, повели его в трактир и угощали вином и едой, вместе с тем они потешались над Андреем, представлявшимся дурачком и били его по затылку, один из увеселявшихся поставил на стол кубок, наполненный превосходным вином. Юродивый схватил кубок, выпил его, отколол кусок с краю и убежал. Веселая компания бросилась за ним, догнала его и опять привела в трактир, тут принялись бить Юродивого, но он этим не смущался, ожидая, когда его му-

чители, в свою очередь, поплатятся. Вечером юноши пошли в публичный дом и взяли с собой Андрея. Но тот не захотел видеть непотребных женщин и остался на улице, изображая нищего. Погуляв в лупанаре, юноши уже ночью отправились домой, по дороге их встретил полицейский дозор и связал, дойдя до того места, где лежал Андрей, полицейские сняли с юношей платье и начали наказывать их плетьми. Юродивый, не желая мстить людям, над ним издевавшимся, стал просить полицейских не сажать их под арест, с такой же просьбой обратились к полиции откуда-то появившиеся родственники и кутил освободили.

О предшественнике Андрея Семеоне Юродивом рассказывали следующее. Видя, что Симеон бродит по улицам, один трактирщик предложил ему: не хочешь ли вместо того, чтобы странствовать по городу жить у меня и продавать бобы, Симеон ответил: хорошо, пробыв день у трактирщика, юродивый начал поедать бобы в громадном количестве, потому что он перед тем не ел целый день, жена трактирщика говорит мужу: откуда привел ты этого человека? Если он будет так пожирать, нам нечего будет продавать, я видела, как он с'ел целый сосуд бобов. Скоро оказалось, что он и другие овощи не продавал, а раздавал своим собратьям. Когда обнаружилось, что в шкапу нет ни денег, ни товара, хозяева вцепились Симеону в бороду и побили его. Впоследствии однако Симеон доставлял выгоду трактиру, очень многие говорили; пойдем пить туда, где сидит юродивый, дурачества его привлекало их, несмотря на это хозяин держал его впроголодь. Однажды в трактир вкралась змея и выпустила свой яд в сосуд с вином, Симеон взял полено и разбил сосуд, трактирщик выхватил полено и побил юродивого за то, что он причинил ему из'ян, когда вслед за тем опять при-

ползла змея и Симеон заговорил ее, хозяин понял, что он спас его от смерти и что Симеон человек необыкновенный.

Столичное население не пропускало, конечно, тех зрелищ, которые можно было видеть на улицах — по праздникам царь совершал выходы из дворца в св. Софию и другие храмы; путь, по которому следовала процессия, принимал праздничный вид; его устилали зелеными ветвями и цветами, за императором шло множество сановников и чиновников в праздничных одеяниях, которые они обязаны были носить, так как каждому чину присвоен был отдельный костюм. Особенно пышное торжество происходило, когда царь возвращался в Константинополь после одержанной победы и в нем принимал участие весь народ. Когда Іоанн Цимисхий пришел после удачного похода на Восток, он с триумфом вез по площади громадную добычу, множество золота, серебра, шелковых тканей и ароматов. Граждане дивились сокровищам, полученным от врага, с почестями принимали царя и с приветственными кликами провожали его во дворец, прославляя его великие победы. Для своего торжественного возвращения царь Мануил Комнин приказал соорудить колесницу и отделать ее серебром; когда настал день, назначенный для торжественного шествия, улицы украсились всевозможными коврами, тканым золотом и пурпуром, по обеим сторонам дороги устроили деревянные подмостки для зрителей, в колесницу запрягли четыре великолепные лошади белой масти, но царь не пожелал воспользоваться колесницей, он положил на нее чудотворную икону Богородицы, которой приписывал победу, велел важнейшим сановникам вести лошадей за узду, а сам пошел пешком перед колесницей с крестом в руках. В св. Софии отслужили молебен при громадном стечении народа.

Михаил Палеолог одержал блестящую победу над королем Карлом Анжуйским. Стоит повествования, рассказывает византийский историк, торжество в столице по случаю этой победы, зрелище для патриотов было восхитительное, когда царские полководцы, разбив врагов на голову, раздели павших, собрали множество оружия, платья, коней и всяких красивых вещей, и вели живых пленников, закованных в цепи; царь осматривал пленников, они были изнурены; одежда на них была не прежняя, а изорванная, случайно подаренная им добрыми людьми из сострадания; обошедши внимательно их ряды и видя изнуренные их тела, которые почти нельзя было назвать телами, а разве тенями древних гигантов, замечая также, что души их были сокрушены тяжкими страданиями, царь тронут был их несчастиями и, поднявши руки к небу, внятным голосом вознес благодарение Богу. Затем царь, желая воздать благодарность Богу, приказывает водить пленных в торжественной процессии, не для того, чтобы совершенными подвигами величаться самому, но чтобы виновником победы признать Бога и словословить его одного, торжество это было устроено так: царь стоял на возвышенном месте во Влахернском дворце, откуда ему все было видно и откуда сам он виден был всем; пленные сидели на лошадях, но не верхом, а по женски сбоку, свесив обе ноги на одну сторону, каждому дано было в руки копье из бумаги в знак полного их поражения, по обеим сторонам процессии стояла огромная толпа, и многие жалели, что с таким бесчестием ведут вельмож, но другие смеялись, а чернь посвистывала и глумилась над пленными, зрелище отличалось разнообразием, старый шел за юношей, обнаженный за одетым, накрытый шапкой за пленным без шапки, сухощавый за тучным, печальный за веселым, убитый стра-

даниями за сохранившим присутствие духа и каждый приковывал к себе взоры праздной толпы. Каждый пленный, ехавший на лошади, должен был, поравнявшись с царем, приподняться на седле и поклониться царю со смиренным видом, после того как пленные проследовали по всей столице от одного конца до другого, их заключили в крепость, простолюдины смеялись над ними, заканчивает свое повествование византийский историк, а более образованные жалели их.

IX. Судебные дела.

Мы имеем надлежащие сведения о том, какие были в Византии суды и как в них велось судопроизводство, но судебных процессов, обстоятельно изложенных, дошло до нас чрезвычайно мало. Тем более надо дорожить теми, которые сохранились. Они бросают яркий свет на византийские нравы и понятия.

Дела возникали иногда вследствие странного обычая обручать малолетних детей. Закон давал право отцу совершить от имени дочери, начиная с семилетнего возраста, брачный договор, который был обязателен для жениха. Такая мода имела кроме других еще следующее скверное последствие. Родители торопились отпраздновать свадьбу, как только невеста вступала в законный возраст, т. е. когда ей исполнялось 12 лет. Но даже и в Константинополе такие ранние браки дурно отражались на здоровьи женщины, которая становится матерью, не достигнув 13 лет. Византийские цари даже этого срока не соблюдали, и одну 8-летнюю царевну выдали замуж за 40-летнего сербского короля; хотя тот поклялся, что пощадит девочку и подождет, когда она созреет, он своего обещания не исполнил. Император Андроник (в XII веке) сверг с престола своего племянника Алексея и женился на его невесте, 11 летней Марии, тогда как ему самому было уже 50 лет и на голове только кое-где росли седые волосы. Обручение

по прошествии некоторого количества лет представлялось иногда нежелательным родителям, неосмотрительно его совершившим, и они хлопотали об уничтожении договора.

Случилось это со знаменитым философом и сановником Михаилом Пселлом. Похоронив свою единственную дочь, он взял приемыша и решил пристроить ее как можно скорее. Ей было всего 7 лет, но приемный отец пожелал выдать ее замуж за Елпидия Кенхри, 14 летнего юношу. Пселл заключил с Елпидием письменный договор такого содержания. Юноша обязуется жениться на приемной дочери Пселла по достижении ею брачного возраста, Пселл обязан дать ему в приданое 50 литр (фунтов) золота (20100 руб.). Пселл выплатил эту сумму, но не сполна. Он уплатил 10 литр золотой монетой (4020 руб.), 20 литр дал серебряными деньгами и медью, а вместо остальных 20 литр (8040 руб.) предложил такую сделку. Звонким металлом жених ничего не получит, но зато Пселл исходатайствует для него пред императором чин протоспофария. Елпидий согласился обменять 20 литр или 1440 золотых монет на чин. Правда, он имел уже чин спафария и повышался только на один чин, но повышение это имело важное значение. С протоспафария начинались так называемые сенаторские чины, дававшие право принимать участие во всех придворных церемониях. Таким образом совершалась довольно откровенная продажа чина, впоследствии ее внесли в судебный протокол, и она нисколько не смущала правосудие. Покупка чина считалось делом обыкновенным и существовала даже общепринятая расценка чинов. Лицу, награжденному чином, полагалось содержание, так называемая руга. В чине спафария Елпидий получал всего 12 номизм (67 рублей), протоспафарию полагалась литра (72 номизмы). За этот чин считали

возможным платить 20 литр, что было равносильно помещению капитала из 5 процентов. Таким образом сделка, предложенная Пселлом, представлялась Елпидию лестной и небезвыгодной. Расчетливый философ мог со своей стороны сберечь 20 литр. Так как он пользовался покровительством императора, ему легко было выхлопотать чин даром.

Благодаря своему будущему тестю Елпидий сделал такую блестящую карьеру, что она должна была поражать даже ко всему привыкших византийцев. Юношу зачислили сначала нотарием (т. е. младшим чиновником) в один из константинопольских приказов (по теперешнему, министерств), а вслед затем ему дали ответственную должность столичного судьи. Вскоре юноша получил дальнейшия повышения, место фесмографа, т. е. чиновника, составлявшего постановления по приказным делам, мистографа, т. е. старшего чиновника, ведавшего секретные дела приказа, наконец экзактора, т. е. важную должность в финансовом управлении. Все эти ступени Елпидий прошел в пять лет и будучи еще совсем молодым 19-летним человеком обогнал стариков, долго служивших. Пселл, несомненно, злоупотребил своим высоким положением и тем влиянием, каким он пользовался при дворе. Он сам был в высшей степени недоволен своим будущим зятем и считал его негодяем. Пселл старался сделать из Елпидия образованного человека и заинтересовать его наукой, силился, по византийскому выражению, возделать его душу, а тот противопоставлял ему тоже усилие,—не воспринимать бросаемых ему семян. Пселл предлагал юноше заняться книгами и учением, а тот говорил, что интересуется только лошадьми и проводил время с мимами и возницами, участвовавшими в бегах. Пселл пытался сделать Елпидия хорошим человеком, а тот со своей сто-

роны старался сделаться негодяем. Так сражались они друг с другом, стычка была блестящей, но еще более блестящей победа Елпидия.

Пселл был чрезвычайно расстроен поведением своего будущего зятя и часто проклинал его самыми страшными проклятиями. Тем не менее он не хотел сейчас же расторгнуть обручение, надеясь, что жених может еще исправиться. Всячески увещевал он юношу, просил его отказаться от общества потешников и мимов, и сближаться с людьми серьезными и добродетельными. Но Елпидий затыкал уши и ничего не слушал. Несмотря на такое недостойное поведение жениха, будущий тесть продолжал оказывать ему покровительство и выпросил ему у императора места фесмографа и мистографа. После того Пселл опасно заболел, решил постричься и покинуть Константинополь. Раньше чем уйти из столицы, он обратился к царю Константину Мономаху с последней просьбой. Он убедил царя хоть и не без труда, дать Елпидию высокий чин патрикия.

Пселл удалился в один малоазиатский монастырь, но пробыл там короткое время и вернулся в столицу, когда на престоле сидела императрица Феодора. Тут философ узнал, что жених нисколько не исправился, напротив, полным ходом несся по пути, противоположному добродетели. Он столько же беседовал с невестой, сколько с философией и наукой, другими словами не обращал на нее ни малейшего внимания. Не зная, как быть, Пселл прибыл к царице и подал прошение на высочайшее имя. В прошении он изложил все дело, он облагодетельствовал Елпидия, а тот ответил ему неблагодарностью и непослушанием, бросает из рук книги, вращается в позорнейшем обществе, относится с ненавистью к своей невесте. На этом основании Пселл заявляет, что желал бы отказаться от жениха и порвать

брачный договор, но просит императрицу сохранить за Елпидием его должность и только лишить его чина патрикия. Феодора положила такую резолюцию: лишить Елпидия чина патрикия, а дело о расторжении обручения разобрать суду.

Судьям предстояло рассмотреть, есть ли достаточное основание признать недействительным договор, заключенный Пселлом с Елпидием. Прежде всего введены были стороны: истец, монах Михаил Пселл и бывший патрикий Елпидий и защитник его спафарий Иоанн Кордака. Слово предоставлено было истцу. Он должен был об'яснить те причины, по которым желает уничтожить обручение. Пселл начал с сожаления, что ему приходится публично говорить о таких интимных семейных делах. Он изложил вышеприведенные обстоятельства, указал на злой нрав Елпидия, на его отвращение к науке, на недостойное поведение, на пристрастие к мимам и негодным людишкам, на ненависть к невесте, ради которой он удостоился важных должностей. Слова Пселла подтвердили свидетели, ипат (чин) Федор Миралид, братья Ксириты (тоже чиновники) и фесмограф Михаил. Федор Миралид засвидетельствовал, что Елпидий враждебно относился к Пселлу и не хотел знать своей невесты. Ксириты прибавили к этому, что жених не желал жить, согласно предписаниям Пселла, и избрал совсем другой образ жизни. Фесмограф Михаил, изложив показания остальных свидетелей, со своей стороны, засвидетельствовал неблагодарность Елпидия, его бесстыдство, дерзость и нежелание повиноваться облагодетельствовавшему его лицу. Таким образом на суде подтвердилось все то, что изложил Пселл в прошении на высочайшее имя.

После того суд занялся вопросом, как расторгнуть обручение на основании точного смысла законов. Судьи

предложили Пселлу одно из двух: или привести еще какие-нибудь обвинения против Елпидия (напр. что он неверен невесте), чтобы он мог развязаться с женихом без штрафа, или же уплатить штраф и освободиться от него таким путем. После некоторого колебания что выбрать, выразившегося в минутном молчании, Пселл сказал, указывая на свои седые волосы (ему было всего 38 лет): я, о законы, судьи и все здесь предстоящие, устыдился бы своей седины, если бы из за 15 литр золота стал говорить публично о грязных делах; мне и перед самим собой совестно рассказывать гнусные и позорные вещи и я сделался бы всеобщим посмешищем, если бы я стал рассказывать тайные дела, а потому я этого не сделаю и охотно заплачу штраф. После этого заявления суд замолчал и защитникам не пришлось говорить; нечего было проводить ни за, ни против, когда сам истец соглашался заплатить штраф.

При окончательном расчете штраф оказался не страшен. В виду расторжения брачного договора Елпидий обязан был возвратить приданое. Пселл заявил на суде, что из всего приданого в 50 литр, Елпидий отдал ему 30 литр, что следовательно за ним остается 20 литр. Елпидий возражал, что он возвратил все, полученное деньгами; остальные же 20 литр, которые с него требуют, это цена чина протоспафария, но он не видит надобности платить за чин. Суд не признал основательности этого возражения. Елпидий согласился принять чин протоспафария вместо 20 литр. Поэтому Пселл и просил императрицу сохранить за Елпидием чин протоспафария. В высочайшем указе прямо сказано, что Елпидий не лишается этого чина, так как он составляет часть приданого. В виду всех этих соображений суд сделал следующее постановление. Пселл обязан уплатить Елпидию 15 литр штрафа, а Елпидий

Пселлу за чин протоспафария 20 литр; пусть будут взаимно покрыты их долги, штраф пусть будет зачтен Елпидию за чин протоспафария, а чин протоспафария будет зачтен Пселлу за штраф. Так как сумма штрафа не соответствует цене чина протоспафария, то следовало бы Пселлу получить с Елпидия 5 литр. Суд однако делает снисхождение Елпидию и прощает ему 5 литр с тем, чтобы он не требовал в двойном количестве задатка, который, как он говорит, он внес при заключении брачного договора, какова бы ни была сумма задатка.

Из этого процесса видно, что богатому человеку легко было разделаться с нежелательным женихом. Стоило только пожертвовать 15 литр, 1080 золотых монет (6026 руб.). Но по тогдашнему времени это представляло очень значительную сумму, которая не имелась у среднего человека. Уважительными причинами для уничтожения брачного договора без штрафа считались случаи довольно редкие: желание одного из брачующихся поступить в монастырь, ересь, сумасшествие, неверность невесты (которой во время малолетства и быть не могло).

Один молодой человек выставил другой повод для расторжения обручения и проиграл дело. Имея 18 лет от роду, Комнин заключил письменный договор с протоспафарием Илией и обязался жениться на его дочери. Он обязался совершить брачный договор не позже 6 месяцев и получить приданое. В случае же своего отказа должен был заплатить штраф в 25 литр (свыше 10 тысяч рублей). В назначенное время Комнин заключил брачный договор, получил в приданое 6 литр и взял на себя обязательство уплатить штраф в 30 литр, если откажется от брака, причем с него не снимался и штраф в 25 литр. Обручение совершено было с одо-

брения царя. Чрез некоторое время Комнин заявил, что не желает жениться на дочери Илии, и царь рассердился на него. Тот возразил, что при совершении обручения он был несовершеннолетним и его ввел в заблуждение попечитель. Царь сказал, что он утвердил обручение и не позволил ему вести процесса. После смерти царя Комнин поднял дело. Он опять указывал на свое несовершеннолетие. Судья возразил, что несовершеннолетие не избавляет от ответственности за обман. Он обманул протоспафария Илию тем, что ворвался в дом мужа, имеющего сенаторский чин, и его благородной жены, видел его дочь и беседовал с ней. Все это дозволялось только жениху. Далее несовершеннолетнему, имеющему более 14 лет и следовательно не малолетнему, предоставлены некоторые права, которые влекут за собой известные обязанности. Такой несовершеннолетний может написать духовное завещание, и закон признает его действительным. Несовершеннолетний вплоть до 14 лет находится под властью опекуна, от 14 до 25 лет за ним наблюдает попечитель. Когда попечитель заключает брачный договор от имени несовершеннолетнего и когда последний заявляет, что был обманут, суд должен рассмотреть, в чем проявился обман, и если попечитель состоятельный человек, он должен дать юноше удовлетворение, но брак все же не расторгается. Обручение однако может быть уничтожено, в случае, если обман будет доказан если же он доказан не будет, обручение не может быть расторгнуто без штрафа. После прений суд вынес такое решение: обручение сохраняет свою силу, а штрафов никаких взыскивать не следует.

В процессе Пселла заметна любопытная черта, постоянно повторяющаяся. Царь вмешивается в семейные дела своих подданных позволяет или запрещает моло-

дому человеку жениться. Совершенно также поступали помещики по отношению к крепостным. Происходило это отчасти потому, что византийский монарх считался верховным судьей и истолкователем законов. Высшей инстанцией считался императорский суд, в котором председателем был царь. Поэтому император мог вынести приговор, далеко не соответствующий смыслу закона, что сказалось на деле Империи. За безнравственные поступки полагались очень строгие наказания. За прелюбодеяние отрезывали нос, кровосмешение между родственниками разных степеней каралось телесным наказанием, отсечением руки, даже смертною казнью. Вступивший в связь с невинной девушкой с ее согласия обязан был уплатить ей штраф в одну меру золотом в том случае, если он отказывался на ней жениться, несостоятельных подвергали за то же преступление телесному наказанию и отправляли в ссылку. На практике дело могло принять совсем другой оборот, как видно из следующего случая, имевшего место в XI веке. Чиновник Имерий, сын Соломона, имевший чин протоспафария, влюбился в молодую девушку, дочь протоспафария Тихиота и соблазнил ее так, что этого не подозревал ее отец. Узнал он о печальном происшествии, когда его дочь оказалась беременной, и потребовал, чтобы соблазнитель женился. Имерий отправился в церковь вместе с молодой девушкой и дал торжественное обещание вступить с ней в брак. Но этому воспротивился отец Имерия Соломон. Молодой человек не имел возможности повенчаться без согласия отца. Через некоторое время Соломон умер, но Имерии разлюбил уже соблазненную девушку и собирался жениться на другой. Тогда Тихиот возбудил против него дело, которое разбиралось в так называемом суде на ипподроме. Судьи однако не пришли ни к какому ре-

шению, потому что не могли столковаться между собой. Обстоятельство это довели до сведения императора, и он издал два письменных постановления. В первом он приказывал Имерию жениться на дочери протоспафария Григория, которую тот, повидимому, тоже соблазнил; во втором повелевал еще раз разобрать дело Тихиота. Опять начался процесс и опять появилось разногласие. Один судья находил, что надо применить статью закона об изнасиловании, по которой виновный карается телесным наказанием и денежным штрафом. По мнению другого судьи можно было ограничиться литрою штрафа и подвести преступление под статью гласящую: „Если кто вступит в связь с девушкой с ее согласия, но без ведома родителей, и по обнаружении этого факта захочет на ней жениться, пусть женится, если родители согласятся. Если же отцы обеих сторон не согласны на брак, соблазнитель должен уплатить девушке литру золота, в случае он богат, в случае же небогат — половину своего состояния, а если он совсем беден, бить его плетьми, выбрить голову и сослать". Среди судей находился знаменитый юрист XI века Евстафий. Он нашел, что его коллеги не правы, и посмотрел на дело с другой точки зрения. Когда в одном деле заключается несколько преступлений, суд имеет право признать одно из этих преступлений наиболее значительным. В данном случае произошло следующее: Имерий посылал сводников в дом Тихиота и сам ворвался в дом против желания хозяина, следовательно Тихиоту прежде всего было нанесено оскорбление. Если кто войдет в чужой дом без согласия хозяина, это считается по закону оскорблением даже в том случае, когда входят с целью привлечь к суду человека, скрывающегося в этом доме. Неужели же не считать оскорблением, когда кто врывается в чужой дом с целью соблазнить

девушку? Итак, доказывал Евстафий, надо судить Имерия не за преступление против нравственности, а за оскорбление Тихиота. Соглашаясь с мнением Евстафия, суд постановил: признать Имерия виновным в оскорблении Тихиота и наложить на него за это штраф в 150 номизм (847 рублей), а за содеянное с невинной девицей взыскать с него еще 210 номизм 1172 рубля). Таким образом, подсудимый отделался деньгами, тогда как его должны были покарать каким-нибудь членовредительным наказанием, напр. вырвать у него ноздри. Знаменитый юрист искусно обошел закон, потому что ему надо было исполнить повеление императора. При обвинении в оскорблении Тихиота, Имерий не обязан был жениться на его дочери и мог жениться на другой, как приказал царь.

В системе доказательств, принятой византийским судом, были некоторые особенности. Большое значение придавали присяге. И от истца и от свидетелей требовали подтвердить их показание клятвой и такое подтверждение или отказ от него решал исход дела. Это видно из тяжбы, затеянной Иоанном Ивиритцом. Он заявил, что должен был унаследовать от деда имение Виварий, но что в действительности им незаконно владеет Василий Пикрид. Пришлось проследить историю имения за 50 лет. Оказалось следующее. В 1000 г. дед истца Стефан Ивиритц продал имение некоему Михаилу. Этот Михаил выдал замуж дочь Марию и в приданое отдал ей имение, что значилось в документе от 1013 г. Позже Мария вместе с мужем продали имение Пикриду, отцу Василия. Вчиняя иск в 1049 г. Иоанн Ивиритц уверял, что запродажная подложна. Суд потребовал, чтобы истец клятвенно заверил, что он говорит правду и не клевещет на Пикрида, Иоанн отказался давать показание под присягою и суд постановил в иске ему отказать.

Судьи очень часто оказывались в затруднительном положении, когда шел спор о земле, не было межи и границы владения приходилось устанавливать на основании свидетельских показаний. При вводе во владение Андроника Дуки выше упомянутым имением Варис в акт записали следующее: в пределах имения Варис есть земля, которой незаконно завладел монастырь Оровон, как утверждают крепостные и священник Мосх, и которая нами не измерена; надо произвести расследование и пройти по этому месту с честным крестом. С этой целью приглашались сведующие люди, указывавшие границы с крестом в руках. Предполагали, что они не могут солгать, если несут крест. Указания на этот обычай встречаются в документах. При споре, возникшем у Лемвийского монастыря с соседними крестьянами, 80 летний старец пошел с крестом в руках и указывал старые пограничные столбы, сделавшиеся мало заметными от времени. Когда на Афоне возник спор между Пантелеймоновским монастырем и Никоновским, игумен первого монастыря Митрофан должен был заверить под присягою, что спорное поле принадлежит обители св. Пантелеймона. „И было странно, говорится в афонском документе, видеть то, что произошло, а именно, муж глубочайшей старости, имевший уже около 70 лет, игумен Митрофан, держа на груди святое Евангелие, и два другие старца, также почтенные сединой и добродетелью, из коих один держал на плечах честной крест, а другой пречистую и божественную икону, размежевывали место. У всех нас стали дыбом волосы, когда мы это увидели. Все же с такой страшной клятвой спорное место было размежевано".

У современного историка дыбом становятся волосы, когда он знакомится с удивительным судебным делом, решенным при помощи чуда.

Этот любопытный документ, до сих пор неизданный и списанный мной с флорентийской рукописи, называется словом на совершившееся во Влахернах чудо. В действительности, это своеобразный судебный протокол, излагающий тяжбу о мельнице между воеводой Мандалом и Коллийским монастырем. Начинается документ такими словами: „Настоящий суд—суд не человеческий по человеческому делу, справедливо разрешенному Божией Матерью. Приговор произнесен не у стола судьи, а сверхестественными явлениями". Чудо, решившее спорное дело, произошло в Константинополе, в знаменитом Влахернском храме. Там, на правой стороне иконостаса висела чудотворная икона Божией Матери, задрапированная куском материи, как до сих пор драпируются иконы в Греции. Драпировка вполне закрывала лик Богородицы, а во время утрени в субботу драпировка внезапно раскрывалась или поднималась кверху и молящимся являлся, в обыкновенное время скрытый, лик Божией Матери. Эту икону иногда брали с собой в поход византийские императоры и от нее ждали благословения своему оружию. Царь Алексей Комнин решил 1 ноября 1107 г. выступить в поход против Боэмуида Тарентского. Он пошел помолиться, но Влахернская Божия Матерь не явила обычного чуда (лик ее не раскрылся), и царь испугался. Он принял это за дурное предзнаменование и решил подождать четыре дня. Затем он отправился вновь во Влахернский храм; после его усердной молитвы, чудо совершилось, и император вышел из церкви уверенный в победе.

Судебный протокол начинается с прославления Богородицы, сходящей с неба на землю, чтобы направлять наши дела к лучшему. Повсюду являет она чудеса, во всех городах и у всех народов. Никто из нас не знает, какова истинная природа нашей Спасительницы и За-

ступницы, и никто из земных жителей не может познать и видеть ее. Познать ее могла бы только душа сверхчувственная, стоящая наравне с херувимами. Мы знаем Богородицу только такою, какою изображаем ее на иконах. У нее много храмов в столице, и все они преисполнены божественной благодати. В одних храмах лик Божией Матери нарисован на потолке алтаря, в других она изображается на стенах, чтобы можно было подходить к ней и прикладываться. Иконы делаются из разного материала, в одних храмах из золота, в других из серебра, а в некоторых лик просто нарисован на доске, и Божия Матерь не гнушается таким ничтожным материалом. Богородица присутствует во всех своих храмах, но считается, что она преимущественно обитает в преславном храме Влахернском. Тут являет она чудеса, одни в неопределенное время, другие же в определенное. Излюбленная ее служба та, которая совершается в пятницу после захода солнца. Тогда ткань, находящаяся вокруг иконы, внезапно поднимается, как будто ее привел в движение какой-то дух, и в этом чуде надо видеть нисхождение Духа Святого. В то же время молящиеся замечают, что на иконе изменяется и лик Сына Божия. Чудо это совершается в определенное время, точно также, как солнечное затмение.

После такого введения, совершенно необычного для судебного протокола, начинается изложение тяжбы. Воевода Лев Мандал и Каллийский монастырь оспаривали друг у друга мельницу, находящуюся во Фракийской провинции и очень хорошо работающую. Они судились несколько раз, и судьи присуждали мельницу то одной, то другой стороне. Наконец, они перенесли дело в суд Гавриила Цирифона, занимавшего место судьи фракийской провинции. Судья постановил владеть им мельницей сообща, так как обе стороны имели,

по его мнению, одинаковое право на нее. Этим приговором и воевода, и монахи остались недовольны. Дело их не подвинулось, Мандал по прежнему из'являл претензию на всю мельницу. Спор продолжался. Тогда тяжущиеся решили обратиться к третейскому суду, признававшемуся византийскими законами. Но в судьи выбрали они не человека, а Божию Матерь. Условились поступить следующим образом. Рано утром стать обеим сторонам против иконы Богородицы, держа в руках документы, на которых они основывали свои права на мельницу; затем призывать Деву, изображенную на иконе, и с рыданием молить ее быть судьей в их деле. А спор решить таким образом: если завеса останется неподвижной, признать, что дело выиграли монахи; если же она задвигается, признать, что победил воевода. В назначенный день стороны отправились во Влахернский храм, стали против иконы, молились со слезами и ждали решения своей участи. Прождали некоторое время, драпировка на иконе оставалась неподвижной. Это признали окончанием дела. Монахи радовались своей победе, а воевода стоял опечаленный, осужденный судом Божиим. Мандал собирался уже передать монахам письменное удостоверение, что отказывается от своего права на половину мельницы, как вдруг завеса на иконе Богородицы поднялась на воздух. Все перевернулось. Радовавшиеся опечались, а опечаленный преисполнился радости. Однако монахи не успокоились. Они начали говорить, что чудо совершилось слишком поздно, что оно произошло не в то время, когда стороны молились, а в ту минуту, когда воевода признал права монастыря на мельницу. Некоторые монахи видели в этом доказательство своей правоты. В чуде можно было принять за знак согласия и одобрения того, что делал воевода, а он отказывался от своих прав.

Вследствие того, что и своеобразный третейский суд не внес успокоения, о тяжбе довели до сведения императора Михаила Дуки, который приказал Пселлу разобрать это дело, написать протокол и постановить приговор. Пселл установил следующие положения. Соглашение тяжущихся решить дело на основании чуда должно быть признано равносильным обыкновенному третейскому суду, так как не заключает в себе ничего нелепого. Приговор третейского суда не допускает апелляции. Выиграл дело воевода и соображения монахов не могут быть приняты в рассчет. В условии не было оговорено, когда именно должно совершиться чудо. Судившая Богородица имела полное право постановить приговор, когда ей было угодно. И земные судьи выносят приговор не тотчас же, а когда захотят. Движение завесы не только приговор, но и знак негодования. Покров Богородицы пришел в движение тогда, когда монахи осмелились принять документ на право владения мельницей. Богородица хотела этим устыдить монахов. Вторичное чудо подтвердило первое. Когда по приказанию императора воеводе Мандалу вручен был приговор по его делу в окончательной форме, он пошел во Влахернский храм поблагодарить Божию Матер и тут он был во второй раз свидетелем того же чуда.

В своем судебном протоколе знаменитый философ является истолкователем распространенного в Византии мнения, что Бог разными чудесными явлениями дает знать о будущем и предостерегает человечество. Часто появляются на земле, говорит Пселл, следы невидимых ног и рук, слышатся голоса иногда в воздухе, а иногда из колодцев. Немудрено, что во время молитвы Божество может отражаться материальным образом на иконе, и что нарисованный лик принимает разные цвета и выражения.

Такие явления нередко наблюдали византийцы. Императрица Зоя особенно любила икону Христа Поручника. Когда с ней случалось что-нибудь печальное, она падала ниц перед этой иконой, орошала землю слезами, разговаривала с иконой, как бы с живым существом, называла ее самыми ласковыми именами. По цвету, какой принимал лик Спасителя, во время ее молитвы, она узнавала будущее. Когда Божественный лик бледнел, она уходила опечаленная, зная, что с ней случится, что-нибудь дурное. Когда же он светился ярким блеском, она видела в этом предзнаменование радостного события.

Монах Николай обратился однажды к своей любимой иконе Богородицы со словами архангела: радуйся, Благодатная. И вдруг он видит, что икона облекается в плоть, обращает взор на него и с милостивым взглядом отвечает ему: радуйся и ты, отец.